

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

18 2026
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 18 (621) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Петр Леонидович Капица* (1894–1984), советский физик, инженер и инноватор.

Петр Леонидович Капица родился в Кронштадте в дворянской семье. Его отец отвечал за возведение кронштадтских крепостных сооружений и дослужился до чина генерал-майора, а мать была известным педагогом, знатоком русского фольклора.

С детства Петр проявлял смекалку в технических вопросах и интерес к мудреным конструкциям. В 1912 году 18-летний Петр Капица с отличием окончил реальное училище. Отсутствие гимназического аттестата закрыло ему доступ в университет, и он поступил в Политехнический институт.

Главную роль в формировании физических идей Петра Капицы сыграл профессор Абрам Иоффе. Он привлек способного ученика к работе в лаборатории, привил навыки исследовательской деятельности.

Студенческие годы Капицы совпали с переломными моментами в истории России. Первая мировая война застала Петра Леонидовича в Шотландии. Только в конце 1914 года он смог вернуться в Россию, чтобы тут же отправиться на фронт. В январе — марте 1915 года Капица служил под Варшавой в составе добровольного санитарного отряда в качестве водителя, но в апреле того же года вернулся в Петроград и продолжил учебу.

Летом 1916 года по семейным делам Капица совершил поездку в Китай и Японию. В том же году в печати появились первые публикации молодого ученого: «Инерция электронов в амперовых молекулярных токах» и «Приготовление волластоновских нитей». По методу Капицы их тут же изготовили для лаборатории Иоффе. В 1917–1918 годах Капица принимал деятельное участие в образовании физико-механического факультета при Политехническом институте и Физико-технического института (ФТИ) при Академии наук. Несмотря на тяготы Гражданской войны, в сентябре 1919 года молодой человек окончил институт и получил специальность инженера-электрика. Он устроился научным сотрудником в ФТИ и параллельно начал преподавать в родном институте.

В апреле 1921 года Петр Капица вошел в состав делегации, собранной для восстановления научных связей с Европой. Летом он прибыл в Лондон, посетил знаменитую Кавендишскую лабораторию. По просьбе Иоффе Капицу приняли туда стажером. С Кавендишской лабораторией связаны следующие 13 лет жизни Капицы. Первым лабораторным исследованием Капицы стало измерение потери энергии α -частицы в конце ее движения. Вскоре Петр Леонидович стал доктором философии Кембриджского университета, а также членом Тринити-колледжа. В то же время Академия наук СССР присвоила Капице степень доктора физико-математических наук и избрала его членом-корреспондентом.

В 1930 году ученый стал профессором-исследователем Лондонского королевского общества, специально для

него построили современную лабораторию. Аппараты Капицы по сжижению водорода и гелия заставили пересмотреть сами принципы сжижения газов в промышленности, в первую очередь кислорода. Основное направление научной деятельности Капицы в 1930-е годы — природа жидкого гелия. В результате экспериментов в пределах критических температур ему удалось обнаружить потерю вязкости и появление сверхтекучести гелия. Опираясь на эти данные, Лев Ландау впоследствии разработал квантовую теорию жидкого гелия.

В 1934 году Капица по традиции приехал на родину, чтобы прочесть курс лекций и повидать близких, однако вернуться в Лондон не смог: по личному распоряжению Сталина ученого решили не выпускать из страны. Спустя полгода ученый принял предложение советского правительства о сотрудничестве. Он согласился возглавить специально учрежденный под его исследования Институт физических проблем (ИФП), который и стал местом работы Капицы на многие десятилетия. Разработанные Капицей методы сжижения воздуха стали революционными в разделении воздуха на азот, кислород и инертные газы.

В январе 1939 года Капицу избрали действительным членом Академии наук СССР. Во время Великой Отечественной войны он входил в Научно-технический совет при Государственном комитете обороны.

В августе 1945 года Капица получил назначение в Спецкомитет по разработке атомной бомбы, но, не сработавшись с председателем комитета Берией, вскоре попросил освободить его от работы. Этот поступок вызвал недовольство Сталина. Петра Леонидовича освободили от должности директора ИФП, а в 1950 году уволили из МГУ.

Годы опалы Капица переживал на своей подмосковной даче на Николиной горе. Он организовал небольшую лабораторию из двух комнат, кухни и гаража, прозванную им и его коллегами «Избой физических проблем». Ученый разрабатывал мощные СВЧ-генераторы и с их помощью получал стабильный плазменный шнур. Физика плазмы и электроника больших мощностей оставались приоритетной темой исследований Капицы последующие три десятилетия.

В январе 1955 года Капицу восстановили в должности директора ИФП, и этот пост он занимал до самой смерти. В конце жизни заслуги Петра Леонидовича Капицы получили наивысшее признание в научном мире: в 1978 году ему присудили Нобелевскую премию по физике. В числе наград ученого — шесть орденов Ленина, Сталинская премия, Орден Трудового Красного Знамени.

22 марта 1984 года Капица почувствовал себя плохо, и его увезли в больницу, где диагностировали инсульт. 8 апреля, не приходя в сознание, Капица скончался. Похоронен ученый в Москве, на Новодевичьем кладбище.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдуллина А. А., Миронова А. А.

Проблемы исчисления и восстановления
сроков подачи административного искового
заявления 373

Абдурахманова Ф. Э.

Проблемы наследования ограниченно
оборотоспособных объектов..... 377

Абдурахманова Ф. Э.

Проблемы наследования имущественных
прав в российском законодательстве..... 380

Абрамович Ю. Б.

Легализация денежных средств посредством
торговли алмазами 381

Алкеева К. С.

Проблемы антикоррупционного
законодательства Российской Федерации 383

Апрелкова М. В.

Разумный срок в уголовном
судопроизводстве: понятие, критерии
и судебная практика..... 385

Апрелкова М. В.

Штраф как вид уголовного наказания 388

Апрелкова М. В.

Основания и практика применения института
освобождения от наказания в связи
с болезнью (статья 81 УК РФ)..... 392

Бадаква Е. В.

Ответственность за налоговые
правонарушения: теоретико-правовая
характеристика и практика применения 396

Балабан А. И.

Государство и предпринимательство:
границы регулирования 400

Бариев А. А.

Основные формы и признаки современного
терроризма 402

Белова А. В., Корчагин И. И.

Влияние реформы обязательственного
права 2015 года на правовую природу
обязательств 403

Белова А. В., Корчагин И. И.

Соотношение правовой природы со
смежными категориями 405

Белозерцева М. В., Южиков А. А., Токарев А. В.

Использование БПЛА (дронов) как способ
совершения воинских преступлений:
уголовно-правовая оценка 407

Белоусова Е. А., Неверович М. С.

Правовое регулирование фриланса: где
граница между трудовым и гражданско-
правовым договором 409

Белоусова Е. А., Неверович М. С.

Особенности вещественных доказательств
в гражданском процессе 412

Белоусова Е. А., Неверович М. С.

Проблемы квалификации мошенничества
с использованием информационных
технологий (фишинг) 415

Борzych Д. О., Сайфов Ф. М.

Типичные нарушения целевого
использования бюджетных средств
в правоохранительных органах
и муниципальных образованиях: причины
и меры предупреждения 418

Вавилов А. Д.

Уголовноправовая характеристика
и детерминанты преступлений против
правосудия: теоретические основы
и зарубежный опыт противодействия 420

Вавилов А. Д.

Криминологическая характеристика
преступлений против правосудия:
статистические тенденции, типология
личности 422

Великанов Д. И.

Понятие, правовая природа и виды договора
аренды в российской цивилистике 423

Великанов Д. И.

Теоретические и практические аспекты
порядка, формы и существенных условий
договора аренды..... 427

Владимирова Е. А.

Сравнительно-правовой анализ уголовно-
процессуального законодательства,
регулирующего досудебное соглашение
о сотрудничестве, в разных странах мира 431

Владимирова Е. А.

Понятие и правовая природа досудебного
соглашения о сотрудничестве 434

Гавриш А. Е.

Сравнительно-правовой анализ
регулирования ответственности
за нецелевое использование бюджетных
средств в законодательстве зарубежных
стран 436

Галузинская Д. В., Паршина А. А.

Правовой статус ИИ-систем в финансовом
мониторинге: субъектность алгоритмов
в противодействии отмыванию денег 439

Гамаюнова К. Д., Фомиченко Д. А.

Тактика допроса подозреваемого
при расследовании убийств, связанных
с исчезновением человека 441

Гамаюнова К. Д.

Типичные ошибки при расследовании
убийств, связанных с исчезновением
человека 444

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы исчисления и восстановления сроков подачи административного искового заявления

Абдуллина Арина Алисовна, студент;

Миронова Алиса Алексеевна, студент

Научный руководитель: Рыжков Сергей Константинович, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуются теоретические и практические проблемы, связанные с исчислением и восстановлением срока на обращение в суд с административным иском. На основе критического анализа норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а также материалов судебной практики и научных работ рассматриваются вопросы правовой природы указанного срока, критериев уважительности причин его пропуска, распределения бремени доказывания.

Ключевые слова: административное судопроизводство, срок обращения в суд, процессуальный срок, материально-правовой срок, административная исковая давность, восстановление срока, уважительные причины, судебная практика.

Problems of calculation and restoration of time limits for filing an administrative statement of claim

Abdullina Arina Alisovna, student;

Mironova Alisa Alekseevna, student

Scientific advisor: Ryzhkov Sergey Konstantinovich, phd in law, associate professor
Ural Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Chelyabinsk)

The article explores theoretical and practical problems related to calculating and restoring the time limit for filing an administrative claim. On the basis of a critical analysis of the norms of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, clarifications to the plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as judicial practice and scientific papers, questions are considered about the legal nature of the specified deadline, criteria for the observance of reasons for its failure, Burden of proof sharing

Keywords: administrative proceedings, time limit for bringing a case to court, procedural deadline, substantive legal deadline, administrative statute of limitations, restoration of the deadline, valid reasons, judicial practice.

В механизме судебной защиты прав граждан и организаций процессуальные сроки выполняют одновременно две функции: гарантируют доступ к правосудию и обеспечивают стабильность публичных правоотношений. В административном судопроизводстве, где одной из сторон выступает публично-правовое образование (орган власти, должностное лицо), а другой — частное лицо, вопросы исчисления и восстановления сроков приобретают особую остроту. От того, насколько чётко законодатель определяет момент начала течения срока и основания для его восстановления, зависит реальная возможность гражданина защитить свои права от незаконных действий (бездействия) органов власти.

Основным источником правового регулирования сроков в административном судопроизводстве является Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ). Глава 8 КАС РФ (статьи 92–94.1) устанавливает общие правила исчисления, окончания и последствий пропуска процессуальных сроков, а также основания и порядок их восстановления. Ключевая норма содержится в статье 219 КАС РФ: административное исковое заявление может быть подано в суд в течение трёх месяцев со дня, когда гражданину, организации или иному лицу стало известно о нарушении их прав, свобод и законных интересов, если иные сроки не установлены Кодексом.

Для отдельных категорий дел предусмотрены специальные (сокращённые) сроки. В частности, десятидневный срок установлен для оспаривания решения представительного органа муниципального образования о самороспуске или об удалении в отставку главы муниципального образования, а также для оспаривания решений, действий (бездействия) исполнительного органа субъекта РФ, органа местного самоуправления по вопросам согласования места и времени проведения публичного мероприятия. Аналогичный десятидневный срок применяется при оспаривании решений Федеральной службы судебных приставов и действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя. Часть 1.1 статьи 219 КАС РФ предусматривает особый порядок исчисления срока для исков об оспаривании бездействия органа власти или организации: заявление можно подать в течение срока, пока у них сохраняется обязанность совершить соответствующее действие, а также в течение трёх месяцев со дня, когда такая обязанность прекратилась.

Несмотря на формальную определённости этих норм, в юридической науке существует дискуссия относительно правовой природы трёхмесячного срока, установленного статьёй 219 КАС РФ. Традиционно этот срок квалифицируется как процессуальный, однако такой подход вызывает обоснованные сомнения. Как отмечает А. В. Юдин, «в судебной практике и доктрине данный срок практически безоговорочно квалифицируется в качестве процессуального, со всеми сопутствующими последствиями», тогда как подобная квалификация «вызывает сомнения в силу иной правовой природы срока на обращение в суд».

Различие между процессуальным сроком и материально-правовым сроком (исковой давностью) имеет принципиальное значение. Пропуск процессуального срока, например на подачу частной жалобы на определение суда, влечёт возврат жалобы, но не погашает само материальное право. Пропуск же срока исковой давности является самостоятельным основанием для отказа в иске. Трёхмесячный срок на обращение в суд по административным делам по своей природе является сроком материально-правовым, аналогом срока исковой давности в административных правоотношениях. В подтверждение Юдин А. В. приводит три аргумента.

Первый аргумент — последствия пропуска. Пропуск процессуального срока без ходатайства о восстановлении влечёт возврат заявления. Пропуск же срока на обращение в суд по административному делу, как следует из абзаца 2 пункта 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21, не может быть основанием для отказа в принятии иска. Суд обязан выяснить причины пропуска в предварительном судебном заседании, и, если срок пропущен без уважительных причин, суд отказывает в удовлетворении административного иска, а не прекращает производство. Это прямо указывает на материально-правовой эффект: истец утрачивает право на защиту, но не право на обращение в суд.

Второй аргумент — отсутствие «процессуальных санкций». Пропуск процессуального срока часто со-

пряжён с негативными последствиями в виде лишения права на совершение действия. Пропуск же срока на административный иск не влечёт возврата заявления или иных процессуальных санкций — только отказ в иске по существу.

Третий аргумент — режим восстановления. Восстановление процессуального срока возможно только при наличии заявления стороны и уважительных причин, объективно исключающих возможность совершить действие. Восстановление же срока на административный иск, в соответствии с частью 2 статьи 95 КАС РФ, может быть проведено судом и по собственной инициативе, что нетипично для процессуальных сроков.

Таким образом, называя этот срок «процессуальным», законодатель и правоприменитель допускают методологическую неточность. По справедливому замечанию А. В. Юдина, срок на обращение в суд по административным делам следует рассматривать как «административную исковую давность» — материально-правовой институт, требующий соответствующего регулирования.

Наиболее сложный в практическом отношении вопрос связан с определением момента, «когда лицу стало известно о нарушении прав» (часть 1 статьи 219 КАС РФ). Судебная практика демонстрирует два подхода: формальный и фактический. При формальном подходе суды связывают начало течения срока с датой принятия ненормативного правового акта или совершения действия, независимо от того, когда лицо реально узнало о таком акте или действии. При фактическом подходе, который в большей степени соответствует букве закона, срок начинает течь с момента, когда лицо объективно получило возможность узнать о нарушении.

Как показывает анализ судебной практики, суды нередко подменяют объективный критерий «узнало» формальным «должно было узнать», возлагая на гражданина бремя немедленного юридического анализа действий власти. Это противоречит принципу правовой определённости и конституционному праву на судебную защиту. В одном из дел, рассмотренных Верховным Судом РФ, истец обжаловал решение налогового органа после досудебного обжалования в вышестоящих инстанциях. Суды нижестоящих инстанций исчисляли срок со дня вынесения решения управления Федеральной налоговой службы, игнорируя факт досудебного обжалования. Верховный Суд указал, что обращение в вышестоящий орган является обстоятельством, влияющим на исчисление срока, поскольку истец добросовестно пытался урегулировать спор во внесудебном порядке; срок должен исчисляться с момента получения ответа из вышестоящего органа. кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2021 года № 89-КАД20-5-К7.

Следующая группа проблем связана с восстановлением пропущенного срока. В соответствии с частью 7 статьи 219 КАС РФ пропущенный по уважительной причине срок может быть восстановлен судом. Перечень

уважительных причин в законе не является закрытым. Анализ судебной практики и разъяснений высших судов позволяет выделить следующие категории уважительных причин: несвоевременное получение копии судебного акта из-за нарушения правил доставки почтовой корреспонденции; отсутствие лица в месте жительства по объективным причинам (болезнь, командировка, переезд); несвоевременное рассмотрение или нерассмотрение жалобы вышестоящим органом или должностным лицом; обстоятельства, связанные с личностью истца (тяжёлая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность); неразъяснение судом первой инстанции порядка и срока обжалования решения; несоблюдение судом срока составления мотивированного решения или высылки его копии, если это привело к невозможности подготовить и подать жалобу в установленный срок.

Однако на практике нередко встречаются случаи формального отказа в восстановлении срока. Как отмечает А. Е. Покиеватов, суды зачастую констатируют «отсутствие доказательств уважительности причин», не запрашивая соответствующие доказательства по собственной инициативе, хотя часть 3 статьи 62 КАС РФ закрепляет принцип активной роли суда в административном судопроизводстве. Особенно эта проблема проявляется при рассмотрении ходатайств о восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы в ситуации, когда суд первой инстанции направил копию решения почтой, но истец её не получил. Некоторые суды апелляционной инстанции отказывают в восстановлении срока, указывая, что «лицо должно было интересоваться исходом дела», хотя по смыслу закона бремя доказывания надлежащего извещения лежит на суде.

Для юридических лиц критерии уважительности причин пропуска срока являются более жёсткими. Болезнь руководителя, служебная командировка, текучка документов, как правило, не признаются уважительными причинами, поскольку юридическое лицо обязано организовать внутренний документооборот таким образом, чтобы своевременно реагировать на акты органов власти. Исключение составляют случаи объективного форс-мажора, например, сбой в работе системы электронного документооборота провайдера, стихийное бедствие.

Подтверждением данного подхода служит практика рассмотрения ходатайств о восстановлении сроков, заявленных профессиональными участниками процесса. Так, Третий апелляционный суд общей юрисдикции, рассматривая частное представление прокуратуры Республики Дагестан, отказал в восстановлении срока на подачу апелляционного представления. Прокурор ссылался на «большую служебную загруженность сотрудников» и «временные сбои в работе сайта суда». Суд апелляционной инстанции указал, что данные обстоятельства не могут быть признаны уважительными, поскольку прокурор, являясь профессиональным участником судопроизводства, присутствовал в судебном заседании и должен был своевременно организовать работу по обжалованию. Данное

определение демонстрирует, что внутренние организационные проблемы (текучка документов, загруженность, технические сбои) не освобождают профессиональных участников от соблюдения процессуальных сроков.

Обобщение судебной практики позволяет выделить типичные ошибки, допускаемые судами при исчислении и восстановлении процессуальных сроков. Во-первых, это смешение общего и специального срока: суд применяет трёхмесячный срок к делу, для которого законом установлен иной срок. Во-вторых, неверное определение начала течения срока: суд исчисляет срок со дня издания акта, а не со дня ознакомления с ним заявителя. В-третьих, отказ в восстановлении срока при наличии доказательств неполучения корреспонденции: суд исходит из презумпции, что лицо должно было узнать о решении, хотя надлежащее извещение не подтверждено. В-четвёртых, формальный подход к оценке уважительности причин: суд не принимает во внимание тяжёлую болезнь истца, если она не подтверждена больничным листом на каждый день срока, тогда как достаточно подтвердить период болезни, объективно препятствовавший обращению в суд.

Приведём еще несколько примеров из судебной практики, иллюстрирующих как правильное применение норм о сроках, так и типичные ошибки.

Рассмотрим Кассационное определение от 3 февраля 2021 г. N 89-КАД20–5-К7. Гражданин Коркин В. М. обжаловал решение налоговой инспекции в вышестоящем налоговом органе УФНС, а затем и в ФНС России. Получив отказ, он обратился в суд. Однако суды нижестоящих инстанций исчислили трёхмесячный срок со дня вынесения решения УФНС, посчитав, что дальнейшее досудебное обжалование не приостанавливает течение срока на подачу иска, и отказали в удовлетворении административного иска.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила нижестоящие акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее. Во-первых, выбор гражданином досудебного способа урегулирования спора не может служить основанием для лишения его права на судебную защиту. Во-вторых, само по себе обращение в вышестоящий орган является уважительной причиной пропуска срока, поскольку истец добросовестно пытался разрешить конфликт во внесудебном порядке. В-третьих, срок должен исчисляться не формально, а с момента получения ответа из вышестоящего органа. До этого момента истец не мог достоверно знать о нарушении своего права, так как его жалоба могла быть удовлетворена на любом этапе досудебного производства.

Данное определение Верховного Суда РФ ориентирует нижестоящие суды на фактический, а не формальный подход к определению момента, с которого лицу стало известно о нарушении права. Оно также подтверждает, что добросовестное использование механизмов досудебного обжалования не должно влечь для гражданина негативных процессуальных последствий в виде отказа в иске по мотиву пропуска срока.

Теперь рассмотрим Апелляционное Определение от 13 сентября 2022 г. по делу № 66а-1503/2022. Суд первой инстанции направил копию решения в адрес истца почтовым отправлением. Однако истец данное письмо не получил. Корреспонденция была возвращена в суд за истечением срока хранения. Истец обратился в суд апелляционной инстанции с апелляционной жалобой и одновременно с ходатайством о восстановлении пропущенного срока, ссылаясь на то, что он не был надлежащим образом извещён о состоявшемся решении. Суд апелляционной инстанции отказал в восстановлении срока, указав, что истец «должен был интересоваться исходом дела» и проявить должную осмотрительность, самостоятельно отслеживая движение дела.

Вышестоящая судебная инстанция отменила определение суда апелляционной инстанции и восстановила срок на апелляционное обжалование, указав, что в силу принципа активной роли суда в административном судопроизводстве бремя доказывания надлежащего извещения участников процесса о времени и месте судебного разбирательства, а также о принятом судебном акте лежит именно на суде, а не на участнике процесса. Также в материалах дела отсутствовали доказательства фактического вручения истцу копии решения свидетельствует о том, что истец не был извещён о решении надлежащим образом. Ссылка суда апелляционной инстанции на то, что истец «должен был интересоваться исходом дела», не может служить основанием для отказа в восстановлении срока, поскольку возложение на истца обязанности самостоятельно отслеживать принятие судебного акта и угадывать его содержание противоречит принципу правовой определённости и праву на доступ к правосудию.

Данное определение имеет важное значение для единообразного применения норм о восстановлении процессуальных сроков. Во-первых, оно подтверждает, что именно суд обязан обеспечить надлежащее извещение участников процесса, а не перекладывать эту обязанность на сторону. Во-вторых, оно опровергает распространённую судебную практику, когда суды отказывают в восстановлении срока по мотиву «неосмотрительности» лица, не получившего почтовую корреспонденцию. В-третьих, настоящее определение ориентирует нижестоящие суды на то, что возврат почтового отправления за истечением срока хранения при отсутствии доказательств надлежащего вручения является безусловным основанием для восстановления пропущенного срока, поскольку в такой ситуации лицо не может считаться извещённым надлежащим образом.

Таким образом, трёхмесячный срок, установленный статьёй 219 КАС РФ, по своей правовой природе является материально-правовым — «административной исковой давностью». Его исчисление должно строиться на фактическом подходе: срок начинает течь с момента, когда лицо объективно получило возможность узнать о нарушении права, а не с даты формального принятия акта. Добросовестное использование досудебных механизмов обжалования не может влечь для гражданина негативных процессуальных последствий. Уважительность причин пропуска срока оценивается судом дифференцированно: для граждан более лояльно, для профессиональных участников (органы власти, прокуратура) — строже, при этом бремя доказывания надлежащего извещения лежит на суде. Только при таком подходе процессуальные сроки выполняют свою функцию и гарантируют доступ к правосудию, а не превращаются в непреодолимый формальный барьер.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Российская газета. — 2016. — № 223.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 8.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 16.03.2022 № 4-КАД21-60-К1 // Российское правосудие. Правосудие: база данных юристов, адвокатов, судей и судебных решений. — URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16032022-n-4-kad21-60-k1/>
6. Кассационное определение от 3 февраля 2021 г. № 89-КАД20-5-К7. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=658550>
7. Апелляционное определение от 2 сентября 2022 г. № 66а-1506/2022. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=37703>
8. Апелляционное определение от 13 сентября 2022 г. по делу № 66а-1503/2022. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=38054>
9. Административное судопроизводство: учебно-методическое пособие / Т. К. Андреева, В. В. Аргунов [и др.]; под ред. А. Ф. Воронова, В. В. Молчанова. — Москва: Статут, 2024. — 674 с. — ISBN 978-5-8354-1976-0.

10. Ахвердиев, Э. А. Реализация права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок / Э. А. Ахвердиев // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2018. — № 8 (август). — С. 173–178. — URL: <http://e-koncept.ru/2018/183040.htm>
11. Белякович, Е. В. Сроки в административном процессуальном праве: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Белякович. — Москва: РУДН, 2023. — 39 с.
12. Белякович, Е. В. Сроки в административном процессуальном праве / Е. В. Белякович. — Москва: РУДН, 2023. — 325 с.
13. Васильева, Ж. А. Административное судопроизводство. Практикум / Ж. А. Васильева, Н. С. Звягина. — Москва: Проспект, 2023. — 63 с.
14. Волков, А. М. Административное судопроизводство: учебник для вузов / А. М. Волков, Е. А. Лютягина; под общ. ред. А. М. Волкова. — Москва: Юрайт, 2025. — 275 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18181-4. — URL: <https://urait.ru/bcode/568593>
15. Глебова, С. И. Процессуальные особенности рассмотрения административных дел в судах общей юрисдикции / С. И. Глебова // Молодой ученый. — 2025. — № 52 (603). — С. 164–166. — URL: <https://moluch.ru/archive/603/132059>
16. Зеленская, Л. А. К вопросу об унификации процессуального законодательства, регламентирующего восстановление пропущенных сроков обжалования судебных актов в гражданском и административном судопроизводстве / Л. А. Зеленская // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2018. — № 126. — С. 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-unifikatsii-protsessualnogo-zakonodatelstva-reglamentiruyushchego-vosstanovlenie-propuschnnyh-srokov-obzhalovaniya/viewer>
17. Петров, А. П. Уважительные причины пропуска процессуального срока / А. П. Петров, И. М. Хасанова // ЭЖ-Юрист. — 2022. — № 5.
18. Покшеватов, А. Е. Актуальные проблемы эффективности процессуальных сроков в административном судопроизводстве Российской Федерации / А. Е. Пошкватов // Вестник магистратуры. — 2025. — № 8.
19. Романова, М. В. Актуальные проблемы административного судопроизводства в Российской Федерации / М. В. Романова // Молодой ученый. — 2025. — № 27 (578). — С. 201–203. — URL: <https://moluch.ru/archive/578/127414>
20. Старилов, Ю. Н. Административное судопроизводство: учебное пособие / Ю. Н. Старилов, С. Н. Махина, Ю. Б. Носова, О. С. Рогачева; под ред. Ю. Н. Старилова. — 2-е изд., пересмотр. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. — 624 с. — DOI 10.12737/1896842. — ISBN 978-5-00156-263-4. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2163828>
21. Шабловский, А. В. Пропуск сроков в административном процессе: основания, последствия и механизмы восстановления / А. В. Шабловский // Диалог. — 2026. — № 5.
22. Юдин, А. В. Правовая природа срока на обращение в суд по делам административного судопроизводства / А. В. Юдин // Правовое государство: теория и практика. — 2022. — Т. 18. — № 3.
23. Ярков, В. В. Административное судопроизводство: учебник / В. В. Ярков. — Москва: Статут, 2023. — 187 с.
24. Как добиться восстановления срока на подачу апелляционной жалобы // Юрист компании. — 2023. — № 7. — URL: <https://www.law.ru/article/27865-vosstanovlenie-sroka-na-podachu-apellyatsionnoy-jaloby>

Проблемы наследования ограниченно оборотоспособных объектов

Абдурахманова Фируза Энверовна, студент магистратуры
Севастопольский государственный университет

В статье исследуются правовые проблемы наследования ограниченно оборотоспособных объектов в Российской Федерации — вещей, которые могут принадлежать только определённым участникам оборота либо находятся в обороте по специальному разрешению (статья 129 ГК РФ). К таким объектам относятся оружие, наркотические и психотропные вещества, радиоактивные материалы, отдельные виды культурных ценностей и т. д. Автор анализирует противоречия между положениями Гражданского кодекса РФ и специальными законами (в том числе Федеральным законом «Об оружии»), которые порождают правовую неопределённость.

Цель исследования — повысить правовую определённость в сфере наследования ограниченно оборотоспособных объектов и обеспечить эффективную защиту прав наследников. Результаты работы могут быть использованы законодателями для совершенствования нормативной базы, нотариусами — для грамотного сопровождения наследственных дел, а также юристами и наследниками — для разрешения спорных ситуаций на практике.

Ключевые слова: наследование, ограниченно оборотоспособные объекты, Гражданский кодекс РФ, специальные законы, лицензия, оружие, наркотические средства, психотропные вещества, правовая неопределённость, компенсация стоимости, хранение имущества, раздел наследства.

К ограниченно оборотоспособным объектам относятся вещи, которые могут принадлежать только определённым участникам оборота, либо вещи, нахождение которых в обороте допускается по специальному разрешению (статья 129 ГК РФ). В качестве примеров можно привести оружие, наркотические вещества, радиоактивные материалы, отдельные виды культурных ценностей и т. д.

Противоречия между Гражданским кодексом Российской Федерации и специальными законами в сфере наследования ограниченно оборотоспособных вещей возникают из-за различий в регулировании общих принципов наследования и специфических требований к праву собственности на такие объекты. Это создает правовую неопределённость в нескольких областях, включая преимущественное право на наследование, компенсацию стоимости арестованного имущества, процедуры хранения и учёта, а также разделение имущества между наследниками.

Статьей 1180 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что предметы, оборот которых ограничен (оружие, наркотические средства, радиоактивные материалы и т. д.), входят в состав наследства и передаются по наследству на общих основаниях. Для принятия наследства, включающего такие предметы, специального разрешения не требуется. Однако специальные законы (например, Федеральный закон «Об оружии») требуют наличия лицензии для дальнейшего владения таким имуществом. Это создает противоречие: наследник получает право собственности на вещь, но не может распоряжаться ею без дополнительного разрешения, в котором может быть отказано.

Например, согласно статье 20 Федерального закона «Об оружии», наследование гражданского оружия возможно только при наличии у наследника лицензии на приобретение этого оружия. Если лицензия не получена, оружие изымается на хранение; а если в разрешении отказано, права собственности наследника прекращаются.

Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит прямых положений, касающихся преимущественного права наследования объектов с ограниченной оборотоспособностью. Однако в некоторых случаях такие преимущества устанавливаются, например при наследовании предприятия (статья 1178 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В случае с оружием вопрос о преимущественном праве наследника, имеющего лицензию, перед наследником, не имеющим лицензии, остаётся нерешённым. Это создает неопределённость в распределении имущества, особенно если наследники по-разному подходят к соблюдению лицензионных требований.

Закон не содержит каких-либо прямых положений о возмещении стоимости наркотических средств и психотропных веществ, если наследнику отказано в их получении. Однако систематическое толкование статей 129, 238 и 1180 Гражданского кодекса Российской Федерации предполагает, что наследник имеет право на получение стоимости отчуждённых средств и веществ.

В случае отказа в выдаче разрешения право собственности прекращается, а средства, вырученные от продажи имущества, передаются наследнику за вычетом расходов на продажу (пункт 2 статьи 1180 Гражданского кодекса Российской Федерации). Однако механизм реализации этого положения в отношении наркотических и психотропных веществ не регламентирован, что создает пробел в праве.

До получения наследником специального разрешения необходимо обеспечить надлежащую охрану ограниченно оборотоспособных объектов. Согласно пункту 2 статьи 1180 Гражданского кодекса Российской Федерации, меры по охране таких предметов осуществляются в порядке, установленном законом для соответствующего имущества.

Например, при наследовании оружия нотариус обязан принять меры для его защиты. Однако возникают вопросы относительно того, кто и как должен заниматься хранением, кто несёт ответственность за сохранность имущества и какие процедуры необходимо соблюдать. В некоторых случаях оружие передаётся на хранение в органы внутренних дел или Росгвардию, но детали этого процесса могут быть нечётко прописаны в конкретных ситуациях.

Раздел ограниченно оборотоспособных объектов между несколькими наследниками может быть затруднён из-за специальных требований к владельцам. Например, если несколько наследников претендуют на оружие, но только один из них имеет лицензию, возникает вопрос о справедливом распределении долей.

Оружие является неделимой вещью (пункт 1 статьи 133 ГК РФ), и процедура регистрации долей в праве собственности на такое имущество не предусмотрена. Это означает, что наследники не могут получить доли в праве собственности на единицу оружия, что усложняет его распределение.

Для устранения противоречий и пробелов требуется комплексный подход, включающий:

— уточнение правовых определений — чёткое закрепление понятий, связанных с наследованием ограниченно оборотоспособных вещей;

— разработку специальных механизмов регулирования — например, установление процедур преимущественного права на наследование для лиц, имеющих необходимые разрешения;

— дополнение норм о возмещении стоимости — конкретизация правил возмещения стоимости изъятых активов, особенно в отношении наркотических и психотропных веществ;

— детальную регламентацию процедур хранения и учёта — определение ответственных лиц, порядка передачи имущества на ответственное хранение, обязанностей нотариуса и других участников процесса;

— гармонизацию норм ГК РФ со специальными законами — согласование требований ГК РФ и отраслевых законов (например, Федеральный закон «Об оружии») для устранения противоречий.

Такие изменения позволят повысить правовую определённость и защитить права наследников.

Должны быть устранены противоречия между общими положениями о наследовании и конкретными правилами, регулирующими отдельные виды ограниченно оборотоспособных объектов (оружие, наркотические средства и т. д.). Например, статья 20 Федерального закона «Об оружии» предусматривает, что наследование гражданского оружия возможно только при наличии у наследника лицензии на приобретение этого оружия. Это противоречит статье 1180 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая предусматривает, что такие вещи включаются в состав наследства и передаются по наследству на общих основаниях без специального разрешения на принятие наследства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 3 (ГК РФ ч.3) от 26 ноября 2001 года, № 146-ФЗ // КонсультантПлюс : [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата запроса 03.05.2026).
2. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс : [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата запроса 03.05.2026).
3. Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс : [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата запроса 03.05.2026).
4. Постановление Правительства РФ от 21.07.1998 № 814 (ред. от 15.10.2025) «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», «Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему») // КонсультантПлюс : [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19504/ (дата запроса 03.05.2026).
5. Демичев, А. А. Особенности наследования ограниченно оборотоспособных вещей в современном российском праве / А. А. Демичев // Вестник Нижегородской правовой академии. — 2016. — № 11 (11). — С. 45–47. — EDN YNEKHH.
6. Попова, Л. И. Наследование некоторых отдельных видов имущества / Л. И. Попова // Современная научная мысль. — 2018. — № 1. — С. 210–214. — EDN YOWGKI.
7. Черемных, Г. Г. Наследственное право России : Учебник для магистров / Г. Г. Черемных. — 2-е изд. — Москва : Юрайт, 2015. — 516 с. — (Бакалавр. Академический курс). — ISBN 978-5-9916-2262-2. — EDN TYP SAN.

Можно было бы рассмотреть возможность предоставления преимущественных прав на наследование ограниченно оборотоспособных объектов наследникам, имеющим право на их владение. Например, если у одного из наследников есть лицензия на оружие, он может иметь приоритет перед теми, у кого её нет.

Должен быть установлен порядок возмещения стоимости арестованного имущества, если наследник не может их получить. Например, в случае отказа в выдаче разрешения на хранение наркотических средств или психотропных веществ наследник может получить их стоимость в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации.

До тех пор, пока наследник не получит специальное разрешение, необходимо обеспечить надлежащую защиту активов с ограниченным доступом в соответствии с законом. Это может включать создание чётких процедур хранения, учёта и контроля за такими активами.

Ведение централизованных реестров ограниченно оборотоспособных объектов поможет упростить учёт и передачу прав при наследовании. Например, реестр оружия или наркотических средств может содержать информацию о владельцах, условиях хранения и процедурах передачи прав.

Достижение этих целей потребует всестороннего обновления законодательства, координации усилий различных ведомств и активного участия профессионального сообщества.

Проблемы наследования имущественных прав в российском законодательстве

Абдурахманова Фируза Энверовна, студент магистратуры
Севастопольский государственный университет

В статье представлен анализ актуальных доктринальных и правоприменительных вопросов, возникающих в процессе наследования имущественных прав в рамках российского законодательства. Рассматривается правовая природа включения различных видов имущественных активов в состав наследственной массы; акцент делается на ключевых сложностях, возникающих при оформлении наследства.

В статье исследуются актуальные проблемы наследования имущественных прав по российскому законодательству, обусловленные сложностями оформления документов, определения состава наследства, установления прав наследников и специфики отдельных видов имущества. Освещены изменения в российском законодательстве, направленные на совершенствование наследственных процедур и защиту прав наследников.

Ключевые слова: наследование, имущественные права, наследственная масса, гражданское законодательство, универсальное правопреемство, цифровые активы, исключительные права, защита прав наследников, правоприменительная практика, гражданское право РФ.

Наследование имущественных прав по российскому законодательству сопряжено с рядом проблем, связанных с оформлением документов, определением состава наследства, прав наследников и специфики определенных видов имущества. Эти сложности часто приводят к судебным разбирательствам и усложняют осуществление наследственных прав. Рассмотрим ключевые проблемы и последние изменения в законодательстве, направленные на их решение.

Одна из распространенных проблем — отсутствие регистрации права собственности наследодателя на имущество в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). Это особенно актуально для старых объектов недвижимости, построенных до введения обязательной государственной регистрации прав. В таких случаях нотариус может отказать в выдаче свидетельства о праве на наследство. Для решения этого вопроса наследники должны доказать право собственности наследодателя на имущество в судебном порядке (например, с помощью распоряжений о выделении земельного участка, договоров, платежных документов или свидетельских показаний).

Трудности также возникают, если земельный участок был снят с кадастрового учета. Хотя это техническое действие не прекращает существование участка как объекта недвижимости, оно усложняет его включение в состав недвижимого имущества.

К проблемам оформления наследства относятся дефекты правоустанавливающих документов (например, ошибки в Ф. И. О., дате рождения правообладателя, местоположении объекта) и их утрата. В случае утраты правоустанавливающих документов наследодателя подтвердить право собственности можно через выписку из ЕГРН, если право было зарегистрировано после 1998 года.

Расхождения между данными в правоустанавливающих документах и фактическим состоянием имущества (например, из-за самовольной реконструкции, перепланировки) также препятствуют оформлению наследства. В таких случаях регистрация права собственности после

смерти наследодателя невозможна, и наследникам необходимо обращаться в суд для признания права собственности на объект в измененном виде.

В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Однако на практике возникают сложности с включением в наследственную массу отдельных объектов:

— Произведения литературы. Нотариусы иногда отказывают в выдаче свидетельства о праве на наследство, если в наследственную массу включено произведение.

— Ограниченно оборотоспособные вещи (ядовитые и сильнодействующие вещества, оружие, психотропные и наркотические средства). Для их наследования требуется специальное разрешение или лицензия.

— Задолженность по алиментам. Вопросы включения такой задолженности в состав наследства остаются спорными.

Система определения круга наследников по закону (8 очередей) порождает судебные споры, связанные с пропуском сроков, доказыванием родства и нарушением прав фактических наследников. Среди проблем — пропуск срока принятия наследства. Увеличение мобильности населения часто приводит к тому, что потенциальные наследники несвоевременно узнают об открытии наследства. Доказательство родственных связей представляет существенную сложность, особенно в случаях утраты подтверждающих документов либо при установлении дальнего родства.

В последние годы в российском законодательстве произошли значительные изменения, касающиеся наследования имущественных прав. Эти нововведения направлены на повышение прозрачности процедур, защиту прав наследников и решение практических проблем.

Согласно ст. 71 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 в ред. от 20.02.2026, далее — Основы законодательства РФ о нотариате) нотариусы обязаны проверять факт смерти на-

следодателя и родственные связи через Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС), а не только по документам, которые представляют наследники. Это направлено на повышение прозрачности процедуры и борьбу с мошенничеством.

Согласно ст. 61.1 Основ законодательства РФ о нотариате нотариусы обязаны информировать наследников о долгах следодателя. Наследники отвечают по долгам умершего в пределах стоимости полученного имущества. В таком случае закон допускает полный отказ от наследства (но не выборочный).

Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» уточнил процедуру уведомления участников и передачи корпоративных прав наследникам. Это сделало соблюдение формальностей еще более важным для своевременного получения прав на долю и прибыль.

Согласно п. 8 ст. 21 закона № 14-ФЗ в случае доли в ООО устав может содержать три варианта регулирования:

- наследование возможно без ограничений;
- наследование возможно только при получении согласия всех остальных участников общества;
- наследование запрещено полностью либо согласие участников требуется, но они его не дали.

В двух последних случаях наследник не становится участником ООО. Его доля переходит к самому обществу, которое обязано выплатить наследнику действительную стоимость доли (компенсацию деньгами или имуществом).

Акции в АО наследуются в общем порядке, согласия других акционеров не требуется. Наследник, получивший акции, автоматически становится полноправным акционером со всеми вытекающими правами, включая право голоса на общем собрании.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 3, от 26.11.2001 № 146-ФЗ [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 01.05.2026).
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 01.05.2026).
3. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 01.05.2026).
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1, ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 01.05.2026).
5. Ахметова, А. Т. Проблемы наследования по закону / А. Т. Ахметова, Р. У. Аминов // StudNet. — 2021. — Т. 4, № 7. — С. 11. — EDN SJINZK.
6. Токариков, О. В. Наследование по закону и по завещанию в Российской Федерации: актуальные проблемы и пути совершенствования законодательства / О. В. Токариков // Вестник магистратуры. — 2024. — № 1–1 (148). — С. 48–50. — EDN FNBITK.

Легализация денежных средств посредством торговли алмазами

Абрамович Ювелина Борисовна, студент

Научный руководитель: Дворжицкая Марина Андреевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье автор исследует легализацию денежных средств посредством торговли алмазами.

Ключевые слова: легализация, денежные средства, алмазы.

Тема исследования является актуальной по ряду причин. В частности, в 2023 году было зарегистрировано 105257 преступлений экономической направленности, из которых 943 деяния были квалифицированы по статьям 174 и 174.1 УК РФ [1]. Во-вторых, алмазная отрасль является международной, и спрос и предложение на алмазное сырьё находятся на высоком уровне. Однако данная отрасль связана с высоким уровнем риска ис-

пользования для легализации доходов, полученных преступным путем [2].

Рассмотрим составы исследуемых преступных деяний, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ. Непосредственным объектом данных преступлений являются общественные отношения, возникающие в сфере экономической деятельности и связанные с правомерным владением, использованием и распоряжением денежными средствами

и имуществом, в том числе алмазами и бриллиантами. В соответствии с судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации, предметом данных преступлений могут быть денежные средства, в том числе в иностранной валюте, а также имущество, полученное преступным путём, нажитое самим преступником или полученное в качестве материального вознаграждения за совершение преступного деяния, а также в качестве платы за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте [3]. В данной работе мы рассмотрим преступления, предметом которых на практике являются исключительно алмазы и бриллианты.

Объективная сторона преступления характеризуется активными действиями, направленными на придание правомерного характера приобретенному имуществу или на совершение финансовых операций с ранее полученными предметами с целью придания правомерности и отмыwania денежных средств. По конструкции объективной стороны состав преступления является формальным, то есть преступление считается оконченным с момента совершения общественно опасного деяния. В рассматриваемом случае изначально должно быть совершено предикатное преступление, к примеру, тайное хищение ювелирных изделий с бриллиантами и другими драгоценными камнями из сейфового хранилища с целью их последующей реализации на рынке. Затем полученные денежные средства могут быть легализованы путём совершения финансовой операции и заключения сделки купли-продажи автомобиля. Таким образом, финансовая операция совершается с целью сокрытия происхождения преступных денежных средств и их включения в легальный экономический оборот [4].

Субъектом преступления является физическое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет и обладающее вменяемостью. Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Обязательным элементом субъективной стороны состава рассматриваемого преступления является цель — введение денежных средств или имущества, полученных преступным путём, в легальный экономический оборот.

Как правило, преступление, связанное с легализацией денежных средств и иного имущества, представляет собой продолжаемое деяние, состоящее из нескольких эпизодов, связанных с одним и тем же предметом преступления. Например, покупка бриллиантов (алмазного

сырья) на доходы, полученные незаконным путем, с последующим использованием приобретенного имущества в качестве валюты при совершении финансовых операций и сделок [5]. В отличие от совокупности преступлений, продолжаемое преступление характеризуется спецификой объективной стороны. Действия, образующие продолжаемое преступление, объединены небольшим промежутком времени и характеризуются единым способом совершения, направленным на достижение единой цели и наступление однородных общественно опасных последствий (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43).

Ранее мы обращали внимание на уязвимость алмазного сектора, связанную с возможностью использования алмазов (бриллиантов) в схемах легализации денежных средств. Дело в том, что бриллианты представляют собой ликвидный актив, несмотря на свои относительно небольшие вес и размер. Эти драгоценные камни обладают значительной финансовой и коммерческой ценностью. Важно отметить, что благодаря своим характеристикам бриллианты и алмазное сырьё легко транспортируются и оставляют за собой минимальный контрольный след [6].

Интересно, что обобщение российской и зарубежной судебной практики позволило выявить наиболее типичные формы легализации алмазного сырья и бриллиантов: использование алмазного сырья/бриллиантов в качестве валюты; приобретение алмазного сырья/бриллиантов на доходы, полученные преступным путем; легализация денежных средств, полученных в ходе контрабанды алмазов/бриллиантов и их незаконного сбыта; легализация денежных средств через оптовые и розничные ювелирные магазины; «Шелковый путь» — сбыт похищенных алмазов/бриллиантов через «даркнет» с использованием цифровой валюты (криптовалюты, биткоина и пр.).

Таким образом, в рамках исследования факторов уязвимости алмазного сектора следует отметить, что основной риск связан с возможностью масштабной легализации денежных средств через торговлю алмазным сырьём и бриллиантами. В связи с этим на уровне Верховного Суда Российской Федерации представляется необходимым разработать дополнительные рекомендации по оценке и квалификации действий, связанных с легализацией денежных средств, полученных в результате торговли алмазным сырьём и бриллиантами.

Литература:

1. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 года. — Москва: Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2023. — С. 40–43.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.03.2024).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 г. N 32 (ред. от 26.02.2019 г.) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/?ysclid=ltr8rz94u3765767681 (дата обращения: 01.03.2024).

4. Приговор № 1–83/2018 от 4 сентября 2018 г. по делу № 1–83/2018 Гудермесский городской суд Чеченской Республики // СПС «Судебные и нормативные акты РФ». — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Rlwvrvx70DYQ/> (дата обращения: 06.08.2024).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 г. N 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464554/ (дата обращения: 13.03.2024).
6. Even-Zohar, C. Diamond industry strategist to combat money laundering and financing of terrorism. — ABN AMRO, 2004. — pp. 97–113.

Проблемы антикоррупционного законодательства Российской Федерации

Алкеева Ксения Сергеевна, студент

Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассматриваются мнения ученых о наличии коррупции в Российской Федерации. Автор формулирует проблемы (умалчивание о коррупционных правонарушениях, принятие нормативно-правовых актов с коррупциогенными факторами, коррумпированность в избирательной сфере) и способы их решения путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации. При написании работы были использованы анализ и синтез для выявления проблем.

Ключевые слова: коррупция, коррупциогенные факторы, коррупционные правонарушения.

На проблему коррупции в Российской Федерации обращают внимание многие ученые. Доктор юридических наук в области конституционного права Сурен Адиебекович Авакьян, рассматривая некоторые положения Конституции Российской Федерации, указывает, что только закрепление антикоррупционных норм в Конституции как способа реализации противодействия коррупции не обеспечивает их эффективную реализацию. К примеру, в ст. 3 Конституции Российской Федерации указано, что народ осуществляет свою власть непосредственно либо через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Эта норма воплощается в Федеральном конституционном законе от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» (ред. от 30.12.2021), который в ч. 5 ст. 6 ограничивает вопросы, которые народ может вынести на референдум, в том числе вопросы, отнесенные к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти (п. 10 ч. 5 ст. 6 указанного закона). То есть бюрократия власти всегда может включить соответствующий вопрос в перечень тех, которые не могут быть решены народом [1, с. 24].

Доктор юридических наук Шевердяев Станислав Николаевич рассматривает дискуссионный вопрос понятия коррупции, стратегии противодействия ей, необходимые черты антикоррупционной реформы, ее направления и иное [2, с. 76–207]. Также, в своем автореферате диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук в 2020 г., Шевердяев Станислав Николаевич обращает внимание на проблемы в избирательной сфере.

Кандидат юридических наук Тришкин Сергей Владимирович анализирует статистику преступности и материального ущерба, проблемы антикоррупционного на-

правления и способы их решения, в частности, путем дополнения статей Уголовного кодекса Российской Федерации специальным субъектом. Предлагает устранить пробелы в законодательстве, формулирует комплекс мероприятий по противодействию коррупции [3, с. 62–69].

Указанные ученые не просто так выделяют необходимость изменения нынешнего антикоррупционного законодательства. Несмотря на то, что в Российской Федерации антикоррупционная деятельность значительно активизировалась после принятия Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 28.12.2025) (далее — Федеральный закон № 273-ФЗ), когда основной международный акт по противодействию коррупции — Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 г. был ратифицирован в 2006 г., антикоррупционное законодательство по-прежнему сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, это умалчивание о коррупционных правонарушениях. Оно выражается в боязни граждан сообщать о коррупционных деяниях. Они не верят в свою безопасность из-за возможных отрицательных последствий при информировании о совершении коррупционных преступлений. Но замалчивание и сокрытие таких деяний только способствует увеличению их числа и распространению.

Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 г. в ст. 32 рекомендует предпринимать меры по защите свидетелей, экспертов и потерпевших, «разрешает» принимать акты о неразглашении или ограничении информации, касающейся личности и ее местонахождения [5]. Статья 33 не обязывает включать в законодательство государственных участников акты по защите лиц, сообщающих о совершении коррупционного деяния. Следовательно, она носит

рекомендательный характер, что частично объясняет отсутствие в Российской Федерации законодательных актов, защищающих лиц, информирующих о совершении коррупционных деяний. В связи с этим предлагается дополнить ст. 6 Федерального закона № 273-ФЗ пунктом 7 со следующей формулировкой: «обеспечение защиты лица, сообщающего о совершении коррупционного деяния, а также иных лиц, оказывающих помощь в расследовании коррупционных правонарушений от всех лиц, способных нанести вред. Защита лиц осуществляется через обеспечение анонимности либо частичной анонимности — информация о лице доступна только соответствующим органам власти».

Следующей проблемой является принятие нормативно-правовых актов с коррупциогенными факторами. Законодатели нередко принимают акты, имеющие пробелы и иные факторы, способствующие проявлению коррупции. К примеру, ст. 13.3 Федерального закона № 273 в ч. 1 содержит обязанность организаций принимать меры по предупреждению коррупции, а в ч. 2 — «могут принимать меры», то есть присутствует обязанность по применению, но нет конкретики в том, какие именно меры и в каком объеме будут осуществляться. Частично проблема решается за счет антикоррупционной экспертизы проектов и действующих нормативных правовых актов. Заключение экспертизы подлежит обязательному рассмотрению органом, организацией или должностным лицом, которым оно направлено, но носит рекомендательный характер [4]. В результате предлагается заменить рекомендательный характер на обязательный с целью снижения количества актов с коррупциогенными факторами.

Проблема коррумпированности в избирательной сфере выражается в нечестных выборах, когда за оказанную поддержку, избранный должен «отдать долг», то есть совершить коррупционное деяние. Но власть, сформированная коррупционным путем, не способна бороться с коррупцией, она лишь ее продолжать [1, с. 37]. Предлагается обеспечить политическую конкуренцию, гарантировать свободные выборы, прозрачность финансирования политических партий и независимость избирательной комиссии.

Как проблему следует выделить и попытку внедрения «сервисного государства», то есть ситуацию, когда деятельность органов государственной и муниципальной власти начинает преподноситься как услуга, которую оказывает соответствующий орган. Понятие услуги порождает коррупционную составляющую, так как бесплатно, по мнению должностных лиц, она не оказывается, и платить за нее следует и им в том числе. Признаком развития идеи «сервисного государства» можно считать Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 29.12.2025) [1, с. 35–36].

Следовательно, предлагается внести указанные изменения в антикоррупционное законодательство Российской Федерации для снижения уровня правонарушений в коррупционной сфере, снижения количества принятия несправедливых решений и неправомерных действий должностных лиц, наносящих ущерб личности, обществу и государству. Предполагается, что данные изменения снизят количество коррупционных деяний и помогут стабилизировать экономику, тем самым улучшив качество жизни граждан.

Литература:

1. Авакьян С. А. Конституционное право России как фундамент борьбы с коррупцией // Противодействие Коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / отв. ред. и рук. авторского коллектива д-р юрид. наук, профессор Авакьян С. А. М., Юстицинформ, 2016. С. 12–75.
2. Швердяев С. Н. Конституционно правовое противодействие коррупции: определение места и значения в системе антикоррупционной политики // Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / отв. ред. и рук. авторского коллектива д-р юрид. наук, профессор Авакьян С. А. М.: Юстицинформ, 2016. С. 76–207.
3. Тришкин С. В. Современное состояние учета коррупционных преступлений: проблемы и пути их решения // Научный портал МВД России. 2019. № 1. С. 61–72.
4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 10. Ст.1084.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml. Дата обращения: 25.04.2026.

Разумный срок в уголовном судопроизводстве: понятие, критерии и судебная практика

Апрелкова Мария Викторовна, студент
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Статья посвящена исследованию института разумного срока в уголовном судопроизводстве РФ. Анализируются понятие разумного срока, его правовые основы и критерии оценки. На основе анализа судебной практики рассматриваются проблемы правоприменения и механизмы защиты права на судопроизводство в разумный срок.

Ключевые слова: разумный срок, справедливое судебное разбирательство, критерии оценки, компенсация за нарушение разумного срока, права участников процесса.

Reasonable time in criminal proceedings: concept, criteria and judicial practice

The article is devoted to the study of the institution of a reasonable time limit in the criminal proceedings of the Russian Federation. The concept of a reasonable time limit, its legal basis, and evaluation criteria are analyzed. Based on the analysis of judicial practice, the article examines the problems of law enforcement and the mechanisms for protecting the right to a reasonable time limit in legal proceedings.

Keywords: reasonable time limit, fair trial, evaluation criteria, compensation for violation of a reasonable time limit, rights of participants in legal proceedings.

Институт разумного срока в уголовном процессе представляет собой одну из гарантий реализации права человека на справедливое судебное разбирательство. Его значение определяется тем, что чрезмерная продолжительность уголовного судопроизводства нарушает права и законные интересы участников процесса и снижает эффективность деятельности правоохранительных органов.

Правовая основа разумного срока в уголовном судопроизводстве РФ сформирована под влиянием международных стандартов защиты прав человека. Так, в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплено право каждого на справедливое судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом [1].

В российском законодательстве данный принцип получил нормативное закрепление в ст. 6.1 УПК РФ [2], введенной Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 69-ФЗ [3].

Под разумным сроком уголовного судопроизводства понимается временной период, в течение которого уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться с соблюдением быстроты процессуальных действий и их качеством, обеспечивающим реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Законодатель устанавливает дифференцированный подход к исчислению начала течения разумного срока в зависимости от процессуального статуса участника. Для лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, период исчисляется с момента начала уголовного преследования, тогда как для потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, отправной

точкой служит момент подачи заявления или сообщения о преступлении. Окончанием периода признается момент прекращения уголовного преследования либо вступления в законную силу итогового судебного решения.

Данное различие имеет принципиальное значение, что подтверждается судебной практикой. Так, суд, определяя общую продолжительность судопроизводства для потерпевшего, обоснованно исчислял срок с момента подачи заявления о преступлении — с 16 мая 2016 года, а не с даты возбуждения уголовного дела (7 сентября 2018 года), что позволило включить в расчет более двух лет доследственной проверки, в ходе которой неоднократно выносились незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [6].

Критерии определения разумности срока уголовного судопроизводства представляют собой систему взаимосвязанных факторов, подлежащих оценке правоприменителем не изолированно, а в совокупности за весь период длительности уголовного судопроизводства.

Первым критерием выступает правовая и фактическая сложность материалов проверки сообщения о преступлении либо уголовного дела. Сложность дела определяется совокупностью объективных обстоятельств, которые могут влиять на длительность расследования и судебного разбирательства. К числу таких обстоятельств относятся характер и квалификация преступления, наличие нескольких эпизодов преступной деятельности, большое количество подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, необходимость проведения значительного количества следственных действий, а также назначение сложных судебных экспертиз.

Кроме того, на продолжительность производства могут влиять необходимость получения доказательств из других

регионов или иностранных государств, проведение международных правовых поручений, значительный объем материалов уголовного дела и иные обстоятельства, требующие дополнительных процессуальных действий.

Однако, как свидетельствует судебная практика, ссылки на сложность дела не могут служить универсальным оправданием чрезмерной длительности производства. Так, суд, оценивая уголовное дело, расследовавшееся более девяти лет, указал: «Доводы представителей административных ответчиков о сложности уголовного дела в данном случае для суда неубедительны правовая и фактическая сложность указанного дела сама по себе не может оправдать столь продолжительное его расследование органами следствия» [7]. Аналогичный подход продемонстрирован в другом случае, где суд, признавая определенную сложность уголовного дела о хищении имущества, констатировал, что она «не может оправдать столь продолжительное его расследование» [8].

Вторым критерием является поведение участников уголовного судопроизводства. Законодатель исходит из того, что продолжительность процесса во многом зависит от процессуальной активности сторон. В связи с этим при оценке разумности срока учитывается, насколько добросовестно участники процесса реализуют принадлежащие им процессуальные права и исполняют возложенные на них обязанности.

Например, существенное значение имеют случаи уклонения обвиняемого от явки к следователю или в суд, намеренное затягивание процесса путем систематического заявления необоснованных ходатайств, отказ от получения процессуальных документов, противодействие следственным действиям.

Активная процессуальная позиция заявителя, выражающаяся в подаче жалоб, ходатайств, обращении с заявлениями об ускорении, не может расцениваться как обстоятельство, повлекшее увеличение срока производства. В решении Приморского краевого суда по делу № За-98/2025 суд отметил: «Оценивая поведение потерпевшего, суд отмечает его активную позицию по реализации своих процессуальных прав по уголовному делу. Все заявления были направлены на недопущение и устранение допущенных в ходе проведения расследования нарушений уголовно-процессуального закона» [9].

Также внимания заслуживает дело, рассмотренное Вологодским областным судом, где административный истец, являясь обвиняемым, неоднократно обращался с заявлениями об ускорении рассмотрения уголовного дела. Суд, оценивая его поведение, не усмотрел оснований для возложения на него ответственности за длительность производства, подчеркнув, что реализация процессуальных прав не может ставиться ему в вину [10].

Третьим критерием выступает достаточность и эффективность действий должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. К ним относятся суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник

подразделения дознания и дознаватель. При оценке данного критерия анализируется, предпринимали ли указанные лица все необходимые и своевременные меры для обеспечения оперативного расследования и рассмотрения уголовного дела.

В частности, учитывается своевременность назначения экспертиз, оперативность направления запросов и поручений, своевременность проведения следственных действий, полнота контроля со стороны руководителей следственных органов, а также надлежащая организация судебных заседаний. Поэтому если задержки в производстве вызваны бездействием должностных лиц, несвоевременным принятием процессуальных решений или неэффективной организацией работы, это свидетельствует о нарушении требования разумного срока.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что именно данный критерий наиболее часто выступает основанием для констатации нарушения права на судопроизводство в разумный срок. Суды оценивают не просто формальное наличие процессуальных актов, а их качество, своевременность и результативность.

Так, в решении Верховного Суда Республики Татарстан по делу № За-599/2025 содержится анализ неэффективности действий органов предварительного расследования. Суд установил, что общий срок, в течение которого дознаватель и следователи не принимали уголовное дело к своему производству после отмены их незаконных постановлений прокурором либо руководителем следственного органа, составил 6 месяцев 14 дней, что необоснованно увеличило срок уголовного судопроизводства и приблизило момент истечения сроков давности уголовного преследования. Особо подчеркнуто, что процессуальная проверка по заявлению, дознание, а затем и предварительное следствие по уголовному делу проводились бессистемно, непланомерно, непоследовательно, несвоевременно, с длительными разрывами во времени между следственными и процессуальными действиями [11].

Московский городской суд в решении по делу № За-2918/2025 обратил внимание на тот факт, что срок предварительного следствия по делу приостанавливался 22 раза, и каждый раз постановления о приостановлении отменялись как незаконные и необоснованные. При этом в период с 14 февраля 2018 года по 23 декабря 2022 года органом предварительного следствия вообще не осуществлялось каких-либо процессуальных действий, что составило 4 года 10 месяцев 9 дней процессуальной неактивности [12].

Воронежский областной суд отметил, что после возбуждения уголовного дела по факту ДТП следователем трижды выносились незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, а само уголовное дело было возбуждено спустя три месяца после происшествия. Суд отметил, что вынесение необоснованных постановлений о приостановлении предварительного расследования в отсутствие оснований влекло длительные периоды бездействия при расследовании дела [13].

Четвертым критерием является общая продолжительность уголовного судопроизводства. Под ней понимается суммарный временной период от момента начала уголовного преследования либо проведения процессуальной проверки до окончательного завершения производства по делу, включая рассмотрение его судом различных инстанций.

При этом, определенные обстоятельства не могут оправдывать чрезмерную длительность процесса. В частности, не допускается ссылка на недостаточную организацию работы следственных органов, органов дознания, прокуратуры или суда, а также на загруженность судей или следователей. Кроме того, сам факт рассмотрения дела в апелляционной, кассационной или надзорной инстанции также не может рассматриваться как основание для оправдания чрезмерной продолжительности уголовного судопроизводства.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 29 марта 2016 года № 11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» разъяснил, что оценка разумности срока должна производиться с учетом правовой и фактической сложности дела, поведения заявителя и других участников процесса, достаточности и эффективности действий органов, осуществляющих уголовное судопроизводство [5].

Механизм защиты права на судопроизводство в разумный срок включает как превентивные, так и компенсаторные средства. Превентивным средством выступает институт заявления об ускорении рассмотрения уголовного дела, адресуемого председателю суда. Такое заявление может быть подано заинтересованными лицами в случае

длительного нерассмотрения дела и затягивания судебного процесса. Председатель суда обязан рассмотреть заявление в пятидневный срок и вынести мотивированное постановление, которым может установить срок проведения судебного заседания и (или) принять иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела.

Компенсаторным средством выступает институт присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, регламентированный Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [4]. Присуждение компенсации не зависит от наличия либо отсутствия вины суда, органов уголовного преследования, должностных лиц государственных органов, так как сам факт нарушения права на судопроизводство в разумный срок является достаточным основанием для ее выплаты.

Судебная практика ориентирует правоприменителя на необходимость соблюдения быстроты процесса и полнотой исследования обстоятельств, не допуская формального подхода и признавая приоритет права участников процесса на справедливое правосудие в приемлемые временные параметры.

Таким образом, институт разумного срока выступает механизмом обеспечения эффективности уголовного судопроизводства и защиты прав личности. Его реализация требует комплексной оценки всех обстоятельств уголовного дела, включая его сложность, поведение участников процесса, активность должностных лиц и общую продолжительность производства. Соблюдение данного принципа способствует повышению качества правосудия и обеспечению соответствия российского уголовного процесса международным стандартам защиты прав человека.

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Бюллетень международных договоров. — № 3. — 2001.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Российская газета. — № 249. — 22.12.2001.
3. Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. — № 94. — 04.05.2010.
4. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. — № 94. — 04.05.2010.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 5. — 2016.
6. Решение Ивановского областного суда от 7 октября 2025 г. по делу № 3А-41/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kFjHlDbX0xdV/> (дата обращения: 12.03.2026).
7. Решение Волгоградского областного суда от 25 сентября 2025 г. по делу № 3А-126/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/r2JoPN6V0cbx/> (дата обращения: 12.03.2026).

8. Решение Ростовского областного суда от 1 октября 2025 г. по делу № 3А-242/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DiKrRwjMIKop/> (дата обращения: 12.03.2026).
9. Решение Приморского краевого суда от 24 сентября 2025 г. по делу № 3А-98/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0X4oLOMFFldd/> (дата обращения: 12.03.2026).
10. Решение Вологодского областного суда от 5 октября 2025 г. по делу № 3А-153/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/me5NRdXp9qQB/> (дата обращения: 12.03.2026).
11. Решение Верховного Суда Республики Татарстан от 2 октября 2025 г. по делу № 3А-599/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mxJu8aelftNu/> (дата обращения: 12.03.2026).
12. Решение Московского городского суда от 1 октября 2025 г. по делу № 3А-2918/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/W9ZWKzBoXrmp/> (дата обращения: 12.03.2026).
13. Решение Воронежского областного суда от 24 сентября 2025 г. по делу № 33-160/2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IO1pCITJHLIC/> (дата обращения: 12.03.2026).

Штраф как вид уголовного наказания

Апрелкова Мария Викторовна, студент
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Статья посвящена анализу штрафа как вида уголовного наказания по российскому законодательству. Рассматриваются правовая природа штрафа, его виды в зависимости от порядка исчисления, функции. Особое внимание уделяется разграничению уголовного и судебного штрафа, статистике применения, дискуссионным вопросам кратного исчисления и роли штрафа как альтернативы лишению свободы, способствующей гуманизации уголовной политики.

Ключевые слова: уголовное наказание, штраф, судебный штраф, имущественное взыскание, альтернатива лишению свободы, индивидуализация наказания, уголовно-правовая политика, кратное исчисление, принцип справедливости, судимость.

A fine as a type of criminal punishment

The article is devoted to the analysis of a fine as a type of criminal punishment under Russian legislation. It examines the legal nature of a fine, its types depending on the calculation procedure, and its functions. Special attention is paid to the differentiation between criminal and judicial fines, the statistics of their application, the controversial issues of multiple calculations, and the role of a fine as an alternative to imprisonment that contributes to the humanization of criminal policy.

Keywords: criminal punishment, fine, judicial fine, property recovery, alternative to imprisonment, individualization of punishment, criminal law policy, multiple calculation, principle of justice, criminal record.

Штраф как вид уголовного наказания выступает одной из форм реализации уголовной ответственности, выражающейся в ограничении имущественных прав осужденного путем умаления объема его материальных благ. Ст. 46 УК РФ штраф определяет как денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных УК РФ [1].

В современной уголовно-правовой политике штраф занимает доминирующее положение среди мер, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2024 год подтверждает устойчивую тенденцию к широкому применению данной санкции. Согласно официальным сведениям, штраф в качестве основного вида наказания был назначен 78 858 осужденным. Данный показатель существенно превышает количество лиц, в отношении которых применены иные виды наказаний, альтернативных лишению свободы:

обязательные работы назначены 64723 лицам, исправительные работы — 44521, ограничение свободы — 23181, принудительные работы — 20194. Значительно реже судами применялись такие санкции, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (89 осужденных), ограничение по военной службе (40) и содержание в дисциплинарной воинской части (21) (рис. 1).

С материально-правовой позиции штраф является не лишением, а ограничением имущественных прав виновного лица, при этом его карательный потенциал заключается в воздействии на материальные интересы осужденного, влияющем на свободу их реализации, что в определенных случаях позволяет рассматривать штраф как более строгое наказание по сравнению с исправительными работами или лишением права занимать определенные должности.

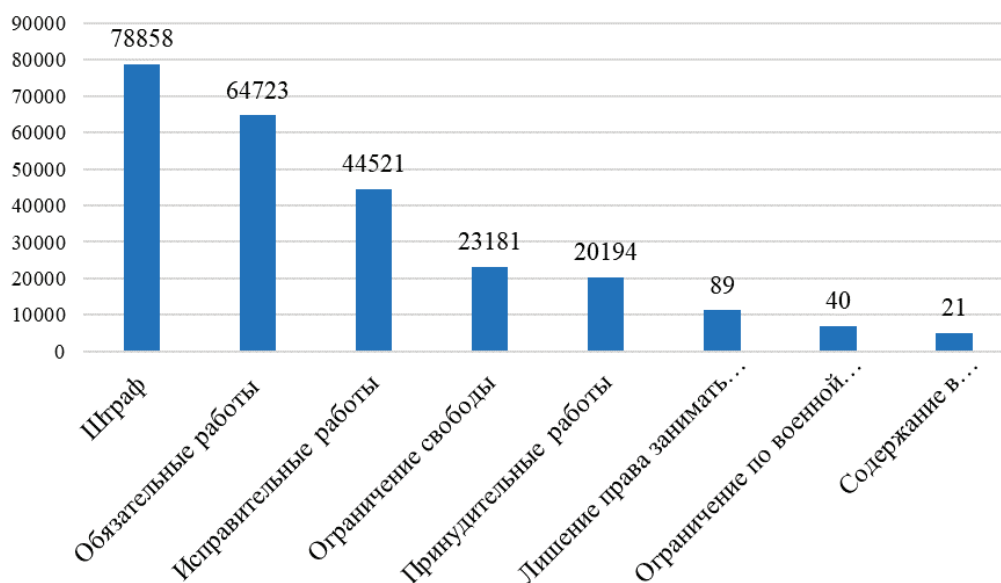

Рис. 1. Применение штрафа как основного наказания в системе наказаний, альтернативных лишению свободы [4]

С точки зрения функционального предназначения штраф рассматривается как средство восстановления социальной справедливости путем взыскания денежных средств в пользу государства, как инструмент частной и общей превенции, удерживающий осужденного от совершения новых преступлений посредством воздействия на его имущественную сферу и оказывающий предупредительное влияние на иных лиц, а также как альтернатива лишению свободы, позволяющая избежать изоляции осужденного от общества и реализовать принцип экономии уголовной репрессии [7, с. 44].

В системе уголовных наказаний штраф может применяться в качестве основного вида наказания, назначаемого самостоятельно, когда санкция статьи Особенной части УК РФ предусматривает его как основную меру, либо в качестве дополнительного вида наказания, назначаемого в сочетании с иными видами наказаний только в случаях, прямо указанных в законе, что усиливает общее карательное воздействие.

Принцип индивидуализации наказания требует понимания штрафа как персонализированного взыскания, размер которого определяется судом строго индивидуально с учетом тяжести совершенного преступления, имущественного положения осужденного и его семьи, а также возможности получения осужденным дохода, что позволяет обеспечить справедливость назначаемой меры и ее исполнимость.

Штраф, являясь имущественным взысканием, не предполагает изоляции осужденного от общества, что позволяет сохранить его трудовые и семейные связи, создавая тем самым благоприятные условия для последующей ресоциализации. В отличие от лишения свободы, которое влечет утрату осужденным возможности полноценного участия в общественной жизни, штраф обеспечивает достижение целей исправления без раз-

рушения его социально полезных связей и утраты им социальной роли.

Штраф как вид уголовного наказания подразделяется на несколько видов в зависимости от порядка его исчисления и назначения, что вытекает из содержания ст. 46 УК РФ. По данному критерию выделяются следующие разновидности штрафа.

Первый вид — штраф, назначаемый в фиксированной денежной сумме, размер которой определяется судом в твердом выражении и не зависит от дохода осужденного. Такой штраф устанавливается в размере от пяти тысяч до пяти миллионов рублей.

Второй вид — штраф, назначаемый в размере заработной платы или иного дохода осужденного за определенный период. Данная разновидность исчисляется исходя из фактического дохода лица, совершившего преступление, и может быть установлена на срок от двух недель до пяти лет.

Третий вид — штраф, исчисляемый в величине, кратной стоимости предмета преступления или сумме незаконно полученных денежных средств. Указанная разновидность применяется за совершение коррупционных и иных преступлений, в частности за коммерческий подкуп, подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего и пр. Такой штраф устанавливается в размере до сто кратной суммы соответствующих подкупа, взятки либо суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, при этом он не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей и более пяти сот миллионов рублей.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 2 Постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» акцентировал внимание на том, что при определении размера штрафа следует учитывать тяжесть

совершенного преступления, имущественное положение осужденного и его семьи, а также возможность получения осужденным заработной платы либо иного дохода [3].

Данное указание обусловлено стремлением к реализации одного из начал уголовного права — принципа справедливости, который предполагает соответствие назначенного наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Учет имущественного положения осужденного и его семьи при назначении штрафа позволяет избежать ситуации, при которой формально равный размер наказания порождает фактическое неравенство, возлагая на малообеспеченных лиц непосильное бремя, тогда как для состоятельных осужденных штраф может оказаться неощутимым и не способным достичь целей исправления и предупреждения совершения новых преступлений. Тем самым обеспечивается публичный интерес правосудия и частный интерес осужденного, а назначенное наказание приобретает свойства исполнимости и соразмерности [8].

При этом, существует различие между штрафом как видом уголовного наказания и судебным штрафом.

Штраф как вид уголовного наказания, предусмотренный ст. 46 УК РФ, является мерой государственного принуждения, назначаемой по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления. Его применение влечет за собой правовое последствие в виде судимости, которая сохраняется на определенный законом срок и учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и в иных предусмотренных законом случаях. Штраф как наказание реализуется в рамках института уголовной ответственности и направлен на восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Судебный штраф, регламентированный ст. 104.4 УК РФ и главой 51.1 УПК РФ [2], представляет собой меру уголовно-правового характера, не являющуюся наказанием. Он назначается судом в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, при освобождении его от уголовной ответственности. Особенно суд судебного штрафа выступает то обстоятельство, что его уплата не влечет за собой судимости. Лицо, освобожденное от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, считается не подвергавшимся уголовному наказанию.

Указанные различия обуславливают самостоятельное место каждого из этих институтов в системе мер уголовно-правового воздействия и исключают их отождествление в правоприменительной практике.

Штраф как вид уголовного наказания выполняет ряд функций, которые проявляются в его применении как альтернативы лишению свободы, что обусловлено его правовой природой, содержанием и местом в системе уголовно-правовых мер воздействия.

Так, карательная функция штрафа заключается в ограничении имущественных прав осужденного путем возложения на него обязанности уплатить определенную денежную сумму в доход государства.

Функция восстановления социальной справедливости при применении штрафа реализуется посредством взыскания денежных средств в пользу государства. Выступая альтернативой лишению свободы, штраф позволяет достичь указанной цели без применения наиболее репрессивных мер государственного принуждения, что соответствует принципу экономии уголовной репрессии.

Функция исправления осужденного при применении штрафа реализуется через воздействие на материальные интересы лица, побуждая его к правопослушному поведению и осознанию невыгодности совершения противоправных деяний. В отличие от лишения свободы, где исправительное воздействие осуществляется в условиях изоляции и жесткой регламентации жизни осужденного, штраф предполагает сохранение за лицом возможности самостоятельно определять свое поведение в обществе, что создает предпосылки для его добровольного исправления без разрушения сложившихся социальных связей.

Функция предупреждения совершения новых преступлений (превентивная функция) реализуется как в отношении самого осужденного (частная превенция), так и в отношении иных лиц (общая превенция). В механизме частной превенции штраф воздействует на имущественную сферу лица, создавая для него материальные последствия совершенного преступления и тем самым удерживая от совершения новых противоправных деяний. Общая превенция обеспечивается осознанием неотвратимости имущественных потерь в случае совершения преступления.

Функция дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности проявляется в том, что штраф, выступая альтернативой лишению свободы, позволяет суду избрать меру наказания, максимально соответствующую характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Возможность назначения штрафа в различных вариантах исчисления (в твердой сумме, в размере дохода осужденного, в кратном исчислении), а также с рассрочкой выплаты предоставляет суду возможности для индивидуализации наказания и выбора оптимальной меры воздействия, способной заменить лишение свободы.

При этом, следует отметить, что в научных исследованиях обсуждаются дискуссионные вопросы относительно штрафа как вида уголовного наказания.

Особую полемику вызывает институт кратного штрафа, исчисляемого исходя из суммы взятки или коммерческого подкупа. Критике подвергается ситуация, при которой размер взыскания может многократно превышать сумму взятки, что создает несоразмерность наказания. Отсутствие единой методики замены штрафа на лишение свободы и непоследовательность законодателя в определении санкций порождают противоречия между

формальным статусом штрафа как «наиболее мягкого» наказания и его фактическим применением в качестве репрессивного инструмента [5, с. 212].

В научной литературе отмечается, что в действующем уголовном законодательстве содержатся санкции, предусматривающие многомиллионные штрафы за преступления небольшой и средней тяжести, что вступает в противоречие с принципом справедливости и не позволяет реально исполнить назначенное наказание. Исследователи указывают на необходимость законодательного закрепления максимальных размеров штрафа в зависимости от категории совершенного преступления, так как отсутствие такой дифференциации приводит к тому, что при исполнении штрафа не всегда достигаются цели наказания [6, с. 290].

Тем не менее, целесообразность существования штрафа как вида уголовного наказания не вызывает сомнений, так как он представляет собой неотъемлемый элемент системы мер государственного принуждения, позволяющий достичь целей уголовной ответственности при минимизации негативных последствий, сопряженных с изоляцией осужденного от общества.

Штраф, выступая наказанием, не связанным с лишением свободы, в полной мере соответствует принципу экономии уголовной репрессии. Его применение позволяет учесть индивидуальные особенности личности виновного, смягчить негативные социальные последствия осуждения как для самого виновного, так и для членов его семьи (сохраняя трудовые отношения, социальные связи и источники дохода), а также существенно сократить бюд-

жетные расходы, связанные с содержанием осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Надлежащая индивидуализация наказания, основанная на всестороннем учете имущественного положения осужденного, его трудоспособности и семейного статуса, позволяет минимизировать риски назначения заведомо неисполнимых приговоров. Данный подход обеспечивает и карательное воздействие, необходимое для восстановления социальной справедливости, и восстановительную функцию уголовной ответственности, направленную на ресоциализацию виновного без разрушения его социально полезных связей.

Таким образом, являясь имущественным взысканием, назначаемым по приговору суда, штраф способствует достижению комплекса целей уголовного наказания посредством взыскания денежных средств в доход государства, исправлению осужденного путем воздействия на его материальные интересы, а также предупреждению совершения новых преступлений как самим осужденным, так и иными лицами. Применение штрафа вместо лишения свободы позволяет избежать изоляции осужденного от общества, сохранить его трудовые и семейные связи, что создает благоприятные условия для его последующей ресоциализации и укрепления правопослушного поведения. Тем самым штраф выступает инструментом уголовно-правового воздействия, обеспечивающим достижение целей наказания при минимально необходимом уровне репрессии и способствующим дальнейшему развитию уголовной политики, ориентированной на гуманизацию и дифференциацию ответственности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Российская газета. — № 249. — 22.12.2001.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 2. — 2016.
4. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Официальный сайт — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 15.03.2026).
5. Улезько, С. И. Парадоксы штрафа в уголовном праве: законодательные противоречия и пути их преодоления / С. И. Улезько, Ж. В. Фаясова, И. С. Улезько // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. — 2025. — № 2(58). — С. 210–216.
6. Урусов, А. А. Соотношение размера штрафа и категории преступления / А. А. Урусов // Сибирское юридическое обозрение. — 2025. — № 2. — С. 282–293.
7. Ходжалиев, С. А. Уголовный штраф в российской правовой системе: актуальные проблемы реализации и пути их преодоления / С. А. Ходжалиев // Диалектика власти в оптике общественных наук. Материалы Международной научной конференции. — Липецк, 2025. — С. 42–46.
8. Ходжалиев, С. А. Понятие системы наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества / С. А. Ходжалиев // Инновационное развитие современной науки: новые подходы и актуальные исследования. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. — Москва, 2024. — С. 94–98.

Основания и практика применения института освобождения от наказания в связи с болезнью (статья 81 УК РФ)

Апрелкова Мария Викторовна, студент
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Статья посвящена анализу оснований освобождения от наказания по болезни, предусмотренных ст. 81 УК РФ. Рассматриваются медицинские и юридические критерии трех самостоятельных институтов: освобождения в связи с психическим расстройством (императивный характер), иной тяжелой болезнью (дискреционное полномочие суда) и заболеванием, являющимся основанием для признания военнослужащего негодным к военной службе. На основе анализа судебной практики исследуются особенности правоприменения, а также правовые последствия выздоровления лица.

Ключевые слова: освобождение от наказания, ст. 81 УК РФ, психическое расстройство, тяжелая болезнь, военнослужащие, принудительные меры медицинского характера, гуманизм, судебная практика.

Grounds and practice of applying the institution of release from punishment due to illness (Article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation)

The article is devoted to the analysis of the grounds for exemption from punishment due to illness, provided for in Article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article examines the medical and legal criteria of three independent institutions: exemption due to a mental disorder (imperative nature), other serious illness (discretionary power of the court), and a disease that makes a military personnel unfit for military service. Based on the analysis of judicial practice and the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, the article explores the specifics of law enforcement, as well as the legal consequences of a person's recovery.

Keywords: release from punishment, Article 81 of the Criminal Code of the Russian Federation, mental disorder, serious illness, military personnel, compulsory medical measures, humanism, and judicial practice.

Освобождение от наказания в связи с болезнью является одним из институтов уголовного права Российской Федерации, отражающих гуманистическую направленность уголовно-правового регулирования и обеспечивающих учет состояния здоровья лица при реализации уголовной ответственности. Данный институт закреплен в ст. 81 УК РФ и представляет собой предусмотренный законом механизм, позволяющий отказать от назначения наказания либо прекратить его исполнение в отношении лица, страдающего тяжелым заболеванием [2].

Основания освобождения от наказания согласно ст. 81 УК РФ могут быть классифицированы по медицинскому критерию (психическое расстройство, иная тяжелая болезнь) либо по субъектному составу (специальное основание для военнослужащих).

Освобождение от наказания в связи с психическим расстройством, предусмотренное ч. 1 ст. 81 УК РФ, представляет собой один из наиболее значимых проявлений принципа гуманизма в уголовном праве. Данный институт основан на объективной невозможности достижения целей наказания в отношении лица, которое вследствие психического заболевания утратило способность осознавать значение применяемых к нему мер принуждения и руководить своим поведением [13, с. 14].

Законодатель в ч. 1 ст. 81 УК РФ использует двухэлементную конструкцию юридического критерия, который включает два признака: интеллектуальный (невозмож-

ность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо бездействия) и волевой (невозможность руководить своими действиями). Для применения ч. 1 ст. 81 УК РФ достаточно наличия хотя бы одного из указанных признаков в сочетании с медицинским критерием — собственно психическим расстройством.

Интеллектуальный признак характеризует нарушение познавательной (когнитивной) сферы психической деятельности. Лицо, страдающее психическим расстройством, может не понимать фактической стороны происходящего, например, не осознавать, что находится в местах лишения свободы, что к нему применяются меры принуждения, что существуют определенные правила поведения, обязательные для соблюдения. В других случаях может сохраняться понимание фактических обстоятельств, но утрачивается способность оценивать их социальное значение, то есть лицо перестает осознавать общественную опасность своих действий или бездействия, не понимает, что его поведение может причинять вред окружающим либо нарушать установленный порядок.

В свою очередь, волевой признак характеризует нарушение способности к произвольной регуляции поведения. Лицо может в целом понимать происходящее, осознавать требования режима и необходимость их соблюдения, однако вследствие психического расстройства утрачивает способность контролировать свои поступки, противостоять импульсивным побуждениям, выбирать социально приемлемые варианты поведения.

Медицинский критерий в ч. 1 ст. 81 УК РФ обозначен родовым понятием «психическое расстройство». Данный термин охватывает широкий круг психических заболеваний и нарушений психической деятельности независимо от их нозологической принадлежности, этиологии, характера течения и прогноза. В этом состоит отличие от ч. 2 ст. 81 УК РФ, где медицинское основание конкретизируется через Перечень заболеваний, утверждаемый Правительством РФ [4].

Законодатель не предоставляет суду дискреционных полномочий при решении данного вопроса: если установлено, что у осужденного наступило психическое расстройство, лишаящее его возможности осознавать свои действия либо руководить ими, суд обязан освободить такое лицо от дальнейшего отбывания наказания. Ни тяжесть совершенного преступления, ни данные о личности осужденного, ни его поведение в период отбывания наказания, ни мнение администрации исправительного учреждения не могут служить основанием для отказа в освобождении [13, с. 15].

Императивный характер освобождения обусловлен тем, что применение наказания к лицу, не способному осознавать его смысл и значение, утрачивает правовое и нравственное обоснование. Кроме того, содержание психически больного лица в условиях изоляции может рассматриваться как бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, запрещенное ст. 21 Конституции РФ [1].

Следует отметить, что закон не устанавливает каких-либо временных ограничений для применения ч. 1 ст. 81 УК РФ. Психическое расстройство может наступить как непосредственно после совершения преступления, так и спустя многие годы после начала отбывания наказания. В любом случае при подтверждении факта утраты способности осознавать свои действия либо руководить ими освобождение является обязательным.

В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 21 апреля 2009 г. № 8 разъяснил, что освобождение от наказания по данному основанию применяется независимо от времени наступления расстройства — до или после вынесения приговора, а также независимо от наличия либо отсутствия у осужденного иных заболеваний [8].

Освобождение от наказания в связи с психическим расстройством не означает прекращения какого-либо воздействия на лицо, совершившее преступление. Ч. 1 ст. 81 УК РФ предусматривает, что суд может назначить такому лицу принудительные меры медицинского характера. Данная формулировка («может назначить») не означает, что назначение мер является факультативным — в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для себя или окружающих либо способных причинить иной существенный вред, применение принудительного лечения является обязательным.

Вид принудительных мер, порядок и условия их исполнения определяются в соответствии с главой 15 УК РФ и Законом от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [3].

Освобождение от наказания в связи с иной тяжелой болезнью, предусмотренное ч. 2 ст. 81 УК РФ, представляет собой самостоятельный уголовно-правовой институт, отличающийся по своей правовой природе от освобождения в связи с психическим расстройством. Основное отличие заключается в факультативном характере данного основания: в отличие от императивного предписания ч. 1 ст. 81 УК РФ, обязывающего суд освободить осужденного при наличии психического расстройства, ч. 2 ст. 81 УК РФ предоставляет суду право, но не возлагает обязанность принять решение об освобождении.

Данное различие обусловлено тем, что психическое расстройство, лишаящее лицо способности осознавать свои действия либо руководить ими, полностью исключает саму возможность достижения целей наказания, поскольку осужденный перестает воспринимать карательное и воспитательное воздействие. Соматическое (телесное) заболевание, каким бы тяжелым оно ни было, не влияет на интеллектуально-волевую сферу личности, и лицо сохраняет способность понимать значение применяемых к нему мер наказания.

Медицинским основанием для применения ч. 2 ст. 81 УК РФ выступает наличие у осужденного тяжелого заболевания, включенного в Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания от 6 февраля 2004 года № 54, и является исчерпывающим. При этом, даже наличие тяжелого заболевания, объективно затрудняющего отбывание наказания, но не включенного в Перечень, не может служить основанием для освобождения по ч. 2 ст. 81 УК РФ. Перечень заболеваний включает заболевания различных классов, объединенных общим признаком — невозможностью дальнейшего содержания осужденного в условиях изоляции без угрозы для его жизни либо без причинения несоразмерных страданий. В структуре Перечня выделяются следующие группы заболеваний: инфекционные и паразитарные болезни, новообразования, болезни нервной, эндокринной системы и пр.

Ч. 2 ст. 81 УК РФ предоставляет суду дискреционные полномочия при решении вопроса об освобождении. Закон говорит, что лицо, заболевшее иной тяжелой болезнью, «может быть освобождено судом от отбывания наказания». То есть, даже при наличии заболевания, включенного в Перечень, и всех положительных характеристик осужденного суд не обязан автоматически принимать решение об освобождении [14, с. 78].

Однако полномочия суда не являются абсолютными и имеют определенные пределы. Решение об отказе в освобождении от наказания по болезни должно быть мотивированным, основанным на всестороннем учете всех обстоятельств дела и не может быть произвольным. Суд обязан указать в решении, какие именно обстоятельства (тяжесть преступления, данные о личности, характер заболевания, поведение осужденного) послужили основанием для отказа, и почему они перевешивают медицинские показания.

Тем самым ст. 81 УК РФ не содержит положений, допускающих принятие судом произвольного решения о воз-

возможности или невозможности освобождения осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью [6, 7].

Так, осужденный М., отбывавший наказание за тяжкое преступление, страдал тяжелым онкологическим заболеванием. Суд первой инстанции удовлетворил представление администрации исправительного учреждения и освободил его от дальнейшего отбывания наказания на основании ч. 2 ст. 81 УК РФ. Кассационный суд отменил это решение, сославшись на формальные нарушения в деятельности врачебной комиссии, проводившей освидетельствование. Верховный Суд Российской Федерации восстановил решение суда первой инстанции, подчеркнув, что наличие заболевания, включенного в Перечень, является определяющим основанием для освобождения от наказания. Формальные организационные нарушения при работе комиссии не могут служить основанием для отказа, если диагноз подтверждается совокупностью медицинских документов и экспертиз. Суд подчеркнул приоритет реального состояния здоровья осужденного над процедурными недочетами [13, с. 14].

В другом случае суд первой инстанции отказал в освобождении осужденного, ссылаясь на отсутствие сведений о родственниках, которые могли бы обеспечить уход. Однако апелляция отменила это решение, указав, что определяющее значение имеет сам факт наличия заболевания, препятствующего отбыванию наказания. Суд подчеркнул, что закон не ставит освобождение в зависимость от наличия или отсутствия у осужденного социальных связей, а медицинское заключение, подтверждающее наличие заболевания из Перечня и отсутствие нужды в постороннем уходе, является достаточным основанием для освобождения [10].

Дело Ставропольского краевого суда развивает этот подход. Суд первой инстанции, несмотря на наличие нескольких медицинских заключений, подтверждающих, что осужденный страдает заболеванием, входящим в Перечень, и не может содержаться в исправительном учреждении на общих основаниях, отказал в удовлетворении ходатайства. Суд мотивировал это тем, что заболевание не является неизлечимым, а осложнения могут наступить вне зависимости от изоляции. Апелляционная инстанция отменила постановление, указав, что суд проигнорировал показания начальника медицинской части об отсутствии в системе УФСИН специализированного отделения для лечения данного заболевания и о проблематичности госпитализации. Таким образом, апелляция признала, что наличие заболевания из Перечня в совокупности с невозможностью получить адекватное лечение в условиях изоляции является безусловным основанием для освобождения [11].

В другом случае суд апелляционной инстанции согласился с выводами нижестоящего суда, основанными на заключении врачебной комиссии, согласно которому у осужденного отсутствуют заболевания, включенные в Перечень. Данное дело подтверждает, что наличие тяжелых заболеваний само по себе, без их включения в Перечень, не является основанием для применения ст. 81 УК РФ [12].

Ч. 3 ст. 81 УК РФ предусматривает специальное основание освобождения от наказания, применяемое исключительно к военнослужащим. Выделение данной категории осужденных в отдельный правовой институт обусловлено особым характером военной службы, спецификой применяемых к военнослужащим видов наказания, а также необходимостью учета интересов обороноспособности государства и поддержания боеготовности Вооруженных Сил.

УК РФ предусматривает для военнослужащих специальные виды наказания, не применяемые к иным категориям осужденных: содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ) и арест с отбыванием на гауптвахте (ст. 54 УК РФ).

Действие ч. 3 ст. 81 УК РФ распространяется на две основные категории военнослужащих: проходящих военную службу по призыву и проходящих военную службу по контракту. Правовое положение указанных категорий имеет существенные различия, однако в части оснований освобождения от наказания в связи с болезнью законодатель не проводит между ними дифференциации.

Медицинским основанием для освобождения военнослужащего от наказания выступает заболевание, делающее его негодным к военной службе. В отличие от ч. 2 ст. 81 УК РФ, где медицинский критерий определен через Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, ч. 3 ст. 81 УК РФ использует иной подход.

Определение степени годности к военной службе осуществляется в соответствии с Положением о военно-врачебной экспертизе, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 года № 565. Указанное Положение содержит перечень болезней, в которых каждому заболеванию сопоставлена категория годности к военной службе [5].

Для освобождения от наказания по ч. 3 ст. 81 УК РФ необходимо установление категории годности «Д» (не годен к военной службе) либо, в определенных случаях, категории «В» (ограниченно годен), если характер заболевания и условия военной службы не позволяют дальнейшее прохождение службы в занимаемой должности или в вооруженных силах в целом.

Ч. 4 ст. 81 УК РФ устанавливает правовое последствие, связанное с изменением состояния здоровья лиц, освобожденных от наказания по основаниям, предусмотренным ч. 1 и 2 данной статьи. Указанная норма определяет, что освобождение от наказания в связи с болезнью не является окончательным и бесповоротным, а носит условный характер, будучи обусловлено самим фактом наличия заболевания. При отпадении этого обстоятельства — выздоровлении лица — правовые последствия совершенного преступления могут быть актуализированы вновь.

Данная норма закрепила два обязательных условия, при наличии которых лицо, выздоровевшее после освобождения от наказания в связи с болезнью, может подлежать уголовной ответственности и наказанию:

1. Выздоровление лица. Под выздоровлением понимается не только полное излечение от заболевания, послужившего основанием для освобождения, но и такое изменение состояния здоровья, при котором отпадают обстоятельства, препятствовавшие отбыванию наказания. Применительно к ч. 1 ст. 81 УК РФ выздоровление означает восстановление психических функций до уровня, позволяющего лицу осознавать свои действия и руководить ими. Применительно к ч. 2 — достижение стойкой ремиссии либо такого улучшения состояния, при котором заболевание перестает препятствовать отбыванию наказания (например, болезнь переходит в стадию, когда необходимое лечение может быть обеспечено в условиях пенитенциарного учреждения).

Законодатель исходит из презумпции, что заболевание, послужившее основанием для освобождения от наказания, не аннулирует ни факта совершения преступления, ни виновности лица, ни законности и обоснованности вынесенного приговора. Освобождение от наказания по болезни приостанавливает реализацию уголовно-правовых последствий совершенного деяния, но не устраняет их полностью. Поэтому в случае выздоровления лицо может быть вновь подвергнуто уголовному преследованию и наказанию при соблюдении определенных условий [15, с. 400].

2. Неистечение сроков давности. Даже при установлении факта выздоровления лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности или направлено для отбывания наказания, если истекли установленные законом сроки давности. Данное требование корреспондирует общим принципам уголовного права, согласно которым по истечении определенного времени утрачивается общественная значимость привлечения лица к ответственности, снижается возможность объективного рассмотрения дела, а само лицо, длительное время, не совершавшее новых преступлений, перестает представлять общественную опасность.

Таким образом, институт освобождения от наказания в связи с болезнью, закрепленный в ст. 81 УК РФ, представляет собой механизм, сочетающий императивные и дискреционные начала, учитывающий как медицинские показания, так и юридические и социальные факторы. Его применение обеспечивает реализацию принципов гуманизма и справедливости в уголовном праве, гарантируя, что наказание не применяется к лицам, которые в силу своего состояния здоровья не могут быть его субъектами либо дальнейшее отбывание наказания вступает в противоречие с требованиями человеческого достоинства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — М.: Спарк, 2026. — 77 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.
3. Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 22.07.2024) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 20.08.1992. — № 33. — ст. 1913.
4. Постановление Правительства РФ от 06.02.2004 № 54 (ред. от 05.12.2025) «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» // Российская газета. — № 28. — 13.02.2004.
5. Постановление Правительства РФ от 04.07.2013 № 565 (ред. от 29.08.2025) «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе» // Собрание законодательства РФ. — 15.07.2013. — № 28. — ст. 3831.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2019 года № 69-О // СПС Консультант Плюс.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 1492-О // СПС Консультант Плюс.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 7. — 2009.
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2025 № 24-УД25-1-К4 // СПС Консультант Плюс.
10. Апелляционное постановление Амурского областного суда № 22-1577/2025 от 8 сентября 2025 г. по делу № 4.1-297/2025. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Bt8COshNCsdr/> (дата обращения: 20.03.2026).
11. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда № 22-3326/2025 от 28 августа 2025 г. по делу № 4/3-15/2025. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/txh9FNhOJOg5/> (дата обращения: 20.03.2026).
12. Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-1912/2025 от 27 августа 2025 г. по делу № 4/3-4/2025. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/уус3Нр8eb5хQ/> (дата обращения: 20.03.2026).
13. Бриллиантов, А. В. Освобождение от наказания: законодательство, теория и судебная практика: монография / А. В. Бриллиантов. — М.: РГУП, 2019. — 96 с.
14. Горшенин, А. А. Освобождение от уголовной ответственности, наказания и его отбывания / А. А. Горшенин. — М.: Юрайт, 2026. — 97 с.

15. Иваничева, Е. Д. Освобождение от наказания в связи с иной тяжелой болезнью в ракурсе принципа гуманизма / Е. Д. Иваничева // Актуальные вопросы юридической науки, права и правосудия. — Нижний Новгород, 2023. — С. 399–402.

Ответственность за налоговые правонарушения: теоретико-правовая характеристика и практика применения

Бадаква Евгения Вячеславовна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В рамках представленной научной работы детально исследуются как фундаментальная юридическая база, так и современные практические направления применения мер ответственности за совершаемые налоговые правонарушения. В условиях активной цифровизации государственного надзора, действующие процедуры наложения различных фискальных взысканий были всесторонне изучены с помощью сравнительно-правового и комплексного системного подходов. Безусловная научная ценность проведенного исследования состоит в обнаружении крайне негативной динамики: в текущем судопроизводстве автоматизированные проверочные алгоритмы начинают доминировать над фундаментальным правилом индивидуального подхода к назначению санкций. Выведенные в статье итоги наглядно показывают очевидное присутствие юридической размытости в существующих критериях объективного разделения случайных технических сбоев учета и целенаправленных противоправных деяний. В финале работы, ради надежного обеспечения справедливости взимания обязательных платежей, автором сделано обоснованное заключение о критической потребности скорейшего закрепления расширенного списка безусловных смягчающих факторов в действующем Налоговом кодексе РФ.

Ключевые слова: налоговое право, юридическая ответственность, налоговые санкции, НК РФ, налоговый контроль, судебная практика, налоговый деликт, индивидуализация наказания.

Обоснование проблематики и актуальности исследования. Непрекращающаяся модернизация налоговой системы РФ приводит к тому, что механизмы юридической ответственности за совершение налоговых правонарушений переходят в разряд наиболее спорных и обсуждаемых направлений современной юриспруденции. Фундаментальная проблематика данной работы кроется в очевидном диссонансе: с одной стороны, фискальные санкции носят ярко выраженный карательно-предупредительный характер, а с другой — существует строгая потребность в неукоснительном обеспечении конституционных свобод и прав граждан-налогоплательщиков. Безусловная значимость и своевременность поднимаемой темы продиктована тем, что после введения в действие ст. 54.1 НК РФ [4] и публикации достаточно противоречивых трактовок Верховного Суда РФ касательно механизмов «налоговой реконструкции» [6], в судебной практике возникла серьезная правовая турбулентность. Именно острая нехватка паритета между публичными потребностями государственной казны и фундаментальным правилом соразмерности и справедливости наказания формирует прочный фундамент для проведения всестороннего академического и прикладного анализа.

Объект и предмет исследования. В качестве объекта данного научного изыскания выделяется комплекс общественных взаимосвязей, которые органично формируются при применении механизмов властного государ-

ственного принуждения в налоговой отрасли. В свою очередь, предметом выступают объективные тенденции работы юридического института фискальных санкций, особенности его закрепления в нормах действующего НК РФ [4; 5], а также специфика и результативность практической деятельности арбитражных инстанций при рассмотрении подобных споров.

Обзор степени разработанности проблематики. Ньюансы наложения санкций за правонарушения в финансовой сфере исторически приковывали к себе пристальные взгляды российских юристов-исследователей, при этом фокус их научного интереса отличался существенным многообразием:

1. Фундаментальный теоретико-правовой подход. В частности, авторитетные правоведы (включая С. Г. Пепеляева) изучают институт налоговых наказаний с позиции обеспечения публичных интересов, трактуя его суть как специфический механизм властного влияния государства на нарушителя, базовая цель которого сводится к восполнению финансовых убытков бюджета [1].

2. Узкоотраслевой взгляд. Ученый-правовед Д. В. Виницкий в своих изысканиях делает упор на междисциплинарные корреляции. Он аргументирует позицию, согласно которой налоговое правонарушение по своим базовым характеристикам максимально приближено к административным санкциям, хотя и удерживает специфические, обособленные признаки, присущие исключительно фискальным мерам воздействия [2].

3. Прикладной (практический) подход. В научных публикациях А. В. Брызгалина вектор внимания перемещен на изучение «процессуальных пробелов», проявляющихся в ходе привлечения лиц к ответственности. Исследователь акцентирует внимание на том, что дефицит системного единства в вердиктах судов первой и апелляционной инстанций нередко фактически аннулирует фундаментальный принцип презумпции добросовестности налогоплательщика [3].

Методологический фундамент и научное предположение. В ходе написания статьи автором использовался комплексный инструментарий, включающий формально-юридическую методику (детальный разбор нормативных текстов), системно-деятельностный вектор, а также технологию сравнительного сопоставления актов правосудия. Оценка результативности существующих правовых норм проводилась на базе изучения обширного массива судебной практики арбитражных судов Уральского округа, охватывающего период 2024–2025 гг. [7,8,9].

Гипотеза проводимого изыскания базируется на допущении, что современная система применения ответственности имеет выраженную репрессивную (обвинительную) направленность. В действительности, отсутствие законодательно закрепленного и четко очерченного списка обстоятельств, безусловно смягчающих вину, провоцирует субъективизм и вольное толкование права со стороны контролирующих органов. Данное обстоятельство диктует острую необходимость внедрения обновленных и прозрачных стандартов индивидуального подхода к назначению наказания.

В актуальном юридическом дискурсе проблема правовой самостоятельности и сущностной природы взысканий за финансовые деликты сохраняет статус одной из самых полемических тем. По сути, отправной точкой для осмысления данного института является четкое разделение между правосстановительной целью и карательным вектором государственного давления. В классических доктринальных работах таких российских экспертов, как Г. Пепеляев и Д. В. Винницкий, обосновывается тезис о том, что институт ответственности в налоговой сфере, имея общее происхождение с администра-

тивным правом, тем не менее функционирует в рамках особого финансово-правового метода, ключевая задача которого — защита фискальной независимости и безопасности страны [1;2].

Параллельно с этим, проведение сравнительно-правового разбора законодательства и изучение свежей практики Арбитражного суда Уральского округа (АС УО) дает возможность подтвердить тезис о насущной потребности в более строгой законодательной фиксации признаков виновности лица. Не подлежит сомнению, что изучение проблемы исключительно на уровне теории не позволяет объективно измерить истинную степень изменчивости и непредсказуемости судебных решений при определении конкретных мер ответственности [3, с.112].

Для наглядной демонстрации выявленных противоречий между буквой закона и реальным вектором судебной защиты, а также для верификации гипотезы исследования, автором была сформирована аналитическая выборка ключевых прецедентов Уральского региона за период 2024–2025 гг., систематизированная в таблице 1.

Изучение представленной совокупности прецедентов позволяет констатировать наличие выраженной неоднозначности в подходах к юридической квалификации налоговых правонарушений. Фундаментальное противоречие современного этапа развития правоприменительной деятельности заключается в столкновении классических доктринальных принципов ответственности с инновационными алгоритмами цифрового администрирования [1;2]. В частности, материалы дела № А07–11678/2024 наглядно подтверждают, что в условиях активного функционирования автоматизированных аналитических систем (включая АСК НДС-2) органы правосудия зачастую склонны к приоритету формальных признаков деликта над детальным исследованием подлинной воли субъекта [9]. Одновременно с этим, правовая позиция по делу № А07–2887/2023 подчеркивает недопустимость автоматического переноса ответственности за недобросовестные действия контрагентов на добросовестного налогоплательщика без предоставления веских и исчерпывающих доказательств его прямой сопричастности к схеме уклонения [8]. В рамках академического дискурса ключевое

Таблица 1. Аналитический обзор судебной практики по вопросам привлечения к ответственности за фискальные деликты (2024–2025 гг.)

Специфика спора и идентификаторы дела	Содержание и векторы юридического анализа	Центральный правовой тезис судебной инстанции	Теоретическая и практическая ценность
Производство № А07–0968/2024	Взыскание фискальной недоимки с ИП.	Бесспорный порядок изъятия средств требует наличия судебного акта.	Предотвращение несанкционированного списания налогов.
Производство № А07–2887/2023	Оспаривание решений налоговых органов.	Недоказанность нарушений со стороны контрагентов аннулирует претензии.	Усиление требований к доказательственной базе инспекций.
Производство № А07–11678/2024	Применение ст. 54.1 НК РФ к затратам.	Учет расходов допустим исключительно при реальности хозяйственных операций.	Пресечение использования фиктивного документооборота.

значение приобретает сама структура состава правонарушения, которая в налоговой отрасли наделяется специфическими чертами [2]. В противовес стандартным административным составам, здесь материальный аспект нарушения неразрывно сопряжен с процессуальными дефектами ведения учета [1].

Следовательно, правовая природа ответственности за фискальные правонарушения должна исследоваться через призму концепции «законных ожиданий» [1;2]. Согласно этой доктрине, субъект вправе рассчитывать на стабильность и предсказуемость оценки его действий государственными органами при условии неукоснительного соблюдения установленных формальностей. Таким образом, качественное разграничение между непреднамеренной технической ошибкой и волевым искажением сведений, предусмотренное ст. 54.1 НК РФ, требует не поверхностного сопоставления данных в цифровых базах, а глубокого анализа деловой цели совершаемых операций [4]. Проверенная в ходе изыскания практика Арбитражных судов Уральского округа доказывает, что дефицит единообразия в трактовке «реальности» хозяйственных сделок создает ситуацию правовой неопределенности, которая фактически нивелирует превентивную роль штрафных санкций.

Комплексное изучение теоретических подходов позволяет автору выделить три иерархических уровня детерминации ответственности:

1. Нормативный базис: жесткая фиксация конкретных составов правонарушений в тексте НК РФ [4;5].
2. Интерпретационный вектор: официальные разъяснения высших судебных инстанций, корректирующие общую направленность применения норм [6].
3. Эмпирический уровень: реальная практика региональных арбитражных судов, в рамках которой происходит окончательная индивидуализация мер наказания [7;8;9].

Подведение промежуточного итога первого раздела дает основания утверждать, что концептуальный фундамент налоговой ответственности в 2024–2025 гг. переживает фазу глубокой трансформации [1;2]. Постепенный отказ от сугубо репрессивного подхода в пользу механизмов восстановительного правосудия (в частности, через институт налоговой реконструкции) признается магистральным направлением, однако его практическая реализация остается фрагментарной и во многом зависит от субъективной дискреции конкретного правоприменителя [6]. Смена теоретического фокуса на прикладной анализ позволила автору систематизировать массив данных, отражающий реальное состояние защищенности субъектов в налоговых спорах [7; 8; 9]. Наиболее репрезентативным этапом работы стало системное изучение свыше 50 судебных актов Арбитражного суда Уральского округа за период 2024–2025 гг. [7; 8; 9]. В процессе исследования была верифицирована гипотеза о доминировании формально-автоматизированных методов над принципом личной ответственности [3]. Параметры измерения эффективности правовой защиты наглядно демонстрируют, что вероятность успешного оспаривания санкций напрямую коррелирует не с тяжестью проступка, а с качеством выбранной стратегии доказывания [3].

Таким образом, последовательная процедура воплощения законных притязаний на применение налоговой реконструкции, наряду с механизмом персонального подхода к определению меры ответственности, наглядно отражена на рис. 1.

Начальная стадия — идентификация правонарушения и правовая квалификация действий — предполагает первичную проверку наличия признаков отступления от норм ст. 54.1 НК РФ [4]. Анализ правоприменительной практики подтверждает, что фискальные ведомства нередко ограничиваются лишь фиксацией разрывов в цепочках

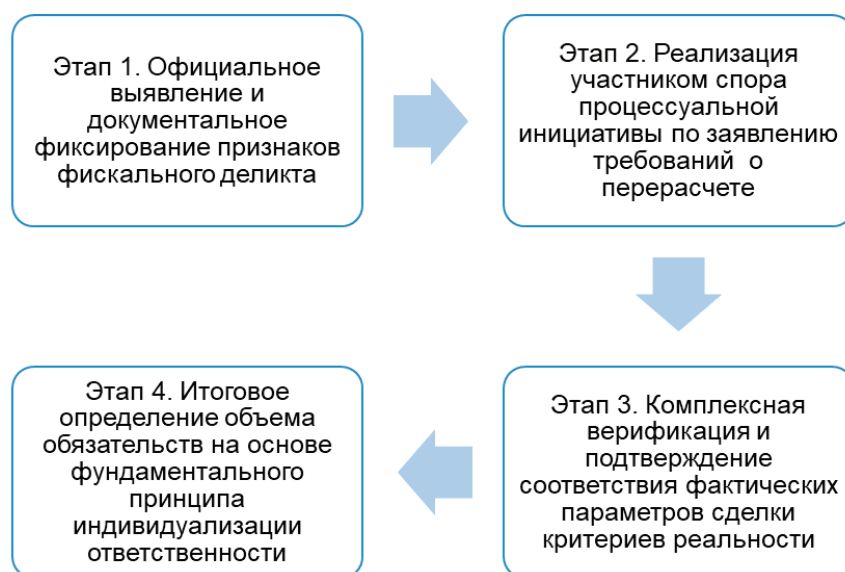

Рис 1. Структурно-логическая схема осуществления законного права на налоговую реконструкцию в рамках арбитражного судопроизводства [4; 6]

контрагентов. Тем не менее, как указывается в решениях АС Уральского округа, сам по себе факт наличия «транзитных» структур не может служить бесспорным поводом для отказа в правовой защите, если не доказано наличие прямого умысла в действиях налогоплательщика [7;9].

Вторая фаза — проявление процессуальной активности и предоставление доказательственной базы — является определяющим моментом всего разбирательства. В данной точке наиболее остро проявляется репрессивный уклон: фактически обязанность по подтверждению реальности хозяйственных операций перекладывается на плечи проверяемого лица [6]. Исследование показало, что отсутствие подготовленного пакета оправдательных документов на данном этапе в большинстве случаев предопределяет проигрыш дела [7; 8].

Третий этап — аудит параметров и исчисление реальных налоговых обязательств — направлен на запуск процедуры налоговой реконструкции для соблюдения принципа экономической обоснованности фискальных изъятий [2, с. 154]. Таким образом, основная цель здесь — предотвращение избыточного налогообложения через определение рыночного эквивалента фактически исполненных обязательств. Практика Уральского региона свидетельствует о готовности судов применять расчетный метод, если плательщиком раскрыты данные о действительных исполнителях [7;9].

Заключительная, четвертая стадия — индивидуализация наказания и учет смягчающих факторов — служит инструментом достижения соразмерности санкций согласно ст. 112 и 114 НК РФ [4]. Именно здесь происходит итоговая калибровка штрафа, однако сохраняющаяся непредсказуемость судебных решений указывает на отсутствие единого стандарта снижения взысканий [3].

Системная реализация всех фаз данного алгоритма является обязательным условием для поддержания баланса между государственным интересом и правами частных лиц [6]. Обнаруженные критические точки подтверждают необходимость закрепления данной процедуры непосредственно в тексте Налогового кодекса, что позволит огра-

ничить субъективный фактор и укрепить стабильность гражданского оборота [4].

Наблюдаемая негативная тенденция доминирования машинных алгоритмов контроля над принципом справедливости диктует необходимость перехода к жестко установленным критериям персонализации санкций [6]. Введение в научный оборот понятия «цифровой добросовестности» позволяет переосмыслить структуру налогового проступка, определяя его не только через возникновение недоимки, но и через качество транспарентности взаимодействия субъекта с государством [2].

Практическая значимость работы выражена в авторском предложении по ликвидации правовых вакуумов в статьях 112 и 114 НК РФ через внедрение механизма «динамического диапазона ответственности» [4]. Данная модель призвана ограничить волатильность судебного усмотрения, выявленную при изучении практики АС Уральского округа [7;8;9]. Суть инициативы — в установлении законодательной обязанности снижать штраф минимум вдвое при подтверждении технического характера сбоя или добровольном предоставлении сведений о реальных контрагентах в рамках реконструкции [4; 6].

Подведение итогов исследования позволяет заключить, что переход к восстановительному типу правосудия невозможен без нормативного оформления пошагового учета обстоятельств, смягчающих вину [4]. Предложенные реформы позволяют конкретизировать теорию налоговой ответственности и повысить уровень правовой определенности в практической юриспруденции.

Ключевым результатом работы стало выявление системного разрыва между цифровыми технологиями администрирования и статичными методами защиты прав граждан [6]. Подтвержденная гипотеза об обвинительном уклоне доказывает, что текущая модель ответственности склонна к объективному вменению, фактически игнорируя категорию личной вины в условиях алгоритмического надзора [3]. Реализация выдвинутых поправок обеспечит паритет между налоговым суверенитетом государства и конституционными гарантиями субъектов экономики [1; 2].

Литература:

1. Сергей Геннадьевич Пепеляев Пепеляев, С. Г. Налоговое право: учебник / С. Г. Пепеляев. — М.: Статут, 2022. — 640 с. — Текст: непосредственный.
2. Дмитрий Владимирович Винницкий Винницкий, Д. В. Налоговое право: учебник для вузов / Д. В. Винницкий. — М.: Норма, 2021. — 528 с. — Текст: непосредственный.
3. Александр Викторович Брызгалин Брызгалин, А. В. Налоговые споры: теория и практика / А. В. Брызгалин. — Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2023. — 420 с. — Текст: непосредственный.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. действующая). — Текст: непосредственный.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. действующая). — Текст: непосредственный.
6. Верховный Суд Российской Федерации Обзор судебной практики по налоговым спорам / Верховный Суд РФ. — М., 2024. — Текст: непосредственный.
7. Арбитражный суд Уральского округа Постановление по делу № А07-10968/2024 // Sudact.ru. — Текст: электронный. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/oq1ZaP6NUdWo/> (дата обращения: 14.03.2026).

8. Арбитражный суд Уральского округа Постановление по делу № А07–2887/2023 // Sudact.ru. — Текст: электронный. — URL: <https://www.v2b.ru/documents/postanovlenie-arbitrazhnogo-suda-uralskogo-okruga-ot-08-04-2024-f09-> (дата обращения: 14.03.2026).
9. Арбитражный суд Уральского округа Постановление по делу № А07–11678/2024 // Sudact.ru. — Текст: электронный. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/38845843/> (дата обращения: 14.03.2026).

Государство и предпринимательство: границы регулирования

Балабан Андрей Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты взаимодействия государства и предпринимательского сектора. Анализируются основные подходы к определению границ государственного регулирования экономики, исследуются критерии допустимого вмешательства государства в предпринимательскую деятельность. Особое внимание уделяется соотношению публичных и частных интересов, а также поиску оптимального баланса между экономической свободой и необходимостью государственного воздействия. Автором предлагается авторский подход к определению границ регулирования через призму принципа пропорциональности.

Ключевые слова: государство, предпринимательство, границы регулирования, экономическая свобода.

Вопрос о пределах допустимого вмешательства государства в экономику и предпринимательскую деятельность остается одним из наиболее дискуссионных в современной юридической и экономической науке. С одной стороны, государство призвано обеспечивать публичные интересы, защищать права потребителей, поддерживать конкуренцию и предотвращать системные риски. С другой стороны, избыточное регулирование способно парализовать предпринимательскую инициативу, создать барьеры для входа на рынок и стать источником административной ренты.

Актуальность темы обусловлена текущим этапом развития российской экономики, характеризующимся поиском новой модели взаимодействия государства и бизнеса в условиях санкционного давления, структурной трансформации и цифровизации.

Историко-теоретический анализ позволяет выделить две полярные позиции относительно роли государства в экономике. Классический либерализм (А. Смит, Д. Рикардо) настаивает на концепции «государства-ночного сторожа», ограничивая функции государства защитой прав собственности и поддержанием правопорядка [1, с. 45]. Согласно этому подходу, границы регулирования минимальны и сводятся к запрету действий, прямо нарушающих чужие права.

Противоположная позиция представлена кейнсианством и институциональной экономикой, обосновывающими необходимость активного государственного участия в перераспределении ресурсов, стимулировании спроса и корректировке рыночных провалов [2, с. 118].

В современной науке преобладает интегративный подход, согласно которому границы регулирования не являются раз и навсегда заданными, а определяются кон-

кретно-историческими условиями, типом предпринимательской деятельности и стадией экономического цикла. Так, немецкий экономист В. Ойкен в рамках ордолиберализма предложил концепцию «регулирующей рамки»: государство устанавливает правила игры, но не вмешивается в сами игровые процессы [3, с. 76]. Это предполагает четкое разграничение между формированием институциональной среды и оперативным управлением хозяйственными процессами.

При определении границ регулирования предпринимательской деятельности необходимо руководствоваться рядом критериев, выработанных как в зарубежной, так и в отечественной практике. Во-первых, это принцип законности: любое ограничение прав предпринимателей должно вводиться исключительно на основании федерального закона и соответствовать Конституции РФ. Во-вторых, принцип соразмерности (пропорциональности), закрепленный, в частности, в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Согласно этому принципу, меры государственного воздействия должны быть не только эффективными, но и наименее обременительными для субъектов предпринимательства [4, с. 22].

Существенным критерием выступает также целевая направленность регулирования. Государство вправе вмешиваться в предпринимательскую деятельность лишь для достижения общественно значимых целей: обеспечение обороны и безопасности, охрана окружающей среды, защита жизни и здоровья граждан, поддержание стабильности финансовой системы.

Особого внимания заслуживает принцип «регуляторной гильотины», реализуемый в России с 2019 года. Суть его — в массовом пересмотре и отмене устаревших, избыточных и дублирующих обязательных требований.

На практике это означает, что граница регулирования должна отодвигаться всякий раз, когда цель может быть достигнута рыночными механизмами или добровольными соглашениями [5, с. 33].

Фундаментальной дилеммой государственного регулирования предпринимательства является конфликт публичных (общегосударственных) и частных (корпоративных, индивидуальных) интересов. Абсолютизация публичного интереса приводит к огосударствлению экономики, подавлению предпринимательской инициативы и, как следствие, к дефициту и снижению качества товаров и услуг. Обратная ситуация — доминирование частных интересов — чревата игнорированием социальных и экологических последствий, монополизацией и эксплуатацией наемного труда.

Оптимальная граница регулирования, по мнению автора, лежит в точке, где частно-правовой интерес предпринимателя (получение прибыли) не вступает в неразрешимое противоречие с публичными интересами, но при этом публичные требования не подменяют собой коммерческую логику. Достижение такого равновесия возможно через механизмы саморегулирования. Саморегулируемые организации (СРО) берут на себя часть публичных функций (контроль, стандартизация, дисциплинарные процедуры) в обмен на сокращение прямого государственного надзора. Это позволяет снизить административную нагрузку при сохранении качества регулирования [6, с. 205].

Универсальные границы регулирования практически отсутствуют: степень и формы вмешательства государства варьируются в зависимости от отрасли экономики. В стратегических отраслях (оборонно-промышленный комплекс, атомная энергетика, транспортная безопасность) границы регулирования максимально жесткие, допускается прямое лицензирование, квотирование и даже государственное ценообразование. В сферах естественных

монополий (электроэнергетика, железнодорожные перевозки) регулирование носит тарифный характер.

Напротив, в инновационных и креативных секторах (ИТ, разработка ПО, дизайн и др.) границы регулирования должны быть предельно широкими, допуская экспериментальные правовые режимы (регуляторные песочницы) и отступления от общих требований [7, с. 58]. Сдерживание инноваций избыточными разрешительными процедурами недопустимо, так как замедляет технологическое развитие страны.

Для малого и среднего предпринимательства, особенно в сферах с низкими рисками (розничная торговля, бытовые услуги, общепит), границы регулирования должны быть минимизированы — вплоть до замены проверок декларированием и уведомительным порядком начала деятельности.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, границы государственного регулирования предпринимательства не являются константой — они подвижны и зависят от сочетания экономических, политических, отраслевых и социальных факторов. Во-вторых, ключевым критерием допустимости вмешательства государства является принцип пропорциональности: регуляторная мера должна быть адекватна степени общественной опасности и не выходить за рамки, необходимые для достижения легитимной цели. В-третьих, оптимальная модель предполагает смещение акцента с прямого директивного управления на косвенное регулирование (налоги, субсидии, льготное кредитование) и развитие саморегулирования. Там, где возможно применение рыночных или договорных механизмов, государственное вмешательство должно быть минимизировано.

Границы регулирования тогда эффективны, когда они известны, стабильны и соразмерны. Задача современного государства — не «дирижировать» экономикой, а создавать надежные и предсказуемые институциональные рамки для свободного, но ответственного предпринимательства.

Литература:

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Эксмо, 2016. — 1056 с.
2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Гелиос АРВ, 2018. — 352 с.
3. Ойкен В. Основы национальной экономики. — М.: Экономика, 1996. — 351 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2008 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 Закона РФ «О налоговых органах РФ»» // СЗ РФ. — 2008. — № 31. — Ст. 3763.
5. Андреева Л. В. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: проблемы и перспективы // Журнал российского права. — 2021. — № 7. — С. 28–41.
6. Лебедев В. М. Саморегулирование как способ снижения административных барьеров // Предпринимательское право. — 2020. — № 3. — С. 202–210.
7. Минин А. В. Регуляторные песочницы в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Право и экономика. — 2022. — № 5. — С. 54–66.

Основные формы и признаки современного терроризма

Бариев Али Адамович, студент магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Терроризм представляет собой одну из наиболее опасных угроз современному обществу и государству. В условиях глобализации, развития информационных технологий и нарастания социально-политической нестабильности в различных регионах мира данное явление приобретает всё более разнообразные формы.

В российском законодательстве терроризм получил нормативное закрепление. В соответствии с Федеральным законом от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [2]. Данное определение фиксирует ключевые элементы института — целенаправленное насилие, устрашение и политически мотивированное давление на властные структуры.

Среди признаков терроризма, выработанных в научной доктрине, принято выделять следующие. Во-первых, публичный характер совершаемых действий — террористический акт всегда рассчитан на широкую аудиторию, его цель состоит не только в причинении физического вреда, но и в создании устойчивого психологического эффекта устрашения. Во-вторых, наличие политического, идеологического или религиозного мотива, в отличие от общеуголовного преступления, терроризм направлен на достижение сверхличных целей. В-третьих, систематичность, который предполагает, что терроризм представляет собой практику, реализуемую в рамках определённой стратегии. В-четвёртых, неизбежность жертв либо их целенаправленный выбор в качестве символических объектов воздействия.

По мнению В. Э. Бешлыка, «современный терроризм характеризуется резко возросшей общественной опасностью и масштабностью последствий, что качественно отличает его от классических форм политического насилия прошлого» [3, С. 47]. Данная позиция представляется обоснованной: технологические возможности современных террористических группировок, а также их транснациональный характер действительно выводят угрозу на принципиально иной уровень.

Классификация форм современного терроризма позволяет более детально охарактеризовать данное правовое явление. В зависимости от целей и субъектного состава принято разграничивать следующие формы:

1. Политический терроризм направлен на дестабилизацию государственного строя, устранение политических оппонентов или принуждение органов власти к определённым решениям. Данная форма наиболее традиционна и исторически предшествует иным разновидностям.

2. Религиозный терроризм в современном мире занимает доминирующее положение среди угроз международной безопасности. 3. Б. Соктоев отмечает, что «религиозно мотивированные террористические организации отличаются высокой степенью внутренней сплочённости, строгой иерархией и готовностью к самопожертвованию, что делает их особенно устойчивыми к внешнему давлению» [4, С. 112].

3. Националистический терроризм преследует цели обособления отдельных территорий, создания самостоятельного государственного образования либо защиты интересов определённой этнической группы. Данная форма широко представлена в Европе, Азии и на постсоветском пространстве.

4. Технологический терроризм предполагает использование объектов критической инфраструктуры, химических, биологических или радиологических веществ для достижения террористических целей. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации ответственность за террористический акт, повлёкший особо тяжкие последствия, предусмотрена статьёй 205, в том числе охватывающей случаи применения оружия массового поражения [1].

5. Кибертерроризм является относительно новой, однако стремительно развивающейся формой. 3. Б. Соктоев указывает, что «атаки на государственные информационные системы, объекты энергетики и транспортной инфраструктуры способны причинить ущерб, сопоставимый с последствиями традиционного террористического акта, без непосредственного физического воздействия» [4, С. 89]. Следует согласиться с данной позицией, поскольку современная зависимость государств от цифровой инфраструктуры делает кибертерроризм угрозой первого порядка.

Отдельного внимания заслуживает международный характер современного терроризма. Террористические организации действуют одновременно на территории нескольких государств, используют международные финансовые механизмы, социальные сети для вербовки и пропаганды. Эффективное противодействие терроризму в современных условиях невозможно без координации усилий государств на международном уровне, поскольку национальные механизмы реагирования недостаточны применительно к международным угрозам. Но, необходимо учитывать, что международное сотрудничество в рассматриваемой сфере связано со значительными политическими и правовыми трудностями, препятствующими его полноценной реализации.

Особым признаком современного терроризма выступает активное использование медиапространства.

Устрашение населения достигается не только непосредственным совершением актов насилия, но и их широким освещением в средствах массовой информации и социальных сетях. Демонстрация жестокости приобрела характер инструмента информационно-психологического воздействия, что существенно усиливает общественный резонанс каждого террористического акта.

Таким образом, современный терроризм представляет собой многоаспектное явление, характеризующееся

разнообразием форм, от политического и религиозного до кибертерроризма и технологических атак, а также совокупностью устойчивых признаков: публичностью, политической мотивацией, систематичностью и международным охватом. Понимание данных форм и признаков является необходимой теоретической основой для формирования действенной системы противодействия террористическим угрозам на национальном и международном уровнях.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954.
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 28.02.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 марта 2006 г. N 11 ст. 1146.
3. Бешлык В. Э. Основы противодействия экстремизму и террористической агрессии: учебное пособие / В. Э. Бешлык, А. Г. Светланов. — М.: Инфра-Инженерия, 2024. 252 с.
4. Соктоев З. Б. Причинность и объективная сторона преступления: монография / З. Б. Соктоев. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 256 с.

Влияние реформы обязательственного права 2015 года на правовую природу обязательств

Белова Анастасия Витальевна, студент;

Корчагин Игорь Игоревич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируется влияние масштабной реформы обязательственного права России 2015 года на устоявшиеся представления о правовой природе обязательства. Авторы рассматривают спорные нововведения, внесенные в Гражданский кодекс РФ, которые, при декларируемой цели совершенствования законодательства, порождают коллизии и теоретические неопределенности. Особое внимание уделено включению в легальное определение обязательства (ст. 307 ГК РФ) указания на внесение вклада в совместную деятельность, что, по мнению ряда исследователей, нивелирует организационную природу отношений в простом товариществе. Авторы приходят к выводу, что, хотя законодатель не ставил целью изменение правовой природы обязательства, противоречивый характер реформы существенно усложняет правоприменение и создает препятствия для единообразного понимания сущности обязательственных отношений.

Ключевые слова: реформа обязательственного права, пассивные обязательства, альтернативное обязательство, кондикционные обязательства, правоприменительная практика, реституция.

В 2015 году была проведена достаточно масштабная реформа обязательственного законодательства. Изменения коснулись почти всего, от самой конструкции обязательства до оснований прекращения гражданско-правового договора [1]. Подобные изменения были внесены в соответствии с концепцией совершенствования общих положений обязательственного права России и обусловлены необходимостью более тщательной регламентации отдельных вопросов. К таким, в частности, относятся: вопрос о порядке применения общих положений об обязательстве при их субсидиарном применении; неполнота норм, определяющих понятие и стороны обязательства; отсутствие разграничения договорных и внедоговорных обязательств [2]. Таким количеством изменений

трудно не задеть положения о правовой природе обязательства, а точнее те самые указания и косвенные ссылки на ее составляющие.

Первое на что хочется обратить внимание — это добавление внесения вклада в совместную деятельность в качестве активного действия составляющего обязательства (ст. 307 ГК РФ) [3]. Подобное нововведение вводит в заблуждения по поводу соотношения обязательств и отношений вкладчиков в товариществе. Поскольку обязанность соединения вкладов для осуществления совместной деятельности (п. 1 ст. 1041 ГК РФ) не тождественна тому, что в п. 1 ст. 307 ГК РФ называется «обязано совершить в пользу другого лица определенное действие». Следовательно, по мнению С. К. Соломина, внесение вклада в про-

стое товарищество недопустимо рассматривать через призму гражданско-правового обязательства [4]. Такая позиция не лишена смысла. Однако внесение вклада в совместную деятельность всё же стоит рассматривать в качестве обязательства, поскольку это обеспечивает гражданский оборот перемещения материальных благ. Это четко прослеживается в 55 главе ГК, где раскрывается обязательственная сущность отношений товарищей по внесению вкладов. Вопросы скорее вызывает то, что подобная формулировка закреплена в разделе о понятии обязательства. Отношения вкладчиков в простом товариществе имеют не только обязательственную природу, но и организационную. Указание на это должно содержаться и раскрываться в специальных нормах о простом товариществе, то есть в 55 главе ГК. А указание на них в ст. 307 ГК может вводить в заблуждение об исключительно обязательственной природе отношений между вкладчиками, и приводить к игнорированию организационного характера их деятельности.

Была поставлена под сомнение такая важная характеристика обязательств как правоотношений динамики. В положениях об альтернативном обязательстве (п. 1 ст. 308.1, п. 1 ст. 320 ГК РФ) и положениях об обязанности должника возместить убытки (п. 6 ст. 393 ГК РФ) теперь закреплена идея сведения смысла обязательства только к воздержанию от совершения определенных действий и попытка их регулировать в отрыве от активных действий должника. В доктрине неоднократно отмечалось, что такие «пассивные» обязательства не могут существовать сами по себе, они всегда зависят от каких-либо активных действий должника. В противном случае обязательства утратят свойство имущественных отношений динамики. Например, хранитель вещи обязан не пользоваться хранимой вещью наряду с обязанностью хранить вещь. То есть, существование пассивных обязательств всегда обусловлено существованием в них какого-то активного действия, в отрыве от которых они существовать не могут [5]. Потому попытки вынести этот вид обязательств под самостоятельное регулирование порождает немало вопросов и представляется весьма непростым препятствием для правоприменителя.

В связи с реформой обязательственного законодательства, пункт 2 ст. 307.1 ГК РФ стал содержать указание на то, что подраздел 1 раздела 3 ГК РФ применяется к обязательствам вследствие причинения вреда и к обязательствам вследствие неосновательного обогащения, если иное не предусмотрено правилами глав 59 и 60 ГК РФ и не вытекает из существа соответствующих отношений. Пункт 3 же настоящей статьи говорит об особенностях применения общих положений об обязательствах к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделки. Подобные положения ставят под сомнение гражданско-правовую природу отдельных видов, в частности кондикционных, обязательств. На сегодняшний день в доктрине сложилась достаточно распространенная точка зрения касемо правовой природы

реституционных требований. В доктрине ведутся споры о том, имеют ли реституционные требования обязательственную природу. Однако в настоящее время активно доказываем, что реституционное обязательство охватывается единым понятием именно кондикционного обязательства [6]. Следовательно, учет разной правовой регламентации одних и тех же отношений приводит к вопросам о целесообразности таких нововведений и ставит под сомнение обязательственную природу отдельных явлений.

Также достаточно спорным нововведением являются положения ст. 308.3 ГК РФ, которые касаются возможности принуждения должника к исполнению обязательства в натуре. Возможно, таким образом, законодатель дает свой ответ на дискуссию в доктрине об отнесении обязанности исполнить обязательство в натуре к гражданско-правовой ответственности. В таком случае должны были утратить силу нормы ст. 396–398 ГК РФ, регулирующие аналогичные отношения. Однако этого не произошло, и встает вопрос не только о целесообразности введения новой аналогичной нормы, но и ее соответствие правовой природе обязательств. Как отмечал С. К. Соломин, допустить существование п. 1 ст. 308.3 ГК РФ — значит допустить ситуацию, при которой неисправный должник добровольно предлагает кредитору возместить убытки в полном объеме, однако последний, отказавшись от принятия такого возмещения, обращается в суд с требованием исполнения обязательства в натуре. Суд удовлетворяет данное требование, несмотря на желание должника возместить кредитору все понесенные им убытки. Более того, суд присуждает штраф в пользу кредитора на случай неисполнения судебного акта. Кредитор, зная о том, что должник откажется от исполнения обязательства в натуре, каждый раз будет рассчитывать на получение штрафа. Автор считает, что подобная ситуация представляется абсурдной и делает вывод, что эти нормы ст. 308.3 ГК РФ, как и многие другие нормы данной реформы, являются мертворожденными и не найдут своего закрепления в практике правоприменения. Такая позиция еще один наглядный пример заблуждения, вызванный отсутствием надлежащей регламентации соответствующих положений. При этом стоит отметить, что Верховный Суд дал свой ответ на описанную автором ситуацию в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». Так, согласно п.23 настоящего акта, по смыслу пункта 1 статьи 308.3 ГК РФ, кредитор не вправе требовать по суду от должника исполнения обязательства в натуре, если осуществление такого исполнения объективно невозможно, в частности, в случае гибели индивидуально-определенной вещи, которую должник был обязан передать кредитору, либо правомерного принятия органом государственной власти или органом местного самоуправления акта, которому будет противоречить такое исполнение

обязательства [7]. То, что Верховный Суд дал разъяснения по применению отдельных положений реформы, отнюдь не делает ее удачной. До официального толкования, которое было дано спустя 6 лет, несовершенство нормы могло создавать трудности в уяснении его истинного содержания и порождать проблемы для правоприменителя.

Реформа 2015 содержит немало спорных положений и в отношении других институтов обязательства, не связанных с его правовой природой. При этом вряд ли законодатель ставил своей целью создать такого рода коллизии и пробелы, а уж тем более покушаться на изменение правовой природы обязательств. Поскольку законода-

тель стремится к улучшению механизма правового регулирования, он принимает меры по закреплению и учету ссылок на важнейшие признаки обязательства, которые помогают в понимании правовой природы обязательства. Однако введением подобных положений законодатель обесценивает львиную долю своих усилий по учету основных признаков обязательств и косвенных ссылок на его правовую природу. Вводя совершенно противоречивые изменения, которые вводят в заблуждение, он собственноручно усложняет задачу понимания правовой природы обязательства и применения соответствующих положений правоприменителем.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс.
2. Концепция реформирования общей части обязательственного права. // [Электронный ресурс] // URL: <http://www.privlaw.ru/sovet-po-kodifkacii-conceptions> (дата обращения: 28.04.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс.
4. Соломин С. К. Новеллы обязательственного права: постановка некоторых вопросов. // Закон, 2015. № 9. С. 142.
5. Белов В. А. Обязательственное право: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. — М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 56
6. Соломина Н.Г. Обязательство из неосновательного обогащения: понятие, виды, механизм возмещения. — М., 2009. С. 147–171.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». // СПС КонсультантПлюс.

Соотношение правовой природы со смежными категориями

Белова Анастасия Витальевна, студент;

Корчагин Игорь Игоревич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье анализируется проблема соотношения категории «правовая природа» со смежными правовыми понятиями в условиях отсутствия единого доктринального подхода к ее пониманию. Авторы последовательно проводят разграничение правовой природы и таких смежных категорий, как правовой режим, правовая характеристика явления, правовой корень и правовая сущность. На основе анализа различных доктринальных позиций делается вывод о том, что правовой режим направлен на определение способов правового воздействия на явление, тогда как правовая природа — на выявление его места в системе права через совокупность сущностных признаков. В заключении обосновывается необходимость четкого терминологического разграничения для обеспечения полноценной юридической терминосистемы и правоприменительной практики.

Ключевые слова: правовая природа, соотношений понятий, юридическая терминосистема, правовая сущность.

Поскольку в отечественной правовой доктрине нет единого подхода к пониманию правовой природы, особенно остро встает вопрос о ее соотношении со смежными категориями. Под смежными понимаются наиболее близкие по содержанию правовой природе категории. Категории, с которыми, не вооруженным глазом, можно ошибочно отождествлять правовую природу. Если уж некоторые видные юристы отождествляют правовую при-

роду с этими самыми смежными категориями, то, что уж говорить про понимание этой темы обывателем или студентом.

Одной из таких смежных категорий считается правовой режим. Эта «смежность» проявляется в том, что при определении места явления в системе права мы определяем не столько его правовую природу, сколько его правовой режим. Само понятие «правовой режим» точно так

же можно рассматривать по-разному. Одни авторы понимают правовой режим как глубокое содержательное правовое явление, связывающее воедино целостный комплекс правовых средств в соответствии со способами его правового регулирования [1]. Другие указывают, что правовой режим — это объективно существующее правовое воздействие на конкретное явление, определяющее правовое значение данного явления в типичной для него правовой сфере [2]. Так или иначе, правовой режим связан, прежде всего, с определением правового регулирования через определение его места в правовой системе. Разграничение понятий «правовой режим» и «правовая природа» должно осуществляться по целям их определения. Правовой режим определяется с целью выявления способов правового воздействия на явление, в то время как правовая природа определяется с целью выявить его место в системе права с учетом его существенных, фундаментальных и неотъемлемых признаков [3].

Другая категория, которую необходимо отличать от правовой природы — это правовая характеристика явления. По своему содержанию правовая характеристика явления представляет собой процесс описания основных отличительных признаков юридического явления. Посредством правовой характеристики также определяются и фундаментальные, первоначальные признаки правового явления, его место в системе права [4]. Однако, в отличие от правовой природы, характеристика представляет собой только процесс описания и не претендует на заключение каких-либо выводов о природе явления. То есть посредством правовой характеристики определяются признаки, существенные черты явлений, на которые опирается правоприменитель при определении правовой природы или того же правового режима явления. Эти категории взаимосвязаны между собой, но они остаются самостоятельными и не поглощаются друг другом. Правовая характеристика служит своего рода инструментом для определения существенных признаков, составляющих правовую природу обязательства. Однако мы не можем говорить об интеграции правовой характеристики в правовую природу, поскольку посредством правовой характеристики определяется множество других правовых категорий, в частности правовой режим.

Следующая категория очень тесно связана с непосредственно определением правовой природой. Этой категорией является «правовой корень» явления. Связь эта проявляется в выявлении первоначальных, неотъемлемых признаках правового явления при определении правовой

природы. Совокупность этих «первородных» признаков как раз и образуют правовой корень явления [5]. Однако, правовая природа подразумевает, прежде всего, определение места правового явления в системе права с учетом признаков, образующих правовой корень явления. Таким образом, можно утверждать, что при определении правовой природы явления мы вынуждены опираться на его правовой корень, но не должны их отождествлять.

Самым неоднозначным является разграничение «правовой природы» явления с его «правовой сущностью». С. В. Малюгин вообще не видит разницы между данными понятиями и отождествляет их [6]. Справедливое разграничение этих понятий проводит Н. П. Асланян. Он утверждает, что поскольку юридическая наука признает эти понятия терминами, то их содержание не должно совпадать. По мнению ученого, термины «правовая природа» и «правовая сущность» не тождественны: «Терминологический «разнобой» становится сегодня препятствием для формирования полноценной юридической терминосистемы. Полагаем, что термины «природа» и «сущность» в правоведении не должны отождествляться не только потому, что называют различные свойства правовых явлений, но и исходя из системных требований» [7]. Автор приходит к выводу, что в отличие от сущности термин «правовая природа» указывает на характеристики юридического явления, которые это явление имело в момент своего возникновения, то есть «сущность при рождении» [8]. Подобное разграничение действительно формирует представление основных различий между данными категориями, но фактически отождествляет правовую природу с правовым корнем. Подобное заблуждение не стоит оставлять без внимания, поскольку правовая природа есть не что иное, как специфичные отличительные признаки правового явления, позволяющие определить его место в системе права и отграничить от иных правовых явлений, с учетом и во взаимосвязи с его первоначальными, фундаментальными характеристиками. Следовательно, справедливым будет вывод, что правовая природа явления находится в тесной взаимосвязи и взаимозависимости с его правовой сущностью.

Возвращаясь к вопросу о самостоятельности категории «правовая природа», на примере вышеизложенных разграничений можно смело утверждать, что правовая природа — это отдельная самостоятельная правовая категория, которая в свою очередь находится в тесной взаимосвязи с вышеперечисленными категориями.

Литература:

1. Алексеев С. С. Теория права. — М.: БЕК, 1994. С. 172.
2. Сенчищев В. И. Объект гражданского правоотношения. // Актуальные проблемы гражданского права, 1999. С. 140.
3. Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб.-метод. пособие. 4-е изд. — М.: Юрист, 2002. С. 265.
4. Степанов Д. И. Правовая природа устава юридического лица. // [Электронный ресурс] // URL: <http://www.profgara.ru/stati/stat1.htm> (дата обращения: 29.04.2026).
5. Цыпленкова А. В. Правовая природа договоров присоединения. // Юридический мир, 2002. № 4. С. 38–48.

6. Малюгин С. В. Категория «правовая природа»: понятия, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению. // Российский юридический журнал, 2016. № 3. С. 46–58.
7. Асланян Н. П., Новикова Т. В. Об интерпретации термина «правовая природа». // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2018. Т. 9. № 4. С. 17.
8. Асланян Н. П., Новикова Т. В. Прологомены к интерпретации термина «правовая природа». // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2017. Т. 8. № 4. С. 28.

Использование БПЛА (дронов) как способ совершения воинских преступлений: уголовно-правовая оценка

Белозерцева Мария Витальевна, студент;
Ужиков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент;
Токарев Александр Владимирович, студент магистратуры
Астраханский государственный технический университет

В статье анализируются уголовно-правовые аспекты использования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА, дронов) в качестве средства совершения воинских преступлений. На основе норм УК РФ, международного гуманитарного права, судебной практики рассматриваются квалификация действий операторов дронов и командиров по ст. 356 УК РФ (применение запрещённых средств и методов ведения войны), ст. 359 УК РФ (наёмничество), а также воинских преступлений (глава 33 УК РФ), проблемы ответственности за исполнение заведомо преступного приказа, а также ограничение от смежных составов. Обосновывается необходимость совершенствования уголовного законодательства в части введения специальных составов, учитывающих специфику роботизированных средств поражения.

Ключевые слова: БПЛА, дроны, воинские преступления, применение запрещённых средств и методов ведения войны, ст. 356 УК РФ, уголовная ответственность, международное гуманитарное право.

Современные вооружённые конфликты характеризуются широким применением беспилотных летательных аппаратов (БПЛА, дронов) для разведки, корректировки огня, нанесения ударов и доставки боеприпасов. При этом использование дронов как в военных, так и в гибридных конфликтах порождает новые вызовы для уголовного права: как квалифицировать действия оператора дрона, если они нарушают методы ведения войны? Является ли применение дрона «способом совершения преступления» и какие составы воинских преступлений могут быть инкриминированы? Данные вопросы приобретают особую актуальность в свете событий на Украине, в Нагорном Карабахе, а также в связи с ростом террористических атак с использованием коммерческих дронов.

В российском уголовном праве воинские преступления выделены в главу 33 УК РФ (ст. 331–352). Однако нормы, непосредственно регулирующие ответственность за применение беспилотных систем, отсутствуют. Ключевым составом, который может быть применён к незаконному использованию БПЛА в условиях вооружённого конфликта, является ст. 356 УК РФ «Применение запрещённых средств и методов ведения войны». Часть 1 этой статьи устанавливает ответственность за жестокое обращение с ранеными, больными, медицинским персоналом, а также за применение запрещённых средств и методов. Применительно к дронам возможны два варианта: если дрон используется для неизбирательных ударов по гражданским объектам или гражданскому населению, либо

если сам дрон как орудие признаётся запрещённым средством (например, дроны, снаряжённые химическим или биологическим оружием).

Однако проблема заключается в том, что большинство ударных дронов (например, «Байрактар», «Ланцет») не являются запрещёнными международным правом средствами ведения войны. Запрещены лишь те, которые по своим последствиям не могут проводить различия между гражданскими и военными объектами или причиняют излишние страдания. Следовательно, уголовная ответственность наступает не за сам факт использования дрона, а за способ его применения: нанесение ударов по заведомо гражданским объектам (больницы, школы, жилые кварталы), неизбирательные атаки, использование дронов в качестве ложных целей для отвлечения средств ПВО от гражданских объектов.

Особый интерес для правоприменительной практики и научной дискуссии представляют два взаимосвязанных вопроса, ответы на которые позволяют понять пределы ответственности за военные преступления с использованием БПЛА.

Первый вопрос касается ответственности оператора дрона, действовавшего по приказу. Является ли такой оператор военным преступником или он выступает лишь «инструментом» в руках командира? Позиция судов по этому вопросу сформулирована Верховным Судом РФ в проекте постановления Пленума от 18.05.2023 г. № 11 «О практике рассмотрения дел о преступлениях против

военной службы». Суд разъяснил, что если военный выполняет приказ начальника, предписывающий ему совершить заведомо для него уголовно наказуемые действия (то есть при осознании их явной преступности), он подлежит уголовной ответственности на общих основаниях. В этом случае действия командира, отдавшего такой приказ, квалифицируются как подстрекательство к совершению преступления или организация преступления со ссылкой на ч. 3 или 4 ст. 33 УК РФ. В то же время, если подчинённый не осознавал и по обстоятельствам дела не мог осознавать незаконность выполненного им приказа, он не подлежит уголовной ответственности, а командир несёт ответственность как исполнитель преступления. Этот правовой подход напрямую применим к операторам БПЛА, которые могут получать приказы на поражение целей, не имея полной информации о характере этих целей.

Второй вопрос касается квалификации атаки дрона на военный госпиталь, имеющий отличительные знаки Красного Креста. В соответствии с международным гуманитарным правом больницы и все объекты, отмеченные эмблемой Красного Креста, ни при каких обстоятельствах не могут быть использованы в военных целях, а нападение на них грубо нарушает методы ведения войны. Согласно разъяснениям, преднамеренное нанесение ударов по полевым медицинским учреждениям противника охватывается объективной стороной состава преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ. Важно отметить, что вероломное использование отличительной эмблемы Красного Креста также является военным преступлением и может квалифицироваться по той же статье. Таким образом, атака на медицинское учреждение, совершённая с использованием БПЛА, при условии, что госпиталь имел надлежащую защитную маркировку и не использовался для совершения враждебных действий, подлежит квалификации по ч. 1 ст. 356 УК РФ как военное преступление.

Эти правовые позиции находят подтверждение в реальных судебных делах. По международному гуманитарному праву боевое применение БПЛА допустимо только в отношении законных военных объектов: вооружённых сил противника, военной инфраструктуры, командных пунктов, складов боеприпасов, объектов двойного назначения при условии соблюдения принципов различия и пропорциональности. Абсолютно запрещены атаки на гражданское население, жилые дома, больницы, школы, культовые сооружения и объекты, необходимые для выживания населения. Так, Второй Западный окружной военный суд приговорил к пожизненному заключению командира взвода аэроразведки и корректировки дронов Вооружённых сил Украины Романа Бойко. Суд установил, что по его приказу БПЛА сбросили взрывные устройства на автомобили пытавшихся эвакуироваться из зоны боевых действий мирных жителей. В результате два человека погибли, ещё десять, включая двух несовершеннолетних, были тяжело травмированы. Осуждённый был

признан виновным по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ (террористический акт). В другом деле Главное военное следственное управление СК РФ заочно предъявило обвинение оператору БПЛА украинских вооружённых формирований Геннадию Третьякову, который, находясь на территории Украины, произвёл запуск БПЛА FPV DJI Mavic 3E и осуществил сброс боеприпаса в Брянской области, в результате чего погиб мужчина. Ему инкриминируется совершение террористического акта (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ). Также рассматривается уголовное дело о серии диверсий с использованием беспилотников на железнодорожной инфраструктуре в приграничных регионах России, где фигурантами являются граждане России, вступившие, по версии следствия, в организованную преступную группу для подрыва стабильности в работе органов власти и транспортной системы.

Приведённые примеры показывают, что в настоящее время суды и следственные органы при квалификации преступлений с использованием БПЛА, совершённых в условиях вооружённого конфликта, часто применяют не воинские составы (ст. 356 УК РФ), а террористический акт (ст. 205 УК РФ) или диверсию (ст. 281 УК РФ). Это связано с отсутствием специальных норм и сложностью доказывания военно-учётных признаков. Однако такой подход не всегда соответствует международно-правовым обязательствам России, и в научной литературе обоснованно предлагается дополнить главу 33 УК РФ самостоятельной статьёй об ответственности за применение беспилотных летательных аппаратов в нарушение законов и обычаев войны.

На основании проведённого анализа можно предложить следующие рекомендации по совершенствованию законодательства. Целесообразно дополнить главу 33 УК РФ специальной статьёй «Применение беспилотных летательных аппаратов в нарушение законов и обычаев войны» либо дать разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о квалификации таких деяний по существующим нормам. Также требуется уточнить, что дистанционное управление оружием не освобождает от ответственности, а, напротив, требует повышенной осмотрительности.

Использование БПЛА как способ совершения воинских преступлений представляет собой новую и малоисследованную область уголовного права. Действующие нормы (в первую очередь ст. 356 УК РФ) в целом позволяют привлекать к ответственности лиц, применяющих дроны неизбирательно или по гражданским объектам. Однако отсутствие специальных составов, учитывающих особенности роботизированных систем, создаёт риски квалификационных ошибок. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства и судебной практики, а также активное использование международного гуманитарного права, которое уже содержит принципы различия, пропорциональности и предосторожности применительно к любым средствам ведения войны, включая дроны.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12.08.1949 // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. — Москва: Юридическая литература, 1990. — С. 98–135.
3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов (Протокол I) от 08.06.1977 // Международное гуманитарное право: документы. — Москва: МККК, 2003.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 7.
5. Приговор Второго Западного окружного военного суда от 15.11.2024 по делу № 2–10/2024 (в отношении Романа Бойко) // Архив Второго Западного окружного военного суда.
6. Материалы Главного военного следственного управления Следственного комитета РФ от 10.02.2025 о привлечении к уголовной ответственности оператора БПЛА Геннадия Третьякова // Официальный сайт Следственного комитета РФ. — URL: <https://sledcom.ru>.
7. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В. С. Комиссарова. — Москва: Статут, 2021. — 720 с.
8. Кибальник А. Г. Воинские преступления: научно-практический комментарий / А. Г. Кибальник. — Ставрополь: Сервисшкола, 2019. — 128 с.
9. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовые проблемы применения беспилотных летательных аппаратов в вооружённых конфликтах / Г. Н. Борзенков // Военно-юридический журнал. — 2023. — № 4. — С. 24–29.
10. Международное гуманитарное право: учебник / отв. ред. А. Я. Капустин. — Москва: Юрайт, 2022. — 415 с.

Правовое регулирование фриланса: где граница между трудовым и гражданско-правовым договором

Белоусова Екатерина Андреевна, студент;

Неверович Мария Сергеевна, студент

Научный руководитель: Замрыга Дарья Викторовна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье проводится комплексный анализ правового регулирования фриланса в Российской Федерации в контексте разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений. Исследуются положения трудового и гражданского законодательства, включая нормы о дистанционной работе и договорных конструкциях, применяемых при оформлении деятельности фрилансеров. Особое внимание уделяется существующим доктринальным подходам к определению правовой природы фриланса, среди которых выделяются его трактовка как гражданско-правового явления, как скрытых трудовых отношений, а также как самостоятельной гибридной формы занятости. В работе формулируется авторская позиция, согласно которой фриланс представляет собой особую форму занятости, требующую совершенствования нормативного регулирования, и предлагаются конкретные направления развития законодательства, направленные на повышение правовой определённости и обеспечение баланса интересов сторон.

Ключевые слова: фриланс, трудовые отношения, гражданско-правовой договор, дистанционная работа, самозанятость, экономическая зависимость, правовое регулирование.

Современный рынок труда претерпевает существенные трансформации, обусловленные цифровизацией экономики, развитием удалённых форм занятости и распространением платформенных моделей взаимодействия между заказчиками и исполнителями. Одним из наиболее ярких проявлений данных процессов выступает феномен фриланса, который в последние годы получил широкое распространение как в России, так и за рубежом.

Несмотря на значительное практическое значение, фриланс до настоящего времени не получил чёткого нормативного закрепления в российском законодательстве. Более того, как отмечают правоведы, «институт инновационной занятости недостаточно исследован и в юридической литературе» [4, 99]. Отсутствие легального определения и специального правового режима приводит к тому, что отношения, складывающиеся между фрилансерами и заказчиками, оформляются либо посредством

трудовых договоров, либо через гражданско-правовые конструкции, прежде всего договоры подряда и оказания услуг. Это, в свою очередь, порождает проблему разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений, а также создает риски подмены трудовых договоров гражданско-правовыми с целью обхода установленных трудовым законодательством гарантий.

Действующее российское законодательство не содержит специального правового института, посвящённого фрилансу. Регулирование соответствующих отношений осуществляется фрагментарно, посредством норм трудового и гражданского права, а также отдельных специальных режимов. В доктрине отмечают, что «до 2020 года, феномен удаленной работы был вне поля правового регулирования, природа, в силу развития российского законодательства, регулировалась лишь гражданско-правовым договором, чаще всего, об оказании услуг или на основе доверенностей, фиксирующих общие понятия данного вида деятельности, чаще всего носящие временный характер. Однако на данный момент законодатель установил, что основные условия работы сотрудников, трудящихся удалено, работодатель вправе прописать в трудовом договоре, дополнительном соглашении к нему, коллективном договоре, либо в локальном нормативном акте соответствующей организации» [5, 26].

Прежде всего, следует обратиться к положениям Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ). В соответствии со статьями 15 и 56 ТК РФ трудовые отношения характеризуются выполнением работником трудовой функции за плату, подчинением правилам внутреннего трудового распорядка, а также обеспечением работодателем условий труда [2]. Указанные признаки традиционно используются для разграничения трудовых и иных видов правоотношений. Особое значение в контексте рассматриваемой темы имеет глава 49.1 ТК РФ, регулирующая труд дистанционных работников. Законодатель закрепил возможность выполнения трудовой функции вне места нахождения работодателя с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Однако дистанционная работа не тождественна фрилансу, поскольку сохраняет все ключевые признаки трудовых отношений, включая организационное подчинение и включённость работника в структуру работодателя.

С другой стороны, значительная часть отношений с участием фрилансеров оформляется посредством гражданско-правовых договоров, прежде всего договоров подряда и возмездного оказания услуг. В рамках данных конструкций акцент делается на результате работы, а не на процессе её выполнения, отсутствует подчинение исполнителя заказчику, а стороны признаются юридически равными и самостоятельными.

Дополнительное значение имеет введение специального налогового режима для самозанятых граждан (налог на профессиональный доход), который фактически легализует часть фриланс-деятельности. Однако данный режим носит преимущественно фискальный характер

и не решает проблему определения правовой природы соответствующих отношений.

Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» также не содержит прямого регулирования фриланса, что подтверждает вывод о фрагментарности и несистемности действующего правового регулирования [1].

В юридической науке отсутствует единый подход к определению правовой природы фриланса, что обусловлено межотраслевым характером данного явления.

Согласно первой позиции, фриланс следует рассматривать как разновидность гражданско-правовых отношений. Сторонники данного подхода исходят из того, что фрилансер действует самостоятельно, организует свою деятельность по собственному усмотрению, не подчиняется внутренним правилам заказчика и несёт риск своей деятельности. Так, например, Ботвина А. В. отмечает, что «отношения, возникающие при выполнении работ через цифровые платформы, по своей правовой природе являются гражданско-правовыми» [3, 141]. Аналогичная логика прослеживается и в более широких работах о фрилансе как форме самозанятости. Например, Рассадина Д. С., анализируя феномен фриланса, подчёркивает его ключевые признаки: «самостоятельность, отсутствие включённости в штат, реализация услуг на рынке для различных заказчиков» [7, 200].

В рамках второго подхода фриланс трактуется как форма скрытых трудовых отношений. Указывается, что на практике заказчики нередко используют гражданско-правовые договоры для маскировки фактически существующих трудовых отношений с целью уклонения от предоставления работникам социальных гарантий. В научных работах, посвящённых цифровой экономике, подчёркивается, что новые формы занятости сопровождаются появлением «замаскированных трудовых отношений» и зависимой самозанятости. Исследователи отмечают, что «формальное отсутствие трудового договора не исключает наличия его фактических признаков: экономическая зависимость работника; регулярное выполнение функций; контроль со стороны заказчика (в том числе цифровой)» [8, 92]. При этом фрилансеры могут быть экономически зависимы от одного заказчика, выполнять работу лично и регулярно, а также находиться под фактическим контролем.

Третья позиция носит компромиссный характер и предполагает выделение промежуточной категории — так называемых «зависимых исполнителей». Данный подход активно развивается в зарубежных правовых системах и основывается на признании того, что классическое деление на трудовые и гражданско-правовые отношения не отражает всего многообразия современных форм занятости. Так, Лапидус Л. В. и Полякова Ю. М. вводят концепцию «гигномики», в рамках которой «традиционные долгосрочные трудовые отношения заменяются краткосрочными контрактами, формируется новая модель занятости, не охватываемая действующим правом» [6, 70–73].

Дополнительно авторы отмечают, что фрилансеры являются частью самозанятого населения, но при этом могут демонстрировать признаки экономической зависимости.

Ключевой проблемой правового регулирования фриланса является определение границы между трудовыми и гражданско-правовыми отношениями. От правильной квалификации зависит объём прав и обязанностей сторон, включая предоставление социальных гарантий, уплату страховых взносов и ответственность.

Традиционно в качестве основного критерия трудовых отношений рассматривается наличие организационного подчинения работника работодателю. Работник включается в производственную структуру организации, выполняет трудовую функцию в соответствии с установленным режимом и под контролем работодателя. В гражданско-правовых отношениях, напротив, исполнитель сохраняет автономию, самостоятельно определяет способы выполнения задания и отвечает за достижение результата.

Однако в условиях развития цифровой экономики данные критерии утрачивают однозначность. Фрилансеры могут формально оставаться независимыми, но при этом фактически находиться в зависимости от заказчика, особенно если получают основной доход от одного лица, выполняют задания на постоянной основе и используют инфраструктуру заказчика.

Сложности вызывает и оценка такого признака, как контроль. В современных условиях контроль может осуществляться посредством цифровых платформ, алгоритмов и систем мониторинга, что не всегда очевидно с точки зрения классических правовых критериев.

Судебная практика по делам о переквалификации гражданско-правовых договоров в трудовые носит казуистический характер и основывается на совокупности обстоятельств, что снижает уровень правовой определённости.

В этой связи представляется обоснованным вывод о том, что фриланс не может быть однозначно отнесён ни к трудовым, ни к гражданско-правовым отношениям. Он представляет собой особую форму занятости, которая может опосредоваться различными правовыми конструкциями в зависимости от фактических условий взаимодействия сторон.

Исходя из проведённого анализа, представляется целесообразным сформулировать авторское определение фриланса. Под фрилансом предлагается понимать «форму самостоятельной, как правило дистанционной, профессиональной деятельности, осуществляемой вне штата организации и характеризующейся вариативной степенью экономической зависимости от заказчика». Ключевой особенностью фриланса является сочетание элементов само-

стоятельности и зависимости, что не позволяет в полной мере применять к нему традиционные правовые модели.

В целях совершенствования правового регулирования представляется необходимым:

Во-первых, уточнить критерии разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений на уровне Трудового кодекса РФ, закрепив дополнительные признаки, такие как экономическая зависимость, регулярность взаимодействия с одним заказчиком и наличие цифрового контроля.

Во-вторых, рассмотреть возможность введения в российское законодательство категории «зависимого исполнителя», которая позволила бы распространить на фрилансеров отдельные трудовые гарантии без полного отнесения их к категории работников.

В-третьих, установить презумпцию наличия трудовых отношений при наличии совокупности определённых признаков, что повысит уровень защиты прав исполнителей и снизит практику злоупотреблений со стороны заказчиков.

В-четвёртых, обеспечить системное согласование трудового законодательства с налоговыми режимами, применяемыми к самозанятым гражданам, с целью устранения противоречий и повышения прозрачности правового регулирования.

Реализация указанных мер позволит создать более гибкую и справедливую модель регулирования фриланса, учитывающую интересы как исполнителей, так и заказчиков.

Проведённое исследование позволяет сформулировать вывод, что фриланс является объективным результатом развития современной экономики и отражает тенденцию к гибкости и децентрализации трудовых отношений. Вместе с тем отсутствие его чёткого правового регулирования в Российской Федерации приводит к возникновению значительных правовых рисков, связанных с неопределённостью статуса фрилансеров и возможностью подмены трудовых отношений гражданско-правовыми.

Действующее трудовое законодательство носит фрагментарный характер и не учитывает специфику рассматриваемого явления. Доктринальные подходы к определению правовой природы фриланса также остаются неоднородными. В этих условиях особое значение приобретает разработка новых правовых механизмов, направленных на более точное разграничение видов правоотношений и обеспечение баланса интересов сторон. Предложенные нами меры могут стать основой для дальнейшего развития законодательства и формирования эффективной модели регулирования фриланса в Российской Федерации.

Литература:

1. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 51. — ст. 9138.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (Часть I). — ст. 3.

3. Ботвина, А. В. Правовая природа работы через онлайн-платформы как формы нетипичной занятости / А. В. Ботвина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 6–2. — С. 138–142.
4. Гасанова, Д. П. Правовое регулирование инновационной занятости в Российской Федерации / Д. П. Гасанова // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. — 2018. — № 10. — С. 98–104.
5. Зимакова, М. А. Социальные аспекты феномена удаленной работы в современных реалиях / М. А. Зимакова // Universum: экономика и юриспруденция. — 2022. — № 9 (96). — С. 25–27.
6. Лапидус, Л. В. Гигономика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга / Л. В. Лапидус, Ю. М. Полякова // Вестник института экономики РАН. — 2018. — № 6. — С. 69–76.
7. Рассадина, Д. С. Фриланс как вид трудовой деятельности в цифровом обществе / Д. С. Рассадина // Власть. — 2021. — № 5. — С. 195–201.
8. Ячменева, В. М. Становление трудовых отношений в цифровой экономике: реалии и перспективы / В. М. Ячменева, Е. Ф. Ячменев // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. — 2020. — № 4 (53). — С. 87–94.

Особенности вещественных доказательств в гражданском процессе

Белоусова Екатерина Андреевна, студент;

Неверович Мария Сергеевна, студент

Научный руководитель: Томилов Александр Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье исследуются особенности вещественных доказательств в гражданском процессе Российской Федерации с учётом современного состояния нормативного регулирования, доктринальных подходов и судебной практики. Особое внимание уделяется анализу статьи 73 ГПК РФ, выявлению её концептуальных недостатков и ограничений, связанных с использованием категории «предмет» в условиях цифровизации доказательственной деятельности. Рассматриваются различные научные позиции относительно сущности вещественных доказательств, включая расширительное толкование их как носителей информации, а также проблема квалификации фотографий и иных цифровых объектов. В результате формулируется авторская позиция, основанная на функциональном подходе к определению вещественных доказательств через способ восприятия информации судом. Предлагаются конкретные изменения в законодательство, направленные на уточнение правового регулирования и адаптацию института доказательств к современным условиям.

Ключевые слова: вещественные доказательства; гражданский процесс; доказывание; цифровые доказательства; судебная практика.

Институт доказательств занимает центральное место в гражданском процессе, поскольку именно через доказательственную деятельность реализуется функция правосудия по установлению фактических обстоятельств дела. В системе средств доказывания особое значение имеют вещественные доказательства как традиционный и исторически устойчивый элемент доказательственного права. Вместе с тем развитие цифровых технологий и усложнение общественных отношений обуславливают необходимость переосмысления сущности вещественных доказательств, закреплённой в действующем законодательстве.

Современное состояние правового регулирования и судебной практики свидетельствует о наличии противоречий в понимании природы вещественных доказательств, их разграничении с иными средствами доказывания, а также в подходах к их оценке. Это обуславливает актуальность комплексного исследования рассматриваемого института.

Так, согласно ст. 73 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, вещественными доказа-

тельствами признаются предметы, которые по своему внешнему виду, свойствам, месту нахождения или иным признакам могут служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела [1]. Из приведённой нормы следует несколько ключевых признаков вещественных доказательств:

1. Материальная природа — законодатель использует категорию «предмет»;
2. Доказательственное значение через свойства объекта;
3. Непосредственная связь с устанавливаемыми обстоятельствами.

В научной литературе отмечается, что вещественные доказательства представляют собой материальные объекты, посредством которых суд воспринимает фактические данные напрямую, через их физические характеристики. Также авторами отмечается, что «в качестве основного признака, позволяющего разграничивать вещественные доказательства и иные, предусмотренные ст. 55 ГПК РФ разновидности доказательств, следует выделить признак характерных свойств самого материального

предмета, но не содержащейся в нем выраженной иными способами информации» [4, 256].

Однако анализ нормы позволяет выявить ряд проблем: отсутствие легального определения понятия «предмет»; игнорирование цифровых и электронных носителей информации; неопределённость критериев разграничения с письменными доказательствами. Таким образом, законодательная конструкция носит обобщённый и в значительной степени устаревший характер, не учитывающий современные формы фиксации информации.

Современная юридическая наука не выработала единого подхода к определению сущности вещественных доказательств, что обусловлено трансформацией самой природы доказательственной информации. В традиционной доктрине вещественные доказательства рассматриваются как предметы материального мира, содержащие информацию о фактах посредством своих физических свойств. Такие объекты самим своим существованием либо свойствами удостоверяют обстоятельства, подлежащие установлению судом.

В современной цивилистической доктрине наблюдается тенденция к расширению понятия вещественного доказательства. Так, в исследованиях, посвящённых судебному доказыванию, подчёркивается, что «в качестве вещественных доказательств могут выступать любые материальные носители информации, включая технические и цифровые устройства» [2, 280]. Данная позиция позволяет сделать вывод, что объект ценен не сам по себе, а как носитель информации; материальная форма вторична по отношению к информационному содержанию; допускается включение в категорию вещественных доказательств цифровых носителей (флеш-накопители, устройства, файлы через их материальный носитель). Однако данный подход вызывает обоснованную критику, поскольку размывается граница между вещественными и письменными доказательствами и фактически происходит информационное «поглощение» вещественных доказательств письменными.

Особое развитие проблема получила в работе Скоренко И. А., который рассматривает вопрос отнесения фотографии к вещественным доказательствам для гражданского и арбитражного процессов. Автор обосновывает следующие положения: «цифровая фотография способна выступать самостоятельным доказательством, её значение особенно возрастает в упрощённом производстве, где иные доказательства ограничены. При этом фотография обладает двойственной природой: она одновременно является информационным объектом и материальным носителем» [3, 183–185]. Скоренко И. А. также подчёркивает, что использование фотографий связано с рядом ограничений: сложность установления достоверности; необходимость проверки источника и условий создания; зависимость доказательственной силы от процессуального контекста.

Анализ научных источников позволяет выделить ключевую проблему: вещественное доказательство находится

на стыке материального объекта и информационного содержания. Современная доктрина движется в сторону признания приоритета информации, однако законодатель по-прежнему оперирует категорией «предмет», что создаёт теоретическое и практическое противоречие.

В гражданской практике суды нередко отказываются признавать фотографии доказательствами при отсутствии подтверждения их происхождения. Так, например, Кировский районный суд г. Екатеринбурга отказался признавать фотографии и скриншоты доказательствами, указав невозможность установить тождество изображений; отсутствие подтверждения источника фотографий; отсутствие заверения скриншотов; отредактированность изображений. В частности, суд отметил, что такие материалы не позволяют идентифицировать обстоятельства и подтвердить доводы стороны [5].

Арбитражный суд Владимирской области также пришёл к выводу о недопустимости представленных фотографий, поскольку: отсутствует оригинальный файл (источник); метаданные изображения могут быть изменены; невозможно достоверно установить автора; представленные файлы являются производными (вторичными). Суд прямо указал, что сведения в метаданных «могут быть скорректированы» и не гарантируют достоверность [7].

В практике имеются и иные подходы. Так, например, Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области исследовав представленные фотографии установил: изображения в формате JPEG могут свободно изменяться; метаданные легко корректируются; невозможно подтвердить авторство без оригинального устройства или исходных файлов. В решении подчёркнуто, что форматы JPEG и аналогичные «сами по себе не являются доказательством авторства». Суд формирует важный стандарт, при котором доказательственная сила изображения зависит не от самого файла, а от возможности подтвердить его происхождение [6].

Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд также признал доказательственное значение фотографии, поскольку: представлен оригинальный файл; подтверждена дата создания; отсутствует спор об авторстве; имеется ссылка на первичное размещение. Суд указал, что наличие оригинального файла и подтверждение происхождения позволяет использовать изображение в качестве доказательства [8]. Получается, что при наличии первоисточника и подтверждённых характеристик фотография приобретает полноценную доказательственную силу.

Анализ приведённых судебных актов позволяет сформулировать, что ключевым критерием является проверяемость происхождения доказательства, а не его форма. Суды последовательно отвергают «копии» и скриншоты без подтверждения, требуют исходные файлы или устройства. Происходит трансформация подхода от предмета к контролируемой информационной системе доказательства. Формируется позиция, при которой цифровое доказательство становится «вещественным» только при наличии возможности его технической верификации.

Проведённый анализ нормативного регулирования, доктрины и судебной практики позволяет констатировать, что действующая модель вещественных доказательств, закреплённая в ст. 73 ГПК РФ, не отражает их реальной процессуальной природы. Использование законодателем категории «предмет» в качестве базовой характеристики вещественного доказательства является методологически недостаточным по следующим причинам:

1. Формализм определения: закон фиксирует лишь внешнюю (онтологическую) сторону доказательства — его материальность, игнорируя функциональный аспект.
2. Игнорирование информационной природы доказательства: в действительности доказательственное значение имеет не сам объект, а информация, извлекаемая из него.
3. Неприспособленность к цифровой среде: современные доказательства (фотографии, видеозаписи, цифровые файлы) не укладываются в традиционную модель «предмета», поскольку могут существовать в нематериальной форме, легко воспроизводимы, требуют специальных методов проверки.

Таким образом, нормативное определение носит устаревший характер и не соответствует современному уровню развития доказательственного права. Сущность вещественных доказательств следует раскрывать через три взаимосвязанных элемента: объект (носитель); информация (содержание); способ восприятия (процессу-

альный критерий). При этом определяющим является именно третий элемент.

Установленные теоретические и практические проблемы требуют корректировки действующего правового регулирования. Так, предлагается изложить норму в следующей редакции: «Вещественными доказательствами являются материальные объекты, а также иные носители информации, содержащие сведения, имеющие значение для дела, если установление соответствующих обстоятельств осуществляется судом путём непосредственного исследования их свойств, состояния, структуры или иных характеристик». При таком подходе устраняется неопределённость категории «предмет», вводится универсальная категория «носитель информации», закрепляется функциональный критерий и создаётся основа для включения цифровых доказательств.

Вещественные доказательства в современном гражданском процессе утрачивают исключительно «предметный» характер и трансформируются в категорию объектов, доказательственная ценность которых определяется не их материальной формой, а возможностью непосредственного и технически проверяемого извлечения информации. В этих условиях дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на закрепление функционального подхода к доказательствам и адаптацию процессуальных норм к цифровой реальности.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 23.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — ст. 4532.
2. Некрасова, Д. И. Судебное доказывание в гражданском процессе: основные принципы и виды доказательств / Д. И. Некрасова // Вестник науки. — 2025. — № 5 (86). — С. 274–283.
3. Скоренко, И. А. Фотография как вещественное доказательство в упрощённом производстве по АПК РФ и ГПК РФ / И. А. Скоренко // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2025. — № 2 (126). — С. 181–187.
4. Якимова, Е. С. Некоторые особенности использования овеществленных доказательств в гражданском процессе / Е. С. Якимова // Образование и право. — 2022. — № 4. — С. 249–261.
5. Решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) от 27 февраля 2020 г. по делу № 2–513/2020 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LizQ8eyS5lVP/> (дата обращения: 25.04.2026).
6. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 24 апреля 2023 г. по делу № А56–15091/2023 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/4eEGMWAbQuHt/> (дата обращения: 25.04.2026).
7. Решение Арбитражного суда Владимирской области от 17 ноября 2023 г. по делу № А11–4739/2023 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/cr7VxpGylJ/> (дата обращения: 25.04.2026).
8. Решение Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 апреля 2024 г. по делу № А63–20899/2022 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/aaDpskDG8jJd/> (дата обращения: 25.04.2026).

Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий (фишинг)

Белоусова Екатерина Андреевна, студент;

Неверович Мария Сергеевна, студент

Научный руководитель: Красущих Лидия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье проводится комплексный анализ проблем квалификации мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на примере фишинга как одного из наиболее распространенных способов преступного воздействия в цифровой среде. Исследуется правовая природа фишинга, выявляется его двойственный характер, сочетающий признаки мошенничества и преступлений в сфере компьютерной информации. На основе анализа доктринальных подходов и судебной практики обосновывается вывод о фрагментарности и нестабильности действующей модели квалификации, обусловленной отсутствием четких нормативных критериев разграничения смежных составов преступлений. В результате формулируется авторская позиция, согласующаяся с современными научными подходами, и предлагаются направления совершенствования уголовного законодательства, направленные на повышение эффективности правоприменения в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: мошенничество, фишинг, информационно-телекоммуникационные технологии, квалификация преступлений, цифровая преступность, уголовное право.

Цифровизация общественных отношений обусловила трансформацию традиционных форм преступности, в том числе мошенничества. Особую опасность приобретают деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ), среди которых значительное распространение получил «фишинг» — способ завладения конфиденциальной информацией путем введения потерпевшего в заблуждение.

Актуальность темы обусловлена не только ростом числа таких преступлений, но и существенными трудностями их уголовно-правовой квалификации. Отсутствие специальной нормы, регулирующей фишинг как самостоятельную форму мошенничества, приводит к неоднородности судебной практики и ошибкам правоприменения.

Как отмечает Ушаков С. И., развитие информационных технологий обусловило появление новых способов совершения мошенничества, основанных на использовании цифровой среды, где обман реализуется посредством технических средств [4, 395–396]. При этом традиционная конструкция мошенничества сохраняется, но трансформируется форма реализации обмана. Царегородцева Р. Е. и Смирнов М. А. подчеркивают, что мошенничество с использованием ИКТ представляет собой разновидность хищения, при котором ключевым элементом выступает воздействие на волю потерпевшего через информационные каналы [5, 277]. Таким образом, информационная среда становится не просто средством, а полноценным инструментом преступного воздействия.

В доктрине отмечают, что все способы совершения мошенничества с использованием информационных технологий можно объединить в следующие группы:

1. Способы, при которых используются электронная почта (преимущественно на иностранных доменных именах), мессенджеры (Telegram, WhatsApp и т. д.) и другие способы непосредственного общения в сети Интернет.

2. Способы, когда мошенник создает, а также полностью или частично копирует WEB-сайты [3, 77].

Раджабов Ш. Р. в своем исследовании расширяет формы экономических преступлений в современной цифровой среде выделяя такие способы и модели экономических преступлений как: алгоритмическое мошенничество и манипуляции на рынке; преступления в сфере децентрализованных финансов; криптовалютное отмывание денег; целевой фишинг (таргетированный фишинг) и компрометация данных в корпоративном сегменте [2, 619–620].

Кафарова Р. Д. среди актуальных схем мошенничества, реализуемых посредством ИКТ относит: звонки и сообщения с угрозой кражи средств; взлом личного кабинета на Едином портале государственных и муниципальных услуг (Госуслуги); фишинговые атаки [1, 108–109].

В выделяемой системе способов мошенничества фишинг занимает центральное место, поскольку сочетает в себе: массовость распространения; относительную простоту реализации; высокую эффективность. Фишинг представляет собой создание условий, при которых потерпевший самостоятельно передает злоумышленнику конфиденциальные данные, полагая, что взаимодействует с легитимным субъектом (банком, государственным органом, сервисом).

Одной из ключевых проблем является разграничение:

- мошенничества (ст. 159 УК РФ);
- мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ);
- мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ);
- неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ).

Цифровая среда стирает границы между традиционными имущественными преступлениями и преступле-

ниями против информационной безопасности. В результате одно и то же деяние может формально подпадать под несколько составов. Практика выработала подход, согласно которому при наличии цели хищения применяется ст. 159 УК РФ и ее специальные составы, при отсутствии факта хищения — ст. 272 УК РФ. Однако данный критерий не всегда применим, поскольку получение доступа к информации часто является лишь промежуточным этапом хищения.

Классическая конструкция мошенничества предполагает добровольную передачу имущества потерпевшим под воздействием обмана или злоупотребления доверием. Однако в условиях использования фишинговых технологий происходит искажение данного механизма: потерпевший фактически передает не имущество, а конфиденциальные данные (реквизиты банковской карты, логины и пароли), в то время как непосредственное изъятие денежных средств осуществляется преступником самостоятельно. В этой связи возникает вопрос о том, может ли передача информации рассматриваться как эквивалент передачи имущества. Отсутствие единообразного подхода к решению данного вопроса предопределяет вариативность квалификации аналогичных деяний и, как следствие, снижает устойчивость правоприменительной практики.

Не менее сложной является проблема определения момента окончания преступления при совершении мошенничества с использованием фишинга. В традиционной доктрине мошенничество признается оконченным с момента причинения имущественного ущерба, то есть фактического изъятия имущества у потерпевшего. Данный подход в целом сохраняется и в судебной практике применительно к фишинговым схемам, где момент окончания преступления связывается со списанием денежных средств со счета потерпевшего.

Вместе с тем специфика рассматриваемого способа совершения преступления порождает дополнительные вопросы, связанные с оценкой действий, предшествующих причинению ущерба. В частности, получение конфиденциальных данных само по себе не влечет имущественных последствий, однако создает реальную угрозу их наступления, что ставит проблему разграничения оконченного преступления, покушения и приготовления. Особую сложность представляют ситуации массового фишинга, при которых преступные действия направлены на неопределенный круг лиц, а причинение ущерба носит вероятностный характер. В этих условиях отсутствие четких критериев определения момента окончания преступления затрудняет единообразную квалификацию и требует дополнительной теоретической проработки.

Существенные трудности возникают и при установлении субъективной стороны преступления, а также при квалификации действий соучастников. Фишинговые схемы, как правило, реализуются в рамках организованных форм преступной деятельности, характеризующихся распределением ролей между участниками. В структуре таких групп можно выделить лиц, осуществляющих разработку и техническое сопровождение вре-

доносных ресурсов, операторов, взаимодействующих с потерпевшими, а также субъектов, обеспечивающих вывод и обналичивание похищенных денежных средств. Подобная дифференциация функций усложняет установление прямого умысла на хищение у каждого участника, а также требует точного определения формы и степени их участия в совершении преступления. В ряде случаев отдельные участники могут не обладать полной осведомленностью о конечной цели преступной деятельности, что ставит под сомнение возможность их привлечения к ответственности за мошенничество в полном объеме.

Анализ судебной практики по делам о мошенничестве, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к квалификации фишинга как способа совершения преступления. Несмотря на схожесть фактических обстоятельств дел, правовая оценка деяний существенно варьируется в зависимости от интерпретации судами механизма хищения, роли потерпевшего и характера действий виновного лица.

Так, в решении Ленинского районного суда г. Астрахани судом была рассмотрена типичная фишинговая схема. Потерпевший, перейдя по поддельной ссылке, имитирующей легитимный интернет-ресурс, ввел реквизиты банковской карты, после чего произошло списание денежных средств. Несмотря на наличие всех признаков фишинга как самостоятельного способа совершения преступления — использования поддельного сайта, получения конфиденциальных данных и последующего несанкционированного списания средств — суд квалифицировал действия виновного по общей норме о мошенничестве. При этом передача потерпевшим реквизитов карты была фактически приравнена к добровольной передаче имущества под воздействием обмана [6]. Данный подход свидетельствует о расширительном толковании объективной стороны мошенничества и игнорировании специфики цифрового способа совершения преступления.

Вместе с тем судебная практика демонстрирует, что при усложнении структуры преступления акцент квалификации может смещаться с объективной стороны на анализ субъективных признаков и роли участников. Так, в решении Дорогомиловского районного суда г. Москвы суд исследовал действия лица, участвовавшего в обналичивании денежных средств, полученных в результате преступной схемы, включающей элементы дистанционного мошенничества. Особое внимание было уделено вопросу осведомленности обвиняемого о преступном происхождении денежных средств и наличию у него умысла на хищение. В результате квалификация была обусловлена не столько способом совершения основного преступления (в том числе возможным использованием фишинговых механизмов), сколько доказанностью субъективной стороны и степени участия лица в преступной деятельности [8]. Данный пример наглядно демонстрирует, что в условиях цифровых преступлений правоприменитель сталкивается с необходимостью сложной дифференциации

ролей соучастников, что дополнительно влияет на нестабильность квалификации.

Иной подход прослеживается в делах, где дистанционный обман реализуется без явного использования сложной технической инфраструктуры, но по своей сути близок к фишингу как форме социальной инженерии. Так, в решении Аксайского районного суда правоприменитель квалифицировал действия виновного как мошенничество, исходя из того, что потерпевшие под воздействием обмана самостоятельно переводили денежные средства. Несмотря на использование дистанционных каналов коммуникации и отсутствие личного контакта между сторонами, суд не придал значения цифровому способу совершения преступления, сосредоточившись исключительно на традиционных признаках обмана и добровольности передачи имущества [7]. Тем самым фактически была воспроизведена классическая модель мошенничества без учета трансформации способов его совершения в цифровой среде.

Проведенный анализ доктринальных подходов и судебной практики позволяет констатировать, что действующая модель уголовно-правовой квалификации мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, не в полной мере отвечает современным реалиям цифровой экономики. Особую остроту данная проблема приобретает применительно к фишингу, который, по своей правовой природе, не укладывается в рамки традиционной конструкции мошенничества.

Соглашаясь с позицией Раджабова Ш. Р., следует отметить, что ключевой проблемой является нормативная фрагментарность и концептуальная несогласованность уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за преступления в цифровой среде [2, 619]. Фишинг, будучи по своей сути гибридным явлением, одновременно включает признаки как мошенничества (обман, направленный на завладение имуществом), так и преступлений в сфере компьютерной информации (получение доступа к конфиденциальным данным). Однако действующее законодательство не предлагает единого механизма учета данной двойственной природы, что вынуждает правоприменителя искусственно «встраивать» соответствующие деяния в рамки отдельных составов преступлений.

В результате складывается ситуация, при которой квалификация зависит не от сущности совершенного деяния, а от отдельных, зачастую вторичных обстоятельств: способа изъятия денежных средств, роли потерпевшего, степени завершенности преступления. Это приводит к размыванию границ между смежными составами, формированию противоречивой судебной практики и снижению предсказуемости уголовно-правовой оценки. Учитывая выявленные проблемы, а также поддерживая концептуальные подходы, предложенные в доктрине, представляется целесообразным осуществление комплексного совершенствования уголовного законодательства в рассматриваемой сфере.

Прежде всего, обоснованным является введение специального состава преступления, предусматривающего ответственность за мошенничество, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных технологий путем получения конфиденциальной информации, например, составом ст. 159.7 УК РФ «Мошенничество в сфере цифровых финансовых активов и цифровой валюты» [2, 621]. Закрепление такого состава позволит учесть специфику фишинга как способа совершения преступления и устранить необходимость его искусственной квалификации в рамках существующих норм. При этом важно, чтобы в диспозиции нормы был отражен не только факт обмана, но и использование технических средств, направленных на имитацию доверенной среды взаимодействия.

Кроме того, требует уточнения объективная сторона мошенничества в целом. В условиях цифровой экономики передача конфиденциальных данных (реквизитов банковских карт, учетных записей и иных средств аутентификации) фактически создает возможность распоряжения имуществом потерпевшего. В этой связи представляется целесообразным нормативное закрепление положения о том, что передача таких данных может рассматриваться как форма передачи имущественных прав или предоставления доступа к ним. Данное уточнение позволит устранить существующие противоречия в правоприменительной практике и обеспечить единообразие квалификации.

Существенное значение имеет и законодательное разграничение мошенничества и преступлений в сфере компьютерной информации. В качестве базового критерия такого разграничения, как справедливо отмечает Раджабов Ш. Р., должна выступать цель деяния: «если действия направлены на завладение имуществом, они должны квалифицироваться как мошенничество, даже при использовании технических средств; если же основная цель заключается в получении доступа к информации, ответственность должна наступать по нормам, предусматривающим ответственность за компьютерные преступления» [2, 621]. Закрепление данного критерия на нормативном уровне позволит устранить конкуренцию норм и повысить предсказуемость правоприменения.

Наконец, с учетом высокой степени организованности и трансграничного характера фишинговых преступлений, представляется необходимым усиление уголовно-правового регулирования соучастия в таких деяниях. Речь идет, в частности, о более четком определении ответственности лиц, выполняющих вспомогательные функции (так называемых «дропов», технических операторов и иных участников преступных схем), а также о развитии механизмов привлечения к ответственности за участие в организованных цифровых преступных группах.

Таким образом, предложенные меры, основанные на научных подходах и анализе правоприменительной практики, направлены на формирование более целостной и адекватной системы уголовно-правового реагирования на мошенничество, совершаемое с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая фишинг.

Литература:

1. Кафарова, Р. Д. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Р. Д. Кафарова // Искусство правоождения. The art of law. — 2025. — № 3. — С. 105–112.
2. Раджабов, Ш. Р. Совершенствование уголовной ответственности за экономические преступления в условиях цифровой трансформации: новые вызовы и правовые проблемы // Образование и право. — 2026. — № 1. — С. 618–622.
3. Стеценко, Ю. А. Мошенничество в сети интернет / Ю. А. Стеценко, Н. С. Холодковская // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2021. — № 16. — С. 75–80.
4. Ушаков, С. И. Способы совершения мошенничеств с использованием информационных технологий / С. И. Ушаков // Вопросы российской юстиции. — 2024. — № 30. — С. 394–401.
5. Царегородцева, Р. Е. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Р. Е. Царегородцева, М. А. Смирнов // Вестник науки. — 2023. — № 11 (68). — С. 274–279.
6. Приговор Ленинского районного суда г. Астрахани (Астраханская область) от 18 февраля 2024 г. по делу № 1–27/2024 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HehZHNrA8mIWK> (дата обращения: 26.04.2026).
7. Приговор Аксайского районного суда (Ростовская область) от 14 января 2025 г. по делу № 1–30/2025 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yV7ZCy8frhJo> (дата обращения: 26.04.2026).
8. Приговор Дорогомилловского районного суда г. Москвы (Московская область) от 18 августа 2025 г. по делу № 01–0329/2025 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RpjBPQGYPPgK> (дата обращения: 26.04.2026).

Типичные нарушения целевого использования бюджетных средств в правоохранительных органах и муниципальных образованиях: причины и меры предупреждения

Борзых Даниил Олегович, студент;

Сайфов Фирдавс Мухидинович, студент

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье рассматриваются системные проблемы контроля за целевым расходованием бюджетных средств в двух значимых сегментах государственного сектора — правоохранительных органах и муниципальных образованиях. Несмотря на различия в масштабах и ведомственной специфике, для обеих сфер характерны схожие по своей природе нарушения бюджетного законодательства, что свидетельствует о наличии общих недостатков в механизмах финансового управления. В работе систематизированы наиболее распространённые виды нарушений: неправомерные выплаты персоналу, несоблюдение требований при осуществлении государственных и муниципальных закупок, искажение данных бюджетного учёта. Особое внимание уделяется сравнительному анализу причин возникновения данных отклонений, включая несовершенство нормативно-правовой базы и формальный подход к ведомственному контролю. Предложены меры по минимизации нарушений, включая расширение казначейского сопровождения контрактов и внедрение цифровых инструментов мониторинга. Обосновывается вывод о необходимости усиления интеграции систем внутреннего финансового аудита на всех уровнях бюджетной системы.

Ключевые слова: бюджетные средства, целевое использование, финансовый контроль, правоохранительные органы, муниципальные образования, нецелевое расходование, казначейское сопровождение.

Typical violations of the targeted use of budgetary funds in law enforcement agencies and municipalities: causes and prevention measures

Borzykh Daniil Olegovich, student;

Sayfov Firdavs Mukhidinovich, student

Siberian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Novosibirsk)

The article examines systemic issues of control over the targeted spending of budget funds in two significant segments of the public sector — law enforcement agencies and municipalities. Despite differences in scale and departmental specifics, both sectors exhibit

similar types of violations of budget legislation, indicating common shortcomings in financial management mechanisms. The paper systematizes the most common types of violations: improper payments to personnel, non-compliance with requirements in state and municipal procurement, and distortion of budget accounting data. Special attention is paid to a comparative analysis of the causes of these deviations, including imperfections in the regulatory framework and a formal approach to departmental control. Measures to minimize violations are proposed, including expanding treasury support for contracts and implementing digital monitoring tools. The conclusion substantiates the need to strengthen the integration of internal financial audit systems at all levels of the budget system.

Keywords: budget funds, targeted use, financial control, law enforcement agencies, municipalities, misappropriation of funds, treasury support.

В современных условиях эффективное и целевое использование бюджетных средств является одним из ключевых факторов обеспечения устойчивости государственных финансов и экономической безопасности страны в целом. Правоохранительные органы, финансируемые преимущественно из федерального бюджета, и муниципальные образования, распоряжающиеся средствами местных бюджетов, выступают крупнейшими получателями бюджетных ассигнований. При этом практика контрольно-счётных органов и органов внутреннего финансового контроля показывает, что в обеих сферах регулярно выявляются однотипные нарушения, связанные с нецелевым и неэффективным расходованием ресурсов [1, с. 10–12]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления общих причин данных нарушений и выработки унифицированных подходов к их предупреждению.

Рассмотрим наиболее характерные виды нарушений, выявляемых в ходе контрольных мероприятий как в правоохранительных органах, так и на муниципальном уровне.

1. Нарушения при начислении и выплате заработной платы, а также иных выплат стимулирующего характера. В правоохранительных органах типичными являются случаи установления надбавок за сложность и напряжённость службы, а также премиальных выплат при отсутствии законных оснований и подтверждающих документов [2, с. 177–178]. В муниципальных учреждениях аналогичные нарушения выражаются в необоснованном завышении должностных окладов, выплате премий при отсутствии утверждённых показателей эффективности, а также в неправомерном возмещении командировочных и иных расходов сотрудникам [3, с. 158–160].

2. Нарушения в сфере государственных и муниципальных закупок. Данная категория традиционно относится к зоне повышенного риска. Наиболее распространёнными являются: дробление закупок с целью ухода от конкурентных процедур, необоснованное применение закупок у единственного поставщика, а также приёмка и оплата фактически невыполненных работ или не поставленных товаров [4, с. 18–20]. В правоохранительных органах подобные нарушения часто сопряжены с закупками специальной техники, горюче-смазочных материалов и услуг по ремонту вооружения. В муниципалитетах значительная доля нарушений приходится на сферу дорожного строительства, благоустройства и капитального ремонта объектов социальной инфраструктуры.

3. Искажение данных бюджетного учёта и отчётности. К данной группе относятся случаи принятия к учёту первичных документов, оформляющих операции с несуществующими объектами (так называемый «ремонт виртуальных помещений»), а также неверная классификация расходов по кодам бюджетной классификации [5, с. 15–17]. На муниципальном уровне распространены также нарушения порядка составления, утверждения и ведения бюджетной сметы, что создаёт условия для последующего нецелевого расходования средств [6, с. 120–125].

4. Неправомерное использование государственного и муниципального имущества. Данный вид нарушений включает передачу помещений в аренду коммерческим структурам без согласования с собственником (характерно для муниципальных образований), а также использование служебного автотранспорта и иного имущества не в служебных целях (характерно для правоохранительных органов).

Причины выявленных нарушений носят комплексный характер. Во-первых, это несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей бюджетные правоотношения. Наличие многочисленных подзаконных актов и ведомственных инструкций создаёт условия для неоднозначного толкования правомерности расходов [1, с. 12–14]. Во-вторых, отмечается недостаточный уровень квалификации сотрудников финансово-экономических подразделений, особенно в муниципальных образованиях, где наблюдается дефицит профессиональных кадров в бюджетной сфере. В-третьих, ведомственный финансовый контроль зачастую носит формальный характер и сводится к проверке арифметических показателей, а не к анализу законности и эффективности осуществляемых операций [7, с. 133–135].

Сравнительный анализ показывает, что в правоохранительных органах значительная часть нарушений маскируется под грифом «секретности» или «оперативной необходимости», что существенно затрудняет осуществление внешнего контроля со стороны контрольно-счётных органов [4, с. 20–22]. В муниципальных образованиях основными факторами риска выступают низкая исполнительская дисциплина и высокая степень зависимости финансовых решений от политического руководства муниципалитета.

Для минимизации выявленных нарушений целесообразно реализовать следующие меры:

1. Расширение практики казначейского сопровождения государственных и муниципальных контрактов.

Перевод крупных закупок и расходных обязательств под контроль Федерального казначейства с применением механизма казначейских аккредитивов позволяет исключить возможность необоснованного авансирования и оплаты фактически невыполненных работ [6, с. 125–128].

2. Внедрение риск-ориентированного подхода при планировании контрольных мероприятий. Переход от сплошных проверок к адресным, сфокусированным на зонах повышенного риска (фонд оплаты труда, государственные закупки), позволит повысить эффективность контрольной деятельности [7, с. 134–135].

3. Цифровизация учётных и контрольных процедур. Внедрение единых информационных платформ, интегрированных с системой «Электронный бюджет», обеспечивает возможность мониторинга финансовых потоков в режиме реального времени и своевременного выявления признаков нецелевого использования средств [5, с. 16–18].

4. Усиление персональной ответственности должностных лиц. Привлечение к дисциплинарной и материальной ответственности не только руководителей, но и главных бухгалтеров, подписавших незаконные финансовые документы, должно стать неотвратимым следствием выявленных нарушений.

Таким образом, типичные нарушения целевого использования бюджетных средств в правоохранительных органах и муниципальных образованиях имеют универсальную природу и требуют системного подхода к их предупреждению. Совершенствование механизмов ведомственного и внешнего финансового контроля, а также активное внедрение цифровых инструментов учёта и мониторинга являются необходимыми условиями повышения эффективности расходования бюджетных средств и укрепления финансовой дисциплины на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации [2; 3; 6].

Литература:

1. Ведерников, А. В. Учёт и контроль целевого использования бюджетных средств в государственных учреждениях / А. В. Ведерников, А. В. Короткова // Экономика и бизнес. — 2022. — № 5. — С. 10–18.
2. Костицына, О. А. Проблемы нецелевого использования бюджетных средств в структуре МВД России / О. А. Костицына // Молодой учёный. — 2022. — № 6 (401). — С. 177–178.
3. Кузнецова, Т. Г. К вопросу о финансовом контроле в правоохранительных органах / Т. Г. Кузнецова, О. В. Садовская // Молодой учёный. — 2023. — № 37 (484). — С. 158–160.
4. Яруллин, Р. Р. Государственный финансовый контроль в сфере правоохранительных органов / Р. Р. Яруллин, В. Р. Губайдуллин // Право и государство. — 2023. — № 2. — С. 18–25.
5. Антипова, Т. В. Санкции за нецелевое использование бюджетных средств / Т. В. Антипова // Финансовый контроль. — 2021. — № 8. — С. 12–20.
6. Репин, М. Е. Организация противодействия хищениям бюджетных средств, выделенных в виде грантов и субсидий / М. Е. Репин, Н. В. Павличенко // Вестник Академии управления МВД России. — 2024. — № 1. — С. 120–128.
7. Касаткина, А. А. Некоторые проблемы организации и осуществления ведомственного финансового контроля в системе МВД РФ / А. А. Касаткина // Молодой учёный. — 2024. — № 46 (545). — С. 133–135.

Уголовноправовая характеристика и детерминанты преступлений против правосудия: теоретические основы и зарубежный опыт противодействия

Вавилов Алексей Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Авдони́на Татьяна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассматриваются теоретико-правовые основы противодействия преступлениям против правосудия. Проводится анализ понятия, системы и классификации данных деяний по УК РФ, исследуются причины и условия их совершения, а также изучается зарубежный опыт уголовно-правовой охраны правосудия. На основе сравнительно-правового анализа формулируются предложения по совершенствованию отечественного законодательства.

Ключевые слова: преступления против правосудия, уголовная ответственность, судебная власть, детерминанты преступности, зарубежное законодательство, фальсификация доказательств, безопасность участников процесса.

Преступления против правосудия — это умышленные общественно опасные деяния, посягающие на регламентированный порядок деятельности судов и содей-

ствующих им органов (следствия, прокуратуры, органов, исполняющих судебные акты) [1]. Для большинства составов характерны формальная конструкция, исключи-

тельно прямой умысел и признак «заведомости». Субъект варьируется от общего (с 16 лет) до специального — должностных лиц, участников процесса, лиц, отбывающих наказание. Структура главы 31 УК РФ несовершенна: нормы об ответственности должностных лиц (ст. 299–303, 305) образуют блок, тогда как защищающие участников процесса (ст. 294–298) разбросаны хаотично, а ст. 304 выглядит чужеродной. Это подтверждает мнение Л. В. Лобановой об отсутствии законодательной логики [5]. В доктрине предложены классификации по объекту посягательства, однако наиболее полной признана систематизация А. М. Шуваловой, выделяющая восемь групп в зависимости от аспекта деятельности правосудия и круга субъектов. Такой подход разграничивает посягательства на независимость судей, на участников процесса, на исполнение судебных актов и злоупотребления должностных лиц. Ключевое значение для унификации практики имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 28.06.2022 [2]. Оно разъясняет момент окончания преступлений и критерии разграничения смежных составов, прежде всего — различие между принуждением к показаниям со стороны следователя (ст. 302 УК РФ) и частных лиц (ст. 309), а также правила квалификации совокупности ложного доноса и лжесвидетельства. Наличие поощрительных примечаний (к ст. 307, 308, 316) стимулирует правомерное посткриминальное поведение [1].

Детерминация преступлений против правосудия двойственна и зависит от того, совершается ли посягательство «извне» или «изнутри» системы. Причина «внешних» деяний (угрозы, насилие, подкуп, донос) — конфликт интересов в судопроизводстве, когда виновный пытается противодействовать законному ходу процесса. Условиями выступают правовой нигилизм населения, слабая защита свидетелей и фактическая безнаказанность давления на участников судопроизводства. Мотив мести нередко становится формой разрешения конфликта. «Внутренние» посягательства (ст. 299–305, 307–308) имеют иную природу. Их основные причины: 1) высоколатентная коррупция, позволяющая фальсифицировать доказательства и освобождать виновных; 2) профессиональная деформация следователей, оправдывающих незаконные методы борьбой с преступностью; 3) трансформация независимости судей в бесконтрольность из-за отсутствия эффективного внутриведомственного контроля. Условиями этих деяний являются организационная перегружен-

ность правоохранителей, несовершенство механизмов служебных расследований и низкий уровень раскрываемости должностных злоупотреблений. Искажение доказательственной базы (ст. 306–310) мотивируется корыстью, страхом перед преступниками или межличностными конфликтами, а условия создают пробелы в защите свидетелей и социально-экономическая нестабильность [2].

Сравнительный анализ выявляет два подхода к систематизации норм. В странах СНГ (Казахстан, Беларусь) преступления против правосудия выделены в отдельные главы, что сходно с РФ. В Германии [3] и Франции [4] нормы рассредоточены: например, в УК ФРГ преследование невиновных (§ 344) и принуждение к показаниям (§ 343) отнесены к должностным преступлениям, а лжесвидетельство — к разделу о преступлениях против правосудия. По мнению Т. А. Махмутова, это затрудняет формирование единообразной практики. Наибольший интерес представляют различия в санкциях и защите участников. В Германии привлечение невиновного к ответственности наказывается лишением свободы до десяти лет [3], что значительно строже ч. 1 ст. 299 УК РФ. В США концепция «obstruction of justice» охватывает уничтожение доказательств, давление на свидетелей и присяжных, а за воспрепятствование правосудию, сопряжённое с убийством, предусмотрено пожизненное заключение. США также реализовали эффективные программы защиты свидетелей (witness protection) и осведомителей (whistleblowers), тогда как в России уровень их практической реализации остаётся низким. В Бельгии наказание за лжесвидетельство напрямую зависит от тяжести наказания, назначенного по основному делу на основании ложных показаний [6]. Кроме того, УК ФРГ дифференцирует ответственность за ложные показания под присягой и без, допускает смягчение или освобождение от наказания при деятельном раскаянии (§ 158), а также учитывает крайнюю необходимость при даче показаний против родственников (§ 157). Подобный подход мог бы быть частично заимствован российским законодателем. Анализ подтверждает: эффективная защита правосудия достигается лишь при сочетании строгих санкций (опыт Германии, США), процессуальной независимости и реальных механизмов защиты участников процесса. Для РФ приоритетными направлениями остаются ужесточение санкций по ст. 299 и 302 УК РФ, уточнение круга специальных субъектов [6] и кардинальное реформирование института государственной защиты свидетелей.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2022. — № 8.
3. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2016. — 311 с.
4. Новый Уголовный кодекс Франции: [Принят 22 июля 1992 г.: Перевод / Послел. Крыловой Н. Е.]. — Москва: Юрид. колледж МГУ, 1993. — 211 с.

5. Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации: монография. — Волгоград: Волгоградский государственный университет, 1999. — 39 с.
6. Кириченко, В. С. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности: зарубежный опыт уголовно-правового регулирования / В. С. Кириченко // International Law Journal. — 2023. — Т. 6, № 3. — С. 104–108.

Криминологическая характеристика преступлений против правосудия: статистические тенденции, типология личности

Вавилов Алексей Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Авдониная Татьяна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье на основе судебной и ведомственной статистики за 2020–2025 гг. анализируются состояние и динамика преступлений против правосудия, практика назначения наказаний. Представлена типология лиц, совершающих указанные деяния, с выделением корыстных, карьеристских, насильственных и конформистских подтипов. Исследованы ключевые факторы, детерминирующие данную группу преступлений, включая правовые, организационные и социально-экономические причины, а также высокий уровень латентности. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовной политики и профилактики.

Ключевые слова: преступления против правосудия, статистика судимости, личность преступника, типология, детерминанты, латентная преступность, уголовное наказание.

Преступления против правосудия, посягая на деятельность судов и правоохранительных органов, подрывают авторитет государства. Несмотря на незначительный удельный вес в общей преступности (около 2,2 %), их высокая общественная опасность и латентность требуют постоянного мониторинга [1].

Анализ сводных форм Судебного департамента при Верховном Суде РФ [2] демонстрирует волнообразную динамику числа осуждённых по главе 31 УК РФ. В 2020 г. этот показатель составлял 11 543 чел., к 2022 г. он вырос на 16,7 % — до 13 471 чел., после чего началось снижение: в 2023 г. — 12 969 чел., в 2024 г. — 11 226 чел., а за первое полугодие 2025 г. — 4 473 чел., что на 22,6 % меньше аналогичного периода предыдущего года [2]. Таким образом, пик судимости пришёлся на 2022 г., а к 2024 г. значения практически вернулись к уровню 2020 г. В структуре преступности доминирует группа посягательств на отношения по реализации судебного акта (ст. 312–315 УК РФ), доля которых, согласно данным ГИАЦ МВД, выросла с 73,5 % в 2020 г. до 82 % в 2024 г. [3]. Абсолютным лидером остаётся уклонение от административного надзора (ст. 314.1 УК РФ) — от 11,7 до 14,5 тыс. зарегистрированных случаев ежегодно. Рост числа преступлений по ст. 315 УК РФ (с 1 028 до 1 483 в 2023 г.) исследователи связывают с введением административной преюдиции [3]. В то же время число осуждённых за наиболее опасные должностные преступления (ст. 299, 302, 305 УК РФ) остаётся ничтожно малым, что не отражает реальной распространённости этих деяний, а свидетельствует об их высокой латентности. Практика назначения наказаний характеризуется преобладанием лишения свободы (46,6 % в 2024 г.),

однако 70,7 % таких приговоров не превышают одного года. Доля условного осуждения снизилась с 25–27 % до 20,7 %, что говорит о наметившейся тенденции к ужесточению подходов. Одновременно резко возросло применение принудительных работ — с 26 случаев в 2020 г. до 740 в 2024 г., что соответствует общему тренду уголовной политики на расширение альтернативных санкций [2]. Сопоставление зарегистрированных преступлений и осуждённых выявляет существенный разрыв: в 2020 г. только по ст. 312–315 УК РФ учтено 14 017 деяний, тогда как совокупное число осуждённых по всей главе 31 составило 11 543. Разница частично объясняется прекращением дел с назначением судебного штрафа (625 случаев в 2024 г.) [2].

Изучение личности преступника — необходимое условие для адресной профилактики. Обобщённый социально-демографический портрет, составленный на основе исследований А. Н. Варыгина и А. В. Яшина [4], показывает, что 71,9 % преступников — мужчины, однако доля женщин (28,1 %) выше, чем в общей преступности, поскольку они часто действуют в интересах родственников. Наиболее криминогенной возрастной группой выступают лица 30–49 лет (55,3 %), что объясняется наличием профессионального статуса, необходимого для совершения ряда деяний (фальсификация доказательств, незаконное задержание). Заметна тенденция роста удельного веса лиц с высшим образованием (с 5,4 % до 11,2 % за 20 лет), особенно среди должностных преступников. Около 50 % осуждённых не имели постоянного источника дохода, а преступления редко совершаются в состоянии опьянения или в группе, что подчёркивает их заранее обдуманый характер. Для прикладных целей наиболее ценной является

типология, основанная на мотивации и степени нравственно-психологической деформации. В отношении специальных субъектов (судей, следователей, прокуроров) исследователи выделяют несколько устойчивых типов [4]. Негативно-пренебрежительный тип объединяет лиц, использующих должность в личных целях, и включает четыре подтипа: коррупционный (основной мотив — незаконное обогащение, характерен для дел о фальсификации доказательств), карьеристский (стремление к продвижению по службе любой ценой, вплоть до привлечения невинного к ответственности), насильственно-садистский (получение удовлетворения от страданий зависимых лиц, ярко проявляется в применении пыток) и конформистский (ведомый, совершающий преступления «за компанию»). «Службист с деформациями» — патристичный и ответственный сотрудник, который вследствие профессиональной деформации начинает руководствоваться принципом «цель оправдывает средства», не считая свои действия преступными. Применительно ко всем субъектам посягательств А. В. Яшин предложил дифференци-

ровать лиц с направленностью на нарушение порядка судопроизводства, с направленностью на месть участникам процесса и ситуативную направленность, когда лицо использует виктимность участников для совершения иных корыстных преступлений [4].

Проведённый анализ позволяет констатировать, что ядро преступности против правосудия составляют массовые преступления, связанные с неисполнением судебных актов и уклонением от постепенного контроля, в то время как наиболее опасные должностные посягательства характеризуются сверхвысокой латентностью. Статистика фиксирует волнообразную динамику с пиком в 2022 г. и последующим снижением, а также постепенный отход от чрезмерно либеральной практики назначения наказаний в сторону ужесточения и расширения альтернативных санкций. Типология личности демонстрирует разнообразие мотивационных профилей — от корысти и карьеризма до конформизма, что требует дифференцированных профилактических мероприятий.

Литература:

1. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020–2024 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при ВС РФ. — URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 29.04.2026).
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России (форма № 10.1) за 2020–2025 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ.
3. Яшин, А. В. Криминологический анализ преступлений против правосудия / А. В. Яшин // Общество: политика, экономика, право. — 2020. — № 4(81). — С. 66–70.
4. Варыгин А. Н., Яшин А. В. Правовая культура и формирование личности преступника, посягающего на интересы правосудия // Правовая культура. — 2008. — № 2 (5). — С. 115–122
5. Эсенбулатова, Э. Х. Преступления против правосудия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации / Э. Х. Эсенбулатова // Развитие судебной системы в Дагестане. История и современность: Сборник научных трудов Республиканской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Верховного Суда Республики Дагестан, Махачкала, 27 апреля 2023 года / Под редакцией Ш. М. Рашидова. — Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. — С. 263–268.

Понятие, правовая природа и виды договора аренды в российской цивилистике

Великанов Денис Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Шелепина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье исследуется понятие, правовая природа и виды договора аренды в российской цивилистике, рассматриваются две модели арендных отношений — передача имущества во временное пользование или во временное владение и пользование. Автор исследует основные признаки аренды, включая возмездность и консенсуальный характер, срочность правоотношения и целевое предоставление имущества, а также анализирует вещно-правовую и обязательно-правовую концепции природы аренды.

Договор аренды, занимая центральное место в системе обязательств по передаче имущества во временное пользование, представляет собой классический и вместе с тем сложный институт гражданского права. Его устой-

чивое положение в имущественном обороте детерминировано способностью эффективно удовлетворять интересы сторон без необходимости отчуждения права собственности, обеспечивая собственнику получение до-

хода от экономически неиспользуемого или не полностью используемого актива, а пользователю — доступ к необходимому имуществу без значительных капитальных вложений. В отечественной цивилистической доктрине понятие, природа и систематизация данного договора стали предметом фундаментальных исследований, однако динамика общественных отношений и правоприменения актуализирует потребность в их ревизии и уточнении с позиций современного законодательства и складывающейся судебной практики.

Согласно пункту 1 статьи 606 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), по договору аренды «арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование» [1].

Анализ данной нормы позволяет выделить две возможные правовые модели арендных отношений в зависимости от объема передаваемых арендатору правомочий. Первая модель предполагает передачу имущества во временное владение и пользование, что означает предоставление арендатору наиболее полного объема прав, производных от права собственности, включая возможность защищать свое владение от посягательств третьих лиц, в том числе от собственника. Вторая модель ограничивается передачей только временного пользования, когда имущество остается во владении арендодателя, а арендатор лишь вправе извлекать из него полезные свойства. Такое разграничение имеет ключевое значение для определения объема обязанностей сторон (например, по охране имущества) и выбора способа защиты нарушенных прав арендатора.

В пункте 2 указанной статьи закреплено, что «плоды, продукция и доходы, полученные арендатором в результате использования арендованного имущества в соответствии с договором, являются его собственностью».

Данная норма, выступая отправной точкой для доктринального анализа, позволяет выявить системообразующие признаки данного договорного типа.

Во-первых, это возмездный и консенсуальный характер: обязательство возникает с момента достижения согласия сторон, а встречным предоставлением за пользование имуществом выступает арендная плата.

Во-вторых, это срочность правоотношения, ибо пользование имуществом по общему правилу ограничено временными рамками, согласованными сторонами или установленными законом.

В-третьих, это целевое предоставление имущества во владение и пользование, что отличает аренду от схожих институтов, таких как ссуда или безвозмездное пользование. Важно подчеркнуть, что правомочие владения арендатора, производное от титула собственника, носит ограниченный вещно-обязательственный характер и служит цели пользования. В случаях, прямо указанных в законе или договоре, имущество может предоставляться только в пользование без владения, что является исключением, подтверждающим общее правило.

В контексте защиты прав арендатора принципиальное значение имеет его статус как титульного владельца. Согласно статье 305 ГК РФ, права, предусмотренные статьями 301–304 ГК РФ (об истребовании имущества из чужого незаконного владения и об устранении нарушений, не связанных с лишением владения), принадлежат также лицу, хотя и не являющемуся собственником, но владеющему имуществом на законном основании, в том числе по договору аренды. Это означает, что арендатор, получивший имущество во владение, вправе самостоятельно, без участия арендодателя, предъявить виндикационный иск (об истребовании вещи) к любому лицу, незаконно завладевшему арендованным имуществом, а также негаторный иск (об устранении препятствий в пользовании) к собственнику или третьим лицам, если они чинят ему препятствия, не соединенные с лишением владения. Данная вещно-правовая защита арендатора является важнейшей гарантией стабильности арендных отношений и подтверждает ограниченный вещный характер правомочий арендатора, выходящий за рамки чисто обязательственных отношений.

Правовая природа договора аренды является предметом продолжительной научной дискуссии, в рамках которой сформировались две основные концепции: вещно-правовая и обязательно-правовая.

Сторонники вещно-правовой концепции, акцентируя внимание на таком признаке, как передача имущества во владение, рассматривают право арендатора как ограниченное вещное право, подобное сервитуту или праву хозяйственного ведения. В дореволюционный период этой позиции придерживался К. П. Победоносцев, он рассматривал наем (аренду) как установление вещного права на чужую вещь, отмечая, что наниматель приобретает самостоятельное владение, защищаемое даже против собственника [2, с. 798].

В современной науке отдельные элементы вещно-правовой трактовки аренды можно встретить в работах Е. А. Суханова, который, хотя и относит аренду к обязательственным правоотношениям, признает наличие у арендатора таких элементов вещно-правовой защиты, как право следования (сохранение договора аренды при смене собственника арендованного имущества — ст. 617 ГК РФ) и вещно-правовые способы защиты владения (в частности, негаторный и виндикационный иски при нарушении прав арендатора третьими лицами, включая собственника) [3, с. 216].

Данный подход находит свое отражение в законодательстве ряда зарубежных стран, а также в некоторых положениях российского права. Согласно пункту 1 статьи 617 ГК РФ, «Переход права собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления, пожизненного наследуемого владения) на сданное в аренду имущество к другому лицу не является основанием для изменения или расторжения договора аренды». Далее в пункте 2 статьи 617 ГК РФ закреплено: «В случае смерти гражданина, арендуемого недвижимое имущество, его права и обязанности

по договору аренды переходят к наследнику, если законом или договором не предусмотрено иное. Арендодатель не вправе отказать такому наследнику во вступлении в договор на оставшийся срок его действия, за исключением случая, когда заключение договора было обусловлено личными качествами арендатора». Этот принцип, известный как «купля не прерывает аренды», наделяет право арендатора определенной вещной силой, способностью следовать за вещью и противостоять новому собственнику.

В современной российской цивилистике большинство ученых придерживается обязательственно-правовой концепции договора аренды. Ее последователи, в частности М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, обоснованно указывают, что арендные отношения возникают исключительно из соглашения сторон и носят относительный характер. Арендатор получает не вещное право на имущество, а обязательственное право требовать от арендодателя предоставления вещи в пользование на определенных условиях [4, с. 380].

Правило статьи 617 ГК РФ о сохранении договора при смене собственника сторонники этой концепции рассматривают не как проявление вещной природы аренды, а как специальное законодательное исключение, направленное на защиту интересов добросовестного арендатора и стабильности оборота. Такой подход подтверждается анализом прав и обязанностей сторон, которые носят обязательственный характер: порядок расчетов, обязанности по содержанию имущества, ответственность за нарушение условий договора.

Большое значение для понимания сущности аренды имеет ее отграничение от смежных договоров. От безвозмездного пользования аренда отличается возмездностью. От найма жилого помещения, который является разновидностью аренды, ее отличает целевое назначение: аренда предназначена для предпринимательских, производственных или иных целей, не связанных с проживанием граждан, тогда как наем жилья регулируется Жилищным кодексом РФ.

От лизинга обычная аренда отличается тем, что в лизинге арендодатель специально приобретает имущество по указанию арендатора, выполняя финансирующую функцию. Наиболее сложно разграничить аренду и доверительное управление имуществом. В обоих случаях имущество передается во владение и пользование, но доверительный управляющий действует в интересах выгодоприобретателя и вправе распоряжаться имуществом, тогда как арендатор использует имущество в своих интересах и правом распоряжения не обладает.

Виды договора аренды, перечисленные в главе 34 ГК РФ, выделены исходя из особенностей объекта аренды. Такой подход позволяет применять общие нормы об аренде и к другим видам имущества, прямо не указанным в законе.

Прокат, урегулированный параграфом 2 главы 34 ГК РФ, имеет особый правовой режим, установленный для защиты арендатора-потребителя. Статья 626 Гражданского

кодекса РФ определяет, что по договору проката арендодатель, осуществляющий сдачу имущества в аренду в качестве постоянной предпринимательской деятельности, обязуется предоставить арендатору движимое имущество за плату во временное владение и пользование. Из этого определения вытекает ряд специфических признаков данного вида аренды.

Во-первых, на стороне арендодателя выступает лицо, для которого сдача имущества в аренду является не разовой сделкой, а именно постоянной предпринимательской деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли. Во-вторых, предметом договора проката может быть исключительно движимое имущество. В-третьих, данное имущество, как правило, используется для потребительских целей, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из существа обязательства. В-четвертых, законодатель прямо указывает на то, что договор проката является публичным. Это означает, что арендодатель обязан оказывать услуги каждому, кто к нему обратится, и не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в отношении заключения договора, кроме случаев, предусмотренных законом.

Правовое регулирование аренды транспортных средств осуществляется статьями 632–649 Гражданского кодекса РФ и подразделяется на два самостоятельных подвида: аренда транспортного средства с предоставлением услуг по управлению и технической эксплуатации (аренда с экипажем) и аренда без предоставления таких услуг (аренда без экипажа). Основная специфика этих договоров связана с повышенной опасностью транспортных средств как объектов аренды, что требует особого распределения рисков и ответственности.

При аренде транспортного средства с экипажем обязанности по управлению и технической эксплуатации остаются на арендодателе, что накладывает на него ответственность за вред, причиненный третьим лицам транспортным средством, если иное не предусмотрено законом. В случае аренды транспортного средства без экипажа арендатор самостоятельно управляет им и несет бремя его содержания, ответственность за вред перед третьими лицами также переходит к арендатору. Такое разграничение позволяет гибко учитывать интересы сторон и обеспечивать безопасность при эксплуатации источника повышенной опасности.

Аренда зданий и сооружений, нормы о которой содержатся в статьях 650–655 Гражданского кодекса РФ, является наиболее распространенным видом аренды недвижимого имущества. Специфика данного вида аренды обусловлена неразрывной связью здания или сооружения с земельным участком, на котором оно расположено. Переход прав на здание влечет за собой и определенные последствия для прав на земельный участок, что требует четкого регулирования.

Закон предъявляет повышенные требования к форме договора аренды здания или сооружения. Согласно статье 651 ГК РФ, такой договор заключается в письменной

форме путем составления одного документа, подписанного сторонами. Несоблюдение этой формы влечет недействительность договора. Кроме того, законодатель устанавливает особые правила определения арендной платы, которая, как правило, устанавливается за единицу площади арендуемого объекта. На арендатора также возлагаются обязанности по поддержанию объекта в исправном состоянии и его эксплуатации в соответствии с назначением имущества.

Аренда предприятия, регулируемая статьями 656–664 Гражданского кодекса РФ, представляет собой наиболее сложный вид аренды в силу специфики объекта. По договору аренды предприятия в целом как имущественного комплекса, используемого для осуществления предпринимательской деятельности, арендодатель обязуется предоставить арендатору за плату во временное владение и пользование этот комплекс. В состав предприятия входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности.

В связи со сложностью объекта закон предъявляет повышенные требования к оформлению передачи предприятия. Передача предприятия от арендодателя к арендатору осуществляется по передаточному акту, в котором подробно указываются состав передаваемого имущества и все его недостатки. Подготовка предприятия к передаче, включая составление и представление на подписание передаточного акта, является обязанностью арендодателя и осуществляется за его счет, если иное не предусмотрено договором. Договор аренды предприятия подлежит государственной регистрации и считается заключенным с момента такой регистрации.

Финансовая аренда или лизинг, урегулированная статьями 665–670 Гражданского кодекса РФ, а также специальным Федеральным законом «О финансовой аренде (лизинге)», выделяется своей трехсторонней структурой. По договору финансовой аренды арендодатель (лизингодатель) обязуется приобрести в собственность указанное арендатором (лизингополучателем) имущество у определенного им продавца и предоставить это имущество лизингополучателю за плату во временное владение и пользование для предпринимательских целей.

Особенность лизинга заключается в финансовой роли лизингодателя, который не является ни производителем, ни собственником имущества на момент заключения договора. Он приобретает имущество специально для передачи в аренду, по сути, финансируя эту сделку. Арендатор, в свою очередь, самостоятельно выбирает продавца и имущество. Законодательством предусмотрено, что ответственность за неисполнение требований к качеству имущества, если иное не предусмотрено договором, несет продавец, и требования по качеству арендатор вправе предъявлять непосредственно продавцу, минуя арендодателя.

Помимо законодательной классификации, построенной по объектному критерию, в науке гражданского права выделяются и иные основания деления договора

аренды на виды. Такие классификации имеют важное теоретическое и практическое значение, так как позволяют глубже понять правовую природу арендных отношений и выявить особенности, не нашедшие прямого закрепления в законе, но влияющие на правоприменение.

В частности, в зависимости от цели использования арендованного имущества различают потребительскую аренду, где арендатором выступает гражданин, использующий имущество для личных, семейных, домашних или иных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, и предпринимательскую аренду, где имущество используется для извлечения прибыли. По субъектному составу выделяют аренду с участием граждан, юридических лиц, а также публичную аренду, где одной из сторон выступает публично-правовое образование. По сроку действия договора аренда традиционно подразделяется на краткосрочную и долгосрочную, что влияет на объем прав и обязанностей сторон, например, на преимущественное право арендатора на заключение договора на новый срок.

И так, законодательное определение договора аренды закреплено в пункте 1 статьи 606 ГК РФ, в соответствии с которым арендодатель обязуется предоставить арендатору имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. Из данного определения вытекают сущностные признаки арендных правоотношений: возмездность, срочность и передача имущества, которая может выражаться либо в совокупности правомочий владения и пользования, либо только в правомочии пользования.

Вопрос о правовой природе договора аренды является дискуссионным в цивилистической доктрине. В ходе исследования установлено наличие двух основных концепций: вещно-правовой и обязательства-правовой. Анализ положений статьи 617 ГК РФ, закрепляющей сохранение силы договора при переходе права собственности на арендованное имущество к другому лицу, а также переход прав и обязанностей арендатора по наследству, свидетельствует о наличии у арендатора отдельных элементов вещно-правовой защиты. Вместе с тем преобладающей в современной науке и наиболее соответствующей системе российского обязательственного права является обязательства-правовая концепция, согласно которой арендные отношения возникают исключительно из соглашения сторон и носят относительный характер, а правило статьи 617 ГК РФ представляет собой специальное законодательное исключение, направленное на обеспечение стабильности гражданского оборота и защиту интересов добросовестного арендатора.

Система видов договора аренды, закрепленная в главе 34 ГК РФ, построена по объектному критерию. Исследование правового регулирования проката, аренды транспортных средств, аренды зданий и сооружений, аренды предприятий и финансовой аренды лизинга позволяет сделать вывод о том, что специфика правового режима каждого вида предопределяется особенностями имущества, выступающего объектом аренды. Данная специфика

проявляется в особых требованиях к форме договора, порядку его заключения и исполнения, распределению рисков случайной гибели или повреждения имущества, а также в особенностях ответственности сторон перед третьими лицами.

Наряду с законодательной классификацией в науке гражданского права выделяются дополнительные классификационные критерии, имеющие теоретическое и практическое значение. В зависимости от цели использования арендованного имущества разграничивается потребительская аренда, где арендатором выступает гражданин, использующий имущество для нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью, и предпринимательская аренда, где имущество используется для извлечения прибыли. По субъектному составу выделяется аренда с уча-

стием граждан, юридических лиц, а также публичная аренда с участием публично-правовых образований. По сроку действия договора аренда подразделяется на краткосрочную и долгосрочную, что влияет на объем прав и обязанностей сторон, в частности на реализацию преимущественного права арендатора на заключение договора на новый срок.

Таким образом, договор аренды представляет собой сложный правовой институт, сочетающий обязательственно-правовую природу с отдельными элементами вещно-правовой защиты, а дифференциация его правового режима осуществляется законодателем преимущественно в зависимости от вида объекта аренды, что позволяет наиболее полно учитывать специфику различных имущественных комплексов в гражданском обороте.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025)
2. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права. Часть 1: Вещные права [Электронный ресурс] / К. П. Победоносцев. — Москва: Статут, 2002. — 798 с.
3. Суханов Е. А. Аренда и её правовая природа // Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2019. — Т. 2. — С. 215–230.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга 2: Договоры о передаче имущества. — 5-е изд., стер. — М.: Статут, 2011. — С. 380–385.

Теоретические и практические аспекты порядка, формы и существенных условий договора аренды

Великанов Денис Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Шелепина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Вологда)

В статье автор исследует основные теоретические и практические вопросы, связанные с порядком заключения, формой и определением существенных условий договора аренды. Особое внимание уделяется изучению требований к согласованию предмета договора аренды, а также обязательности письменной формы и государственной регистрации. Автор также рассматривает современные сложности, возникающие в связи с цифровизацией в сфере арендных отношений.

Заключение договора аренды, будучи отправной точкой возникновения сложного обязательственного правоотношения, сопряжено с рядом теоретических коллизий и практических затруднений. Несмотря на кажущуюся простоту законодательных требований, вопросы порядка заключения, соблюдения формы и определения существенных условий договора остаются одними из наиболее дискуссионных и порождают значительный массив судебных споров.

Согласно статье 432 ГК РФ договор считается заключенным при достижении сторонами соглашения по всем существенным условиям [1]. В развитие этого положения

статья 433 ГК РФ уточняет, что договор признается заключенным в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта. Общее правило для аренды, установленное статьей 606 ГК РФ, подтверждает ее консенсуальный характер: обязательства возникают с момента достижения соглашения по всем существенным условиям, а не с момента передачи имущества.

Однако на практике, особенно в сфере бытовой и краткосрочной аренды, нередко возникает ситуация, когда имущество передается до окончательного оформления письменного соглашения, а плата вносится наличными без документального подтверждения. Такие фактические

отношения порождают проблему их квалификации. Суды, руководствуясь принципом сохранения гражданских правоотношений, зачастую признают в подобных случаях наличие между сторонами договора аренды, заключенного в надлежащей письменной форме, посредством совершения передачи имущества и принятие арендной платы. Однако такое признание возможно лишь при доказанности согласованности существенных условий, что в отсутствие письменного документа представляет значительную сложность.

Особый порядок заключения установлен для договоров аренды государственного или муниципального имущества, в первую очередь земельных участков. В соответствии со статьей 39.6 Земельного кодекса РФ, предоставление таких участков в аренду, как правило, осуществляется через проведение торгов в форме аукциона, за исключением прямо установленных законом случаев [2]. Данная процедура носит публично-правовой характер, а сам договор заключается по итогам торгов с их победителем. Нарушение установленного порядка предоставления, в том числе не проведение торгов при отсутствии законных оснований для этого, влечет ничтожность заключенного договора как противоречащего основам правопорядка. Этот дуализм частноправового содержания договора и публично-правовой процедуры его заключения служит источником многочисленных споров.

В соответствии со статьей 609 ГК РФ договор аренды на срок более одного года, а также, если хотя бы одной из сторон является юридическое лицо, должен быть заключен в простой письменной форме. Это правило носит императивный характер. Специальные нормы устанавливают более строгие требования: договор аренды здания или сооружения должен быть заключен в виде единого документа, подписанного сторонами; несоблюдение этой формы влечет его ничтожность. Договор аренды предприятия также требует простой письменной формы под страхом недействительности.

Последствия несоблюдения простой письменной формы договора аренды на срок до года между гражданами, по общему правилу статьи 162 ГК РФ, заключаются в лишении сторон права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишают их права приводить письменные и другие доказательства. Однако в арбитражной практике по спорам с участием юридических лиц несоблюдение письменной формы для краткосрочной аренды также часто расценивается как серьезный порок, способный повлиять на возможность защиты прав, например, при взыскании арендной платы, если передача имущества и его использование оспариваются.

Главной проблемой в сфере формы является квалификация взаимоотношений сторон при несоблюдении требований о государственной регистрации договора аренды недвижимости, заключенного на срок не менее года. До 1 января 2017 года до введения Федерального закона № 218-ФЗ такие договоры считались незаключенными (п.

2 ст. 651 ГК РФ в прежней редакции) [3]. После изменений в законодательстве о регистрации договор аренды недвижимости, подлежащий государственной регистрации, считается заключенным с момента его подписания сторонами, однако возникающее право аренды (обременение) подлежит государственной регистрации. Несоблюдение требования о регистрации права аренды в ЕГРН лишает это право третьей силы, делая его уязвимым при отчуждении имущества арендодателем. Для арендатора это означает невозможность ссылаться на свое право аренды в отношениях с новым собственником. Таким образом, последствия сместились из области заключения договора в сферу действительности и защиты производного вещного права, что является более логичным, но по-прежнему создает риски для добросовестного арендатора, полагающегося на незарегистрированный договор.

В соответствии со статьей 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям. К таковым закон относит условия о предмете, условия, названные в законе как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Согласно ст. 607 ГК РФ, предмет договора аренды является его безусловно существенным условием. Предметом является индивидуально-определенное имущество, которое передается в пользование. Закон требует, чтобы в договоре данные об имуществе позволяли определенно установить имущество, подлежащее передаче. Для недвижимости это означает указание кадастрового номера, адреса, площади; для движимых вещей — наименование, технические или инвентарные номера, иные индивидуализирующие признаки. Проблема «несогласованности предмета» — одна из самых частых в судебной практике. Отсутствие в договоре аренды здания данных, позволяющих идентифицировать объект (например, указание только адреса без поэтажного плана и экспликации при аренде части здания), может привести к признанию договора незаключенным, поскольку невозможно определить объем передаваемого во владение и пользование имущества. Сложности также возникают при аренде части земельного участка, требующей обязательного кадастрового учета (образования нового участка) до заключения договора аренды.

Условие об арендной плате в силу прямого указания статьи 654 ГК РФ является существенным для договора аренды зданий/сооружений. Для иных видов аренды это условие, хотя и является конstitutивным признаком возмездного договора, при его отсутствии не всегда ведет к не заключенности. Согласно пункту 1 статьи 614 ГК РФ, если условие о плате не согласовано, применяется плата, обычно взимаемая при сравнимых обстоятельствах. Тем не менее, судебная практика по этому вопросу неоднородна: некоторые суды, особенно при аренде недвижимости для предпринимательских целей, могут признать

договор незаключенным ввиду невозможности определения существенного экономического параметра обязательства. Наиболее спорными являются случаи с так называемой «нулевой» или символической арендной платой, которые могут быть переквалифицированы в договор безвозмездного пользования или прикрывающие иную правовую цель. При этом в теории и практике различают регулируемую (устанавливаемую государством или муниципалитетом) и нерегулируемую (определяемую соглашением сторон) арендную плату. Регулируемая цена обязательна для сторон, если имущество находится в публичной собственности или арендатор обладает льготным статусом.

Срок аренды не является существенным условием в силу диспозитивной нормы пункта 2 статьи 610 ГК РФ: если срок не определен, договор считается заключенным на неопределенный срок. Однако для отдельных видов срок может быть квалифицирующим признаком. Проблемы возникают при формулировке условий о сроке, допускающей неоднозначное толкование (например, «до момента выполнения определенных работ»), что может повлечь признание срока несогласованным, а договора — бессрочным со всеми вытекающими правами сторон на отказ от него.

Иные условия, существенные по требованию одной из сторон. Проблема здесь заключается в определении границ злоупотребления правом. Заявление одной из сторон о необходимости согласовать заведомо обременительное или неисполнимое условие с целью заблокировать заключение договора или создать предпосылку для последующего оспаривания его незаключенности может быть квалифицировано судом как недобросовестное поведение, согласно ст. 10 ГК РФ.

Таким образом, проблемы, связанные с тем, как правильно заключить договор аренды, показывают, что даже классические положения гражданского права постоянно проверяются современной жизнью.

Главные трудности и риски на практике возникают, когда:

1. Недостаточно точно описывают, что именно сдают в аренду.
2. Не до конца понимают, какие новые правовые последствия наступают, если не зарегистрировать договор аренды недвижимости.
3. Неправильно определяют, какие условия договора являются настолько важными, что без них договор считается незаключенным.

Суды в своих решениях стремятся защитить отношения, которые фактически сложились, и пресечь недобросовестное поведение, опираясь на принцип добросовестности. Этот подход делает применение закона более гибким и справедливым. Однако это не означает, что законом можно пренебрегать. Четкое соблюдение всех формальных требований по-прежнему остается залогом стабильных и предсказуемых отношений между арендодателем и арендатором.

Рассмотрим обозначенные выше теоретические проблемы конкретными судебными актами, отражающими современные правоприменительные подходы за 2023–2025 гг.

1. Проблема несогласованности предмета аренды и разграничения компетенции сторон при заключении договора.

В деле № А46–22494/2023 Департамент имущественных отношений Администрации города Омска обратился к ООО «Стар» с иском об урегулировании разногласий, возникших при заключении договора аренды земельного участка [4]. Стороны не могли согласовать редакцию подпункта 12 пункта 3.2 договора, касающегося права арендатора на возведение зданий и сооружений. Департамент настаивал на формулировке, фактически запрещающей любое строительство без дополнительного разрешения арендодателя.

Суд первой инстанции, а затем и Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 03.09.2024 № Ф04–3486/2024 приняли редакцию арендатора, указав следующее: «С учетом особенностей правового статуса участников спора, подобное согласование условий не нарушает императивных положений действующего законодательства, а также обеспечивает должный баланс интересов сторон. Принятая судом первой инстанции редакция оспариваемого условия договора не предоставляет арендатору право на строительство объектов недвижимости без получения соответствующего разрешения в тех случаях, когда получение такового обязательно в установленном законом порядке. Равным образом указанная формулировка не нарушает права, как Департамента, так и неопределенного круга лиц, поскольку в пределах срока договора аренды арендодатель утрачивает право на распоряжение земельным участком без согласия арендатора и лишен возможности его предоставления на торгах по правилам пункта 1 статьи 39.6 ЗК РФ».

Данное дело показывает, что суды при урегулировании преддоговорных разногласий стремятся к сохранению баланса интересов сторон и не допускают включения в договор условий, позволяющих одной стороне (особенно публичному собственнику) произвольно ограничивать права другой стороны.

2. Квалификация договора аренды, заключенного на срок менее года, и проблемы его оспаривания в процедуре банкротства.

В деле № А41–34996/2021 конкурсный управляющий ООО «Строительное управление-5» оспаривал три договора аренды нежилых помещений, заключенных за две недели до введения процедуры конкурсного производства [5]. Договоры были заключены на срок 11 месяцев (то есть менее года, что освобождало от необходимости государственной регистрации) и содержали условие о праве арендодателя на односторонний отказ от договора с выплатой арендатору компенсации в размере от 2 до 6 миллионов рублей.

Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 07.10.2024 № Ф05–23132/2023 признал сделки недействительными, установив следующее: «Суд первой инстанции, оценивая условия договоров, заключенных

сторонами за две недели до введения процедуры конкурсного производства, на короткий период в отношении объектов, которые не могли сразу использоваться по назначению, принимая во внимание цели процедуры конкурсного производства, направленные на реализацию имущества должника по наиболее высокой цене, а также установленные в договорах условия об их расторжении, как по размеру штрафа, так и по срокам, с учетом того, что арендатор в течение месяца после заключения фактически не приступил к использованию арендованного имущества, заявив, в свою очередь, требование о взыскании штрафных санкций в значительном размере, пришел к выводу о том, что у сторон договоров не имелось целей, предусмотренных арендными правоотношениями. Суд также установил, что в действиях должника и ответчика отсутствуют разумные экономические мотивы совершения оспариваемых сделок, поскольку аренда помещения, требующего ремонта, имеет смысл только в рамках длительного договора аренды». Это дело показывает, что суды оценивают не только формальное соблюдение требований к сроку и форме договора, но и экономическую сущность сделки, а также добросовестность поведения сторон при заключении договора аренды.

3. Проблема определения подсудности споров, связанных с понуждением к заключению договора аренды.

В определении Верховного Суда РФ от 18.11.2024 № 305-ЭС24-16233 по делу № А40-27600/2024 рассматривался вопрос о территориальной подсудности спора о понуждении к заключению соглашения о вступлении в договор аренды земельного участка [6]. Судей Верховного Суда РФ Г. Г. Поповой было указано, что при решении вопроса о подсудности необходимо учитывать, повлечёт ли удовлетворение требования необходимость государственной регистрации возникновения, ограничения (обременения), перехода, прекращения прав на недвижимое имущество или внесения записи в ЕГРН. Дело передано для рассмотрения в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для проверки доводов, Департамента городского имущества города Москвы о необходимости применения исключительной подсудности по месту нахождения недвижимого имущества.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о заключении договора аренды с использованием электронных средств связи, который не получил прямого регулирования в главе 34 ГК РФ, но активно формируется судебной практикой в связи с цифровизацией гражданского оборота.

В соответствии с пунктом 2 статьи 434 ГК РФ договор в письменной форме может быть заключён путём обмена электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющим достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» предусматривает три вида подписей: простая, неквалифицированная и квалифицированная.

Для договоров аренды недвижимости, подлежащих государственной регистрации, установлены повышенные требования. Как разъясняется в правовой системе КонсультантПлюс, «необходимые документы нужно представить в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью. Договор аренды должны подписать такой подписью обе стороны (ч. 7, 8 ст. 21 Закона о государственной регистрации недвижимости)». Исключение составляют те документы, которые в бумажном виде могут представляться в виде копии (без представления подлинника) — такие документы можно представить в виде электронного образа документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью лица, которое подписывает такие документы в бумажном виде или уполномочено заверять их копии.

Для договоров аренды, не требующих государственной регистрации (например, аренда движимого имущества или аренда недвижимости на срок менее года), допустимо использование простой электронной подписи или даже обмена сканированными копиями документов, если стороны в переписке или иным образом выразили волю на заключение договора.

Судебная практика признаёт надлежащим доказательством заключения договора аренды обмен электронными сообщениями. Следует отметить, что суды признают допустимым заключение договора даже путём переписки в мессенджерах.

Таким образом, проблемы, связанные с порядком заключения, формой и существенными условиями договора аренды, показывают, что даже классические положения гражданского права постоянно проверяются современной судебной практикой и цифровыми реалиями. Главные трудности и риски на практике возникают, когда: недостаточно точно описывают предмет аренды; не до конца понимают правовые последствия несоблюдения формы и регистрационных требований; неправильно определяют, какие условия договора являются существенными; не учитывают возможности и риски заключения договора в электронной форме.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025);
2. Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026);
3. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 N 218-ФЗ (последняя редакция);

4. Решение Арбитражного суда Омской области от 27 марта 2024 г. по делу № А46–22494/2023 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Z8YUEKEYV5g4/> (дата обращения: 17.04.2026);
5. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 1 декабря 2023 г. по делу № А41–34996/2021 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Qxv8IRJt8Tor/> (дата обращения: 17.04.2026);
6. Верховный Суд Российской Федерации. Определение от 18 ноября 2024 г. № 305-ЭС24–16233 по делу № А40–27600/2024 (судья Г. Г. Попова): [о передаче кассационной жалобы по вопросу подсудности спора об аренде земельного участка] // ГКРФ код: [сайт]. — URL: <https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18112024-n-305-es24-16233-po-delu-n-a40-276002024/> (дата обращения: 17.04.2026).

Сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства, регулирующего досудебное соглашение о сотрудничестве, в разных странах мира

Владимирова Елизавета Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Баксалова Алина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье проведен сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства, регулирующего досудебное соглашение о сотрудничестве, в разных странах мира, таких как: США, Италия, Республика Беларусь, Республика Казахстан и другие.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, сделка о признании вины, процессуальное соглашение, сделка с правосудием, сходства и различия.

В научной юридической литературе бытует мнение, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве пришел в Россию из практики зарубежных стран.

Такой подход можно было бы считать действительным, если бы не исследования Н. Д. Савушкина, который опирался на научную работу Е. Л. Федосеевой [1, с. 478]. В своей научной статье он утверждает, что подобное упрощенное производство, схожее с институтом соглашения, было еще в X веке в Русской Правде. По его мнению, в нормах данного документа была возможность договоренности между виновным и потерпевшим: если они договорятся, что виновный добровольно предоставит похищенное имущество потерпевшему, то тогда суд гарантирует снятие с него какой-либо ответственности.

А. Е. Епифанов в своей работе отмечает, что в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. были закреплены принципы индивидуализации наказания с учетом степени содействия обвиняемого следствию [2, с. 59]. Важность данного факта он подчеркивает тем, что это один из этапов становления современного института досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку данный документ заложил основы дифференцированного подхода к назначению наказания.

Также некоторые процессуалисты, например, А. А. Ермаков, активно поддерживают представление о том, что институт указанного соглашения появился самостоятельно в доктрине российского права, предлагая и пример из Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 года

[3, с. 187]: он предусматривал возможность не проводить следствие и принимать решение об отсутствии общественной опасности, если подсудимый согласится с обвинением и примет решение давать только признательные показания.

С мнением всех исследователей в этом вопросе нельзя согласиться, так как названные ими процедуры больше имеют схожести с главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением», ведь совершенно не упоминается активное содействие органам следствия в раскрытии преступлений и изобличении лиц, их совершивших, в том числе и соучастников, что присуще досудебному соглашению о сотрудничестве.

Многие исследователи, в связи с этим соотносят российское досудебное соглашение о сотрудничестве с иностранными институтами подобных соглашений.

Например, С. С. Ключников убежден, что указанное соглашение сконструировано по образу итальянского правила «abbreviato» и «patteggiamento» (признавать вину не нужно, достаточно быть согласным с обвинением). Правила испанское «conformidad» и немецкое «absprachen» имеют тот же смысл.

В англо-саксонской же системе права наиболее распространено правило «plea bargaining» (признание вины), активно им пользуются страны: США, Англия и другие страны Европы. Система считается очень эффективной,

статистика показывает, что около 80 % уголовных дел в перечисленных странах были разрешены сделкой о признании вины. Суть правила в том, что для обвиняемого создается гарантия того, что уменьшится объем обвинения, либо же содеянное им вовсе переквалифицируют, либо виновный не будет нести ответственность вовсе (институт «защиты свидетелей»).

Многие исследователи считают, что российское досудебное соглашение о сотрудничестве и сделку о признании вины англо-саксонской системы не стоит и сравнивать из-за разного порядка их осуществления, но между ними достаточно схожих черт.

При сравнении досудебного соглашения о сотрудничестве и сделки о признании вины, стоит отметить, что английская сделка не всегда может нести за собой важные составляющие нашего соглашения: активное содействие органам следствия в раскрытии преступлений и изобличении лиц, их совершивших, в том числе и соучастников.

Т. В. Топчиева определяет предметом досудебного соглашения о сотрудничестве смягчение наказания подозреваемому (обвиняемому) в обмен на его содействие в расследовании преступления [4, с. 98]. Сделка о признании вины имеет схожий предмет, его отличие заключается в том, что в некоторых случаях достаточно только признания вины, чтобы сделка работала (у нас же это предусмотрено главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что упоминалось выше).

А. М. Горнышкова и А. А. Подопригора дают определение данному соглашению о признании вины: «Сделка о признании вины — это соглашение, посредством которого обвинение и защита приходят к соглашению о разрешении дела, включая пункты обвинения, по которым обвиняемый признает себя виновным» [5, с. 73].

Следует определить сходства между досудебным соглашением о сотрудничестве и сделкой о признании вины:

1. Заключение и досудебного соглашения, и сделки о признании вины возможно только между прокурором и обвиняемым.

2. Заключение возможно только на досудебной стадии уголовного судопроизводства, т. е. на стадии возбуждения уголовного дела и на стадии предварительного расследования.

3. При заключении стороны согласовывают пределы уголовной ответственности, но назначение окончательных размеров наказания лежит исключительно на суде, который выносит решение, основываясь на результаты рассмотрения дела.

4. При рассмотрении дела в порядке особого производства лицу назначается наказание существенно ниже того размера, который мог быть, ему назначен в общем порядке рассмотрения дела.

Несмотря на выявленные сходства между сделкой и соглашением, большинство исследователей склоняются к мнению, что существует больше различий в этих двух процедурах, чем соприкасающихся черт.

А. К. Салыкова [6, с. 35] убеждена, что между соглашениями ничего нет общего: у них разные условия, предмет

и ответственность. Например, между сделкой о признании вины из Франции и российского досудебного соглашения о сотрудничестве есть явное отличие — целевое назначение. Целью сделки является возмещение вреда потерпевшему и применение менее карательных мер к обвиняемому, а целью соглашения — побудить обвиняемого к активному содействию следствию в обмен на смягчение наказания.

«Plea bargaining» в большей степени сравнима с особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ) и сделкой о признании вины (ст. 613–617 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан) [7, с. 135]. Главными критериями являются добровольность заключения соглашения и сделки, а также признание вины.

Следует рассмотреть подробно основные итальянские сделки с правосудием: «Abbreviato» (giudizio abbreviato) — ускоренная процедура (вынесение приговора без проведения судебного разбирательства). «Patteggiamento» (l'applicazione della pena su richiesta delle parti) — ходатайство о наказании по просьбе сторон (согласие с предъявленным обвинением).

Но исследователи А. А. Сумин и О. В. Химичева при изучении УПК Италии выделяют еще три процедуры итальянских сделок с правосудием:

1. Прямое разбирательство (giudizio direttissimo);
2. Немедленное решение (giudizio immediato);
3. Процедура приказа (procedimento per decreto) [8, с. 137].

Применяются данные сделки, в основной массе, в двух случаях: при согласии лица с обвинением и при достаточности доказательств, но деяние считается менее общественно опасным. Подобные сделки предусмотрены также по законодательству Испании и Португалии.

Схожесть с российским досудебным соглашением заключается в согласии с предъявленным обвинением и в какой-то степени в ускоренной процедуре. При итальянской сделке судебное разбирательство вовсе не проводится, при российском соглашении же не проводится исследование доказательств в судебном разбирательстве в полном объеме.

Следует сравнить соглашения и со странами СНГ, например, обратиться к правовым нормам Республики Беларусь. Процессуалисты отмечают, что она пользовалась зарубежной практикой и опытом при создании института досудебного соглашения о сотрудничестве в 2015 году. Регламентируется оно уголовным и уголовно-процессуальными кодексами Республики Беларусь.

А. К. Салыкова дает определение соглашению, ссылаясь на п. 4.1 ч. 1 ст. 6 УПК Республики Беларусь: «досудебное соглашение о сотрудничестве — соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств» [9, с. 137].

Стоит отметить, что определение, данное законодателем в УПК Республики Беларусь, наиболее точно раскрывает процедуру данного соглашения, в сравнении с нашим скудным легальным понятием.

Из особенно интересных черт белорусского досудебного соглашения о сотрудничестве можно выделить:

1. Возможность заключения соглашения с несовершеннолетним обвиняемым (при участии его законного представителя) по ст. 468.8 УПК Республики Беларусь.
2. Отсутствие определения правовых последствий выполнения обязательств соглашения в УПК Республики Беларусь.

Более подробно назначение наказания в случае заключения данного соглашения раскрыто в статье 69.1 УК Республики Беларусь [10, с. 137], что подчеркивает его самостоятельность между иными основаниями для смягчения наказания.

Стоит также кратко рассмотреть подобный институт в уголовно-процессуальном праве Республики Казахстан. Оно предусматривает процессуальное соглашение, раскроем его понятие из пункта 37 статьи 7 УПК Республики Казахстан: «процессуальное соглашение — соглашение, заключаемое между прокурором и подозреваемым, обвиняемым или подсудимым, на любой стадии уголовного процесса или осужденным в порядке и по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом» [11, с. 34].

Исходя из определения, можно сделать вывод, что данное соглашение отличается от российского субъек-

тивным составом — в УПК Республики Казахстан он шире (добавляется подсудимый). Также, законодателем Республики Казахстан действия виновного при заключении соглашения не перечислены, можно лишь предположить, что его действия тесно связаны со способствованием по изобличению других лиц, совершивших преступления: особо тяжкие, экстремистские и террористические.

Подводя итог рассмотрению сравнительно-правового анализа между различными странами и российским досудебным соглашением о сотрудничестве, стоит отметить, что отечественное соглашение если и имеет схожие черты с иностранными сделками, то в большей степени незначительные. Все соглашения и сделки имеют различную процедуру, иногда разнятся по предмету, что доказывает, что досудебное соглашение о сотрудничестве уникально и имеет при себе отличительные особенности. Можно утверждать, что российский уголовный процесс при применении досудебного соглашения о сотрудничестве ставит более широкие цели и задачи, нежели в зарубежных странах.

Целесообразно предложить расширить легальное определение досудебного соглашения о сотрудничестве, опираясь на опыт стран СНГ, также более точно определить гарантии для подозреваемого (обвиняемого), что появятся при заключении и исполнении соглашения, что предусмотрено странами англо-саксонской системы права, а также рассмотреть вопрос ответственности при нарушении данного соглашения не только для обвиняемого, но и для прокурора.

Литература:

1. Савушкин, Н. Д. Досудебное соглашение о сотрудничестве в Российском уголовном процессе / Н. Д. Савушкин // Аллея науки. — 2021. — Т. 1, № 4(55). — С. 478.
2. Епифанов А. Е. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве: история развития, понятие и правовая природа в отечественном и зарубежном уголовном процессе // Криминологический журнал. — 2025. — № 3. — С. 59.
3. Ермаков, А. А. Становление нормативного регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве в Российской Федерации / А. А. Ермаков, А. В. Азархин // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 2(218). — С. 187.
4. Топчиева Т. В. К вопросу о предмете досудебного соглашения о сотрудничестве // АЮВ. — 2015. — № 9. — С. 98.
5. Горнышкова, А. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа и проблемы правового регулирования / А. М. Горнышкова, А. А. Подопригора // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 11(87). — С. 73.
6. Салыкова, А. К. Понятие досудебного соглашения о сотрудничестве (соглашения о сотрудничестве) по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан / А. К. Салыкова // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2020. — № 1(76). — С. 35.
7. Салыкова, А. К. Сравнительно-правовой анализ российского «досудебного соглашения о сотрудничестве» и казахстанского «соглашения о сотрудничестве» с зарубежными аналогами / А. К. Салыкова // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 3(50). — С. 135.
8. Салыкова, А. К. Сравнительно-правовой анализ российского «досудебного соглашения о сотрудничестве» и казахстанского «соглашения о сотрудничестве» с зарубежными аналогами / А. К. Салыкова // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 3(50). — С. 137.
9. Салыкова, А. К. Сравнительно-правовой анализ российского «досудебного соглашения о сотрудничестве» и казахстанского «соглашения о сотрудничестве» с зарубежными аналогами / А. К. Салыкова // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 3(50). — С. 137.
10. Салыкова, А. К. Сравнительно-правовой анализ российского «досудебного соглашения о сотрудничестве» и казахстанского «соглашения о сотрудничестве» с зарубежными аналогами / А. К. Салыкова // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2019. — № 3(50). — С. 137.

11. Салыкова, А. К. Понятие досудебного соглашения о сотрудничестве (соглашения о сотрудничестве) по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан / А. К. Салыкова // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2020. — № 1(76). — С. 34.

Понятие и правовая природа досудебного соглашения о сотрудничестве

Владимирова Елизавета Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Баксалова Алина Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассмотрены различные подходы к определению понятия и правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, понятие досудебного соглашения о сотрудничестве, правовая природа досудебного соглашения о сотрудничестве.

Определение досудебного соглашения о сотрудничестве закреплено в пункте 61 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса: «Досудебное соглашение о сотрудничестве — соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения» [1].

При рассмотрении научной литературы, можно определить, что исследователи это легальное определение считают неточным, так как оно не дает полностью понять сущность данного института, оттого в своих работах подробно раскрывают причины возникновения таких проблем в понимании содержания понятия.

Во-первых, многие процессуалисты сходятся во мнении в том, что фрагмент «соглашение между сторонами обвинения и защиты» без основания расширяет круг субъектов, которые принимают участие в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Субъектами данного соглашения являются прокурор, обвиняемый (подозреваемый) и его защитник. Все остальные субъекты не имеют права на заключение соглашения.

Во-вторых, фрагмент «стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого» также является некорректным, так как решение о виновности и размере наказания лежит на суде, который опирается на результаты рассмотрения уголовного дела в судебном заседании. Правильнее было бы указать, что появляется возможность законодательного снижения размера наказания, но никак не установление конкретной ответственности.

В-третьих, В. В. Кучерявая в своей работе обратила внимание на интересную деталь, а именно — на тавтологию в данном понятии. Законодатель употребляет три однокоренных слов подряд: соглашение, соглашение, согласуют [2, с. 731]. Этот факт, по ее мнению, не дает более полно раскрыть понятие досудебного соглашения о сотрудничестве.

В-четвертых, Н. Н. Ковтун и И. С. Ковтун в своем исследовании особенно подробно критикуют легальное определение досудебного соглашения о сотрудничестве, считая его крайне неудачным и указывая, что важными элементами любого соглашения являются:

- 1) взаимное согласие сторон и договоренность по предмету и условию договора;
- 2) взаимовыгодные отношения сторон;
- 3) взаимные права и обязанности.

В выше рассмотренных ими элементах, они выделяют пробел в вопросе прав и обязанностей сторон. Также затрагивают вопрос ответственности — санкции предусмотрены только в отношении обвиняемого, хотя они приводят множество примеров из юридической практики, когда прокурор не всегда верно соблюдал условия соглашения.

Целесообразно привести конкретные примеры для понимания данной проблемы:

1. Обвиняемый по пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ заявил ходатайство о заключении им досудебного соглашения о сотрудничестве. Предметом соглашения было: содействие в раскрытии другого убийства, совершенного обвиняемым в прошлом. Прокурор, понимая, что данное соглашение не подпадает под действие норм 40.1 Уголовно-процессуального кодекса, осознанно заключил с обвиняемым досудебное соглашение о сотрудничестве. Несмотря на активное участие обвиняемого в расследовании и следственных действиях, ему предъявили обвинение по каждому из раскрытых убийств и прекратили досудебное соглашение о сотрудничестве из-за нарушения предмета и условий данного соглашения. Суд приговорил его к пожизненному лишению свободы. Прокурор за заключение изначально незаконного соглашения к ответственности был не привлечен [3, с. 91].

2. После активного содействия в расследовании, прокурор не внес в суд представление с ходатайством о реализации особого порядка судебного разбирательства, а досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено.

Это привело к тому, что дело было рассмотрено в общем порядке и смягчающие обстоятельства не были учтены. Прокурор также не привлекался за это к какой-либо ответственности [4, с. 92].

Верховный Суд Российской Федерации в данных делах не усмотрел нарушений законодательства или прав сотрудничающих по делу обвиняемых.

Н. Д. Савушкин [5, с. 478] определяет досудебное соглашение интересным термином — дача показаний обвиняемым. Но другими исследователями считается, что это совсем неправильная попытка охарактеризовать данное понятие.

Соответственно, исходя из всех выделенных исследователями фрагментов неточной формулировки, стоит дать более полное определение досудебного соглашения о сотрудничестве.

Например, В. В. Кучерявая дает очень полное и правильное определение, с которым можно согласиться: «Досудебное соглашение о сотрудничестве — это процессуальное соглашение, заключаемое между стороной обвинения и обвиняемым, условиями которого являются активное содействие последнего органам следствия в раскрытии преступлений и изобличении лиц, их совершивших, в том числе и его соучастников, при надлежащем исполнении и соблюдении которых обвиняемый может рассчитывать на смягчение назначаемого ему наказания при вынесении судом приговора в особом (упрощенном, ускоренном) порядке» [6, с. 734].

В. М. Степашин [7, с. 135] также указывает, что в понятии обязательно нужно обозначить, что действия обвиняемого направлены на выполнение обязательств для того, чтобы ему уменьшили срок размера наказания, чтобы раскрыть суть поощрения лица, который изъявил желание содействовать расследованию.

При рассмотрении научной литературы на тему понятия досудебного соглашения о сотрудничестве, стоит отметить, что некоторые процессуалисты довольно часто именуют его как «сделка с правосудием». Такое обозначение раскрывает правовую природу данного института с призыва его договорного характера. Это — первая позиция понимания правовой природы данного института.

Я. В. Лошкобанова дает подобное определение характеристики досудебного соглашения о сотрудничестве: «Досудебное соглашение является исключительно односторонней сделкой, в которой обязательства обвиняемого имеют добровольный характер, а обязательства стороны обвинения наступают только в случаях, предусмотренных законом» [8, с. 73]. В своей работе она отмечает, что Н. М. Хромова также поддерживает подобную точку зрения, утверждая, что досудебное соглашение о сотрудничестве — это ни что иное, как сделка.

Существует и другая позиция, вторая, ее сторонники опровергают аргументы оппонентов, утверждая, что данное соглашение не может быть сделкой, так как это противоречит принципам публичности уголовного судопроизводства, а также сделка предполагает наличие вза-

имных прав, обязанностей и ответственности, чего, как указывалось выше, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве быть не может.

Сторонники второй позиции рассматривают указанное соглашение как основание смягчения наказания, так как уголовное дело с заключенным досудебным соглашением о сотрудничестве в судебном заседании будет рассматриваться в особом порядке.

Такая точка зрения прочно укрепилась у А. В. Боярской, которая предлагает выделить досудебное соглашение о сотрудничестве как одно из оснований смягчения наказания, о чем в своей работе упоминает Л. М. Бабкин [9, с. 22].

Кто-то из сторонников данной позиции, например, Ю. В. Кузьмичева [10, с. 130], считает, что указанное соглашение противоречит принципам уголовного и уголовно-процессуального законодательства, и его стоит оставить лишь как относительно эффективную меру по борьбе с преступностью.

Тем не менее, существует и третья позиция понимания правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве, например, ее сторонником является М. В. Головин, о чем упоминает в своей работе В. В. Кучерявая [11, с. 732]. По их мнению, данное соглашение является процессуальным документом, закрепляющим совместную работу сторон обвинения и защиты в расследовании.

Их позицию подкрепляет, как обозначила В. В. Кучерявая, п. 1.8 приказа Генеральной Прокуратуры Российской Федерации от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам», в котором используется следующая формулировка: «...подготовка досудебных соглашений о сотрудничестве и иных процессуальных документов...» [12, с. 732].

Осталась лишь самая малочисленная позиция, четвертая, суть которой в том, что досудебное соглашение о сотрудничестве — это раскаяние обвиняемого. О. В. Филатова и С. С. Ключников [13, с. 195] считают это позитивным постпреступным поведением лица, который совершил преступление. Он также настоятельно предлагает выделить данное соглашение в основание, смягчающее наказание.

Я. М. Плюшкина в своей работе также рассматривает данное соглашение как одно из проявлений компенсаторной модели в российском уголовном судопроизводстве. Она отмечает, что оно позволяет добровольно и мирно урегулировать конфликт, возникший в ходе совершения преступления, посредством добровольного сотрудничества подозреваемого (обвиняемого) со следствием [14, с. 101].

Исходя из аргументов сторонников различных позиций, можно прийти к мнению, что правовая природа досудебного соглашения о сотрудничестве вызывает споры среди исследователей в связи с его расплывчатым определением, не дающим более четкого понимания.

Более убедительными были исследователи, выделяющие соглашение как сделку или основание смягчения наказания, именно с их мнением следует согласиться, ведь они ярко указывают на особенности данной процедуры, раскрывают важнейшие ее составляющие.

Подводя итог, можно сделать выводы о том, что легальное понятие досудебного соглашения о сотрудниче-

стве нужно расширить, чтобы иметь возможность точного определения правовой природы данного соглашения. Например, упоминаемый выше отличный расширенный вариант легального определения от В. В. Кучерявой, в себе затрагивает позиции исследователей, которые относят досудебное соглашение о сотрудничестве к сделке или основанию смягчения наказания.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г.: [в ред. от 8 марта 2026 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации. — ст. 5.
2. Кучерявая, В. В. Понятие и правовая природа досудебного соглашения о сотрудничестве, его значение для участия заключившего его лица / В. В. Кучерявая // Флагман науки. — 2023. — № 9(9). — С. 731.
3. Ковтун, Н. Н. Об истинной правовой природе института досудебного соглашения о сотрудничестве: коллизии закона, доктрины и практики / Н. Н. Ковтун, И. С. Ковтун // Российский правовой журнал. — 2020. — № 1. — С. 91.
4. Ковтун, Н. Н. Об истинной правовой природе института досудебного соглашения о сотрудничестве: коллизии закона, доктрины и практики / Н. Н. Ковтун, И. С. Ковтун // Российский правовой журнал. — 2020. — № 1. — С. 92.
5. Савушкин, Н. Д. Досудебное соглашение о сотрудничестве в Российском уголовном процессе / Н. Д. Савушкин // Аллея науки. — 2021. — Т. 1, № 4(55). — С. 478.
6. Кучерявая, В. В. Понятие и правовая природа досудебного соглашения о сотрудничестве, его значение для участия заключившего его лица / В. В. Кучерявая // Флагман науки. — 2023. — № 9(9). — С. 734.
7. Степашин, В. М. Исследование уголовно-правовых аспектов института досудебного соглашения о сотрудничестве / В. М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2022. — Т. 19, № 3. — С. 135.
8. Горнышкова, А. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа и проблемы правового регулирования / А. М. Горнышкова, А. А. Подопригора // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2023. — № 11(87). — С. 73.
9. Бабкин, Л. М. Отдельные вопросы досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве / Л. М. Бабкин, С. В. Булатецкий // Центральный научный вестник. — 2017. — Т. 2, № 14(31). — С. 22.
10. Кузьмичева, Ю. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: сделка с правосудием или осознанная необходимость? / Ю. В. Кузьмичева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2019. — № 7-2. — С. 130.
11. Кучерявая, В. В. Понятие и правовая природа досудебного соглашения о сотрудничестве, его значение для участия заключившего его лица / В. В. Кучерявая // Флагман науки. — 2023. — № 9(9). — С. 732.
12. Кучерявая, В. В. Понятие и правовая природа досудебного соглашения о сотрудничестве, его значение для участия заключившего его лица / В. В. Кучерявая // Флагман науки. — 2023. — № 9(9). — С. 732.
13. Филатова, О. В. Проблема определения правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе / О. В. Филатова // Обществознание и социальная психология. — 2022. — № 9-2(39). — С. 195.
14. Плошкина, Я. М. Правовая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве / Я. М. Плошкина // Криминалист. — 2024. — № 2(47). — С. 101.

Сравнительно-правовой анализ регулирования ответственности за нецелевое использование бюджетных средств в законодательстве зарубежных стран

Гавриш Арина Евгеньевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье представлен сравнительно-правовой анализ регулирования ответственности за нецелевое использование бюджетных средств в законодательстве России, Германии, Франции и Казахстана. На основе данных контрольных органов за 2024–2025 годы выявляются общие тенденции и особенности квалификации бюджетных правонарушений в раз-

личных правовых системах. Особое внимание уделяется различию подходов к определению нецелевого использования: формализованной модели, характерной для российского законодательства, и принципу экономической эффективности, лежащему в основе германского регулирования. По итогам исследования обосновывается необходимость использования отдельных элементов зарубежного опыта для совершенствования российского бюджетного законодательства.

Ключевые слова: бюджетные средства, нецелевое использование, сравнительное правоведение, зарубежное законодательство, финансовый контроль, эффективность бюджетных расходов.

Проблема нецелевого использования публичных финансов характерна практически для всех государств вне зависимости от уровня их экономического развития или особенностей политической системы. Российская практика последних лет демонстрирует усиление внимания государства к вопросам контроля за движением бюджетных средств. Так, результаты проверок контрольных органов показывают, что только за 2025 год в ряде регионов были выявлены многочисленные нарушения бюджетного законодательства. Например, в Олхонском районе установлено 14 случаев нецелевого расходования средств на сумму около 1,3 млн рублей [5], в Казани общий объем финансовых нарушений превысил 1 млрд рублей [2], а в Мурманске из 170 млн рублей выявленных нарушений 67 млн были связаны с неэффективным использованием средств [3].

Приведенные данные говорят о значительном масштабе проблемы, однако важно подчеркнуть, что подобные нарушения характерны не только для России. В той или иной степени, с ними сталкиваются практически все государства. В этой связи особый интерес представляет анализ зарубежного опыта регулирования ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, который может быть полезен при совершенствовании отечественного законодательства и правоприменительной практики.

Обращение к зарубежным моделям обусловлено и тем, что практика финансового контроля показывает ограниченную эффективность исключительно карательных мер. Так, при значительных объемах выявленных нарушений реальные суммы штрафов или возвращенных средств зачастую оказываются сравнительно небольшими. В этом контексте представляет интерес опыт ряда государств, в частности Германии, Франции и Казахстана, где сформировались различные подходы к регулированию ответственности за нарушения бюджетной дисциплины.

В российском законодательстве ответственность за нецелевое использование бюджетных средств регулируется, прежде всего, статьей 306.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также статьей 15.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьей 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Основопологающим является принцип целевого характера бюджетных средств, закрепленный в статье 38 БК РФ. Вместе с тем российская модель во многом носит формализованный характер: основанием для признания расходования средств нецелевым может стать несоответствие произведенного расхода установленным кодам бюд-

жетной классификации или целям, закрепленным в смете либо соглашении о предоставлении средств.

Для оценки эффективности такого подхода представляется целесообразным обратиться к зарубежному опыту регулирования аналогичных отношений. Представим их в сравнительной таблице 1.

В Германии регулирование данной сферы строится на несколько иных принципах. В немецком бюджетном праве ключевое значение имеют принципы экономичности и рационального использования публичных средств (*Wirtschaftlichkeit und Sparsamkeit*), закрепленные в §7 Федерального бюджетного положения (*Bundeshaushaltsordnung*). В отличие от российского законодательства, здесь отсутствует прямой аналог нормы о нецелевом использовании бюджетных средств. Нарушения в сфере расходования публичных финансов, как правило, квалифицируются либо как дисциплинарные проступки государственных служащих, либо как уголовные преступления при наличии признаков злоупотребления доверием, предусмотренного §266 Уголовного кодекса Германии.

Особенность германской модели заключается в том, что бюджетный контроль интегрирован в общую систему управления публичными финансами. В центре внимания находится не столько формальное соответствие расходов установленным кодам или сметным статьям, сколько их экономическая обоснованность и целесообразность. Например, если должностное лицо муниципалитета принимает решение о финансировании работ, не предусмотренных утвержденным бюджетным планом, его действия могут быть квалифицированы как превышение полномочий. Такая модель позволяет более гибко реагировать на нарушения и сосредоточить внимание на реальном ущербе публичным финансам.

Интерес представляет и французская система финансового контроля, отличающаяся четким разграничением полномочий участников бюджетного процесса. В соответствии с французским законодательством функции распоряжения бюджетными средствами и их бухгалтерского учета разделены между двумя субъектами — распорядителем средств (*ordonnateur*) и государственным бухгалтером (*comptable public*). Распорядитель принимает решение о совершении расхода, тогда как бухгалтер обязан проверить законность данного решения и правильность оформления платежных документов.

Если бухгалтер осуществляет платеж, который очевидно противоречит установленным целям расходования средств, он может быть привлечен к персональной финан-

Таблица 1. Сравнительно- правовая характеристика ответственности за нецелевое использование бюджетных средств в разных странах

Страна	Нормативная база	Виды ответственности	Субъекты ответственности	Особенности квалификации
Россия	Ст. 306.4 БК РФ, ст. 15.14 КоАП РФ, ст. 285.1 УК РФ	Административная (штраф до 50 тыс. руб. на должностных лиц, до 25 % от суммы нецелевки на юрлиц); уголовная (штраф до 300 тыс. руб. либо лишение свободы до 5 лет); бюджетные меры принуждения (бесспорное взыскание, приостановление операций)	Получатели бюджетных средств, главные распорядители, должностные лица	Формальный подход: достаточно несоответствия кода расхода целям, указанным в документах
Германия	Параграф 30 ВНО (Федеральное бюджетное положение), Уголовный кодекс ФРГ (§ 266 — злоупотребление доверием)	Административная (возврат средств); дисциплинарная (для госслужащих); уголовная — за особо тяжкие нарушения (лишение свободы до 5 лет)	Должностные лица, распорядители бюджетных средств, юридические лица (в рамках административных процедур)	Акцент на экономическую эффективность и целесообразность, а не только на формальное соответствие
Франция	Финансовый закон (LOLF), Кодекс финансовых судов	Финансовая (перед Счетным судом); административная; уголовная	Распорядители бюджетных средств, бухгалтеры (разделение функций распорядителя и бухгалтера)	Жесткое разделение ответственности: распорядитель отвечает за законность, бухгалтер — за правильность платежей
Казахстан	Бюджетный кодекс РК (ст. 125, 221–222), КоАП РК (ст. 237), УК РК (ст. 220)	Административная (штрафы); уголовная (до 7 лет лишения свободы); бюджетная (приостановление финансирования)	Администраторы бюджетных программ, получатели средств, должностные лица	В 2024–2025 годах выявлены массовые нарушения в АПК и образовании, включая фиктивные поставки скота и приписки учащихся

совой ответственности перед Счетным судом Франции (Cour des comptes). Такая модель создает своеобразный механизм взаимного контроля: распорядитель не может реализовать расход без участия бухгалтера, а бухгалтер, в свою очередь, несет личную ответственность за проведение незаконного платежа. Подобная система способствует повышению дисциплины в сфере бюджетных расходов и снижает риск злоупотреблений.

Определенный интерес представляет также опыт Республики Казахстан, правовая система которой исторически формировалась под влиянием российской модели бюджетного регулирования. В последние годы казахстанские контрольные органы выявили ряд сложных схем неправомерного получения бюджетных средств, что потребовало усиления мер ответственности. В частности, были установлены случаи фиктивной реализации сельскохозяйственного скота между получателями субсидий с целью многократного получения бюджетного финансирования. Фиксировались ситуации, когда оборудование и иные материальные ценности, оплаченные за счет государственных субсидий, либо не поставлялись вовсе, либо поставлялись в значительно меньшем объеме.

В казахстанском уголовном законодательстве ответственность за нецелевое использование бюджетных

средств закреплена в статье 220 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Санкции за данное преступление достаточно строгие и могут предусматривать лишение свободы на срок до семи лет. При этом правоприменительная практика ориентирована преимущественно на пресечение именно умысленных схем незаконного получения бюджетных средств, тогда как технические ошибки в финансовой отчетности не рассматриваются как основание для применения наиболее строгих санкций.

Анализируя российскую практику, следует отметить, что значительная часть выявляемых нарушений связана не с прямым хищением бюджетных средств, а с ошибками в бухгалтерском учете и финансовой отчетности. Так, в ряде муниципальных образований значительная доля нарушений обусловлена неправильным применением кодов бюджетной классификации и иных учетных показателей. Подобная ситуация свидетельствует о том, что чрезмерно формализованный подход к квалификации нецелевого использования средств может приводить к смещению акцента финансового контроля: вместо выявления серьезных злоупотреблений значительные ресурсы контрольных органов расходуются на проверку технических ошибок.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сформулировать несколько выводов.

Во-первых, зарубежная практика демонстрирует, что эффективная система противодействия нецелевому использованию бюджетных средств должна быть ориентирована не только на формальное соблюдение бюджетных процедур, но и на оценку экономической обоснованности расходов.

Во-вторых, французская модель разграничения полномочий распорядителя средств и бухгалтера может рассматриваться как эффективный механизм предотвращения нарушений еще на стадии осуществления платежа.

В-третьих, опыт Казахстана показывает, что усиление ответственности целесообразно прежде всего в отношении умышленных схем неправомерного получения бюджетных средств, тогда как технические ошибки в финансовом учете требуют иных правовых механизмов реагирования.

В целом можно сделать вывод о том, что совершенствование российского законодательства в данной сфере должно быть направлено не столько на дальнейшее ужесточение санкций, сколько на развитие более гибких механизмов финансового контроля.

Литература:

1. Алибекова, А. Т. Бюджетно-правовая ответственность в Республике Казахстан и Российской Федерации: сравнительная характеристика / А. Т. Алибекова // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 3. — С. 67–71.
2. В бюджете Казани выявили нарушения на миллиард рублей / А. Соловьев [Электронный ресурс] // Вечерняя Казань: сайт. — 26.02.2026. — URL: <https://www.evening-kazan.ru/ekonomika/news/v-byudzhete-kazani-vyyavili-narusheniya-na-milliard-rublei> (дата обращения: 07.03.2026).
3. Грибова, Е. Контрольно-счетная палата Мурманска выявила нарушения на 170 млн рублей / Е. Грибова [Электронный ресурс] // Вечерний Мурманск: сайт. — 28.02.2026. — URL: https://vmnews.ru/nov_22/2026/02/28/kontrolno-schetnaya-palata-murmanska-vyyavila-narusheniy-na-170-mln-rublei (дата обращения: 07.03.2026).
4. За три года донская контрольно-счетная палата выявила нарушений на 12,3 млрд руб. [Электронный ресурс] // Деловая Газета.Юг: сайт. — 19.02.2026. — URL: <https://www.dg-yug.ru/news/20231397.html> (дата обращения: 07.03.2026).
5. Контрольно-счетная палата Ольхонского района. Отчет о деятельности за 2025 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Контрольно-счетной палаты Ольхонского района. — 01.02.2026. — URL: <http://olkhon.irksp.ru/?p=2950> (дата обращения: 07.03.2026).
6. Парадовская, П. КСП Тамбовской области выявила нарушений на 523 млн рублей по итогам 2025 года / П. Парадовская [Электронный ресурс] // Abireg.ru: сайт. — 26.02.2026. — URL: <https://abireg.ru/newsitem/112562/> (дата обращения: 07.03.2026).
7. Поветкина, Н. А. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства: опыт Франции и перспективы для России / Н. А. Поветкина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2023. — № 4. — С. 45–53.
8. Покачалова, Е. В. Публичные финансы в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ / Е. В. Покачалова // Финансовое право зарубежных стран: сборник научных трудов. — Москва: Юриспруденция, 2021. — С. 112–128.

Правовой статус ИИ-систем в финансовом мониторинге: субъектность алгоритмов в противодействии отмыванию денег

Галузинская Диана Вячеславовна, студент;

Паршина Анастасия Алексеевна, студент

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В статье разбираются вопросы обеспечения правового статуса ИИ-систем в рамках проведения финансового мониторинга. Изучается взаимосвязь между современными цифровыми технологиями и схемами отмывания денег, что усложняет процессы финансового мониторинга.

Ключевые слова: ИИ-системы, цифровые технологии, отмывание денег, противодействие отмыванию денег, мониторинг и контроль.

Legal status of AI systems in financial monitoring: the subjectivity of algorithms in combating money laundering

This article examines the legal status of AI-systems in financial monitoring. It examines the relationship between modern digital technologies and money laundering schemes, which complicates financial monitoring processes.

Keywords: AI-systems, digital technologies, money laundering, anti-money laundering measures, monitoring and control.

Современные цифровые технологии все больше внедряются во все сферы жизни общества, в том числе, и в финансовый сектор. Так, крупные банки используют ИИ-системы для скоринга заявок на одобрение кредита, рассчитывают кредитные суммы с помощью специальных калькуляторов, работают с чат-ботами и т. д. Соответственно, финансовый мониторинг уже на сегодняшний день реализуется на базе функционирования цифровых технологий.

Хоть и цифровизация происходит во многих финансовых процессах, не существует должной правовой регуляции по внедрению ИИ-систем, что делает данный вопрос закрытым на уровне коммерческих структур. Отсутствие регулируемости данного вопроса определяется тем, что противодействие отмыванию денег может реализовываться недостаточно эффективно, так как ИИ-системы могут не выявить нарушение закона, и не учитывать признаки мошеннических действий, которые могут быть определены человеком.

Законодателем предлагается регулировать отношения, связанные с использованием ИИ-систем. Уже существует проект Федерального Закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в РФ», который вступит в силу с 01.09.2027 г. Данный проект будет определять правовое регулирование отношений, связанных с применением технологий искусственного интеллекта, а также терминологию, признаки, особенности его использования и т. д. [1]

В финансовой сфере следует выделить Информационное письмо Банка России от 9 июля 2025 г. N ИН-016–13/91 «О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке», которое определяется рекомендательным характером использования данных технологий в банковском секторе. В документе определяются принципы использования ИИ-систем в банковских учреждениях, что не дает существенной законодательной проработке вопроса [2].

Между тем, финансовый мониторинг развивается за счет применения ИИ-систем. Так, например, с помощью ИИ-систем, банки могут «проводить анализ транзакций в режиме реального времени, выявляя аномалии и признаки возможных нарушений. Актуальность проблемы связана с интенсивным развитием цифровых финансовых услуг, в том числе операций с виртуальными активами, что существенно повышает вероятность финансовых преступлений» [3, с. 178].

Следует определить признаки отмывания денег и схемы, связанные с обходом систем финансового мониторинга, где присутствует искусственный интеллект. В первую очередь, ИИ-системы работают с огромным количеством информации, которая может быть доступна для мошенников при утечке данных. На рисунке 1 следует изучить количество инцидентов, связанных с утечками данных из денежно-кредитной сферы в России:

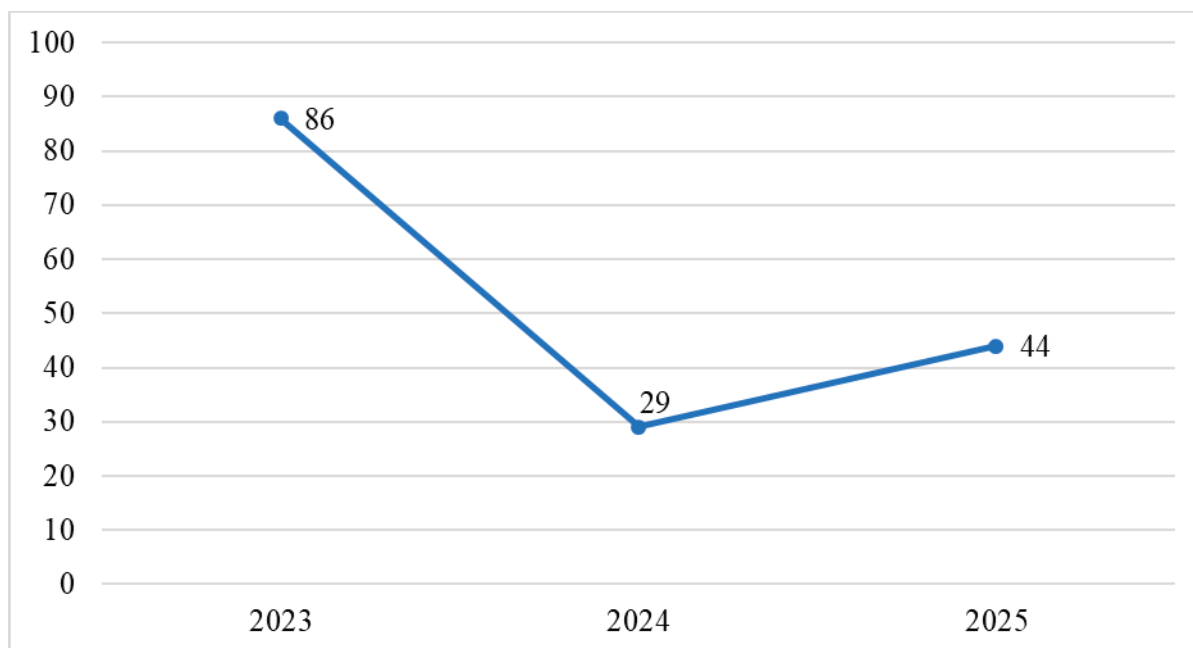

Рис. 1. Утечки данных из финансовых организаций, кол-во инцидентов, 2023–2025 гг. [6]

Исходя из статистических данных, мошенниками были получены более 77 млн строк, содержащих персональную информацию о клиентах финансовых учреждений. Эта

информация, в дальнейшем может быть использована для отмывания денег и прочих неправомерных мероприятий. При этом, каждое шестое нарушение было спровоциро-

вано действиями персонала финансовых организаций, что определяет необходимость введения правовой ответственности для подобных лиц [6].

Тем самым, мошенники могут использовать данные клиентов, получая за них денежные средства от финансовых организаций, и ИИ-система не всегда может распознать нарушения.

Даровская М. В. определяла факт того, что «ИИ-системы в ПОД/ФТ оперируют чувствительными персональными данными, что вызывает дополнительные правовые вопросы» [4, с. 195].

В первую очередь, по мнению Ильина А. В., законодательство в области ИИ-мониторинга следует развивать в «системе внутреннего контроля в целях ПОД/ФТ в субъектах первичного финансового мониторинга, развивая также надзорную деятельность со стороны государственных органов в отношении поднадзорных организаций, осуществляющих операции с денежными

средствами или иным имуществом, а также развивая аналитическую деятельность подразделений, связанных с финансовым мониторингом» [5, с. 60].

Субъективность алгоритмов также определяется усиленностью искажения в данных при скоринге, что может также отражаться на более строгий отбор и дискриминацию потенциального потребителя. Соответственно, при использовании ИИ-систем, финансовые организации могут терять потенциальных клиентов, хотя они и смогут избавляться от определенных рисков от них.

Тем самым, следует не просто развивать рекомендации ЦБ РФ и Федеральные Законы. Нужно также закреплять ответственность для людей, которые пытаются обмануть ИИ-систему как со стороны лиц, принимающих решения в финансовых организациях, так и мошенников в целом. Следует развивать нормы административного и уголовного права, совершенствуя правовые последствия для всех участников схем по отмыванию денег в финансовых организациях.

Литература:

1. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (подготовлен Минцифры России, ID проекта 02/04/03–26/00166424).
2. Информационное письмо Банка России от 9 июля 2025 г. N ИИ-016–13/91 «О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке»
3. Даровская М. В. Правовой статус автоматизированных систем мониторинга подозрительных операций в банках: риски и регуляторные подходы // Молодой ученый. — 2025. — № 52 (603). — С. 177–180.
4. Даровская М. В. Правовые вызовы и возможности применения ИИ-систем в деятельности кредитных организаций в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Молодой ученый. — 2025. — № 48 (599). — С. 192–197.
5. Ильин А. В. Прикладной искусственный интеллект как фактор развития системы финансового мониторинга // Учет и статистика. — 2023. — № 3(20). — С. 58–66.
6. В 2025 году 44 финансовые организации допустили потерю клиентских данных. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8442735>

Тактика допроса подозреваемого при расследовании убийств, связанных с исчезновением человека

Гамаюнова Ксения Денисовна, студент магистратуры;

Фомиченко Дарья Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье авторы проводят анализ законодательства Российской Федерации и разбор тактических приемов при допросе.

Ключевые слова: допрос, подозреваемый, тактические приемы, особенности, исчезнувший потерпевший, доказательства.

Допрос подозреваемого регулируется Конституцией РФ, Уголовно-процессуальным кодексом (УПК) и соответствующими разъяснениями высших судебных инстанций. Конституция гарантирует каждому обви-

няемому презумпцию невиновности (ст. 49) и право на защиту, в том числе посредством адвоката (ст. 48). Статья 51 Конституции РФ прямо закрепляет, что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга

и близких родственников» [1]. Это означает, что следователь обязан информировать подозреваемого о праве хранить молчание и право на адвоката; отказ воспользоваться этими правами не должен использоваться против него.

УПК РФ предусматривает процедуру постановления о подозрении (ст. 102) и права подозреваемого при допросе: ему оглашаются обвинение и предъявляемые ему обстоятельства, он вправе не отвечать на вопросы и пользоваться правом на защиту. Статья 189 УПК устанавливает общие правила допроса: запрещается задавать наводящие вопросы, в остальном следователь свободен в выборе тактики допроса [2]. Законом также допускается аудио- и видеозапись допроса (по инициативе следователя или по ходатайству стороны), что особенно актуально в делах без тела: запись дает возможность затем подтвердить законность процесса и отсутствие принуждения. Иными словами, следователь может фиксировать ход допроса на видео и аудио, что зачастую способствует объективности и прозрачности следственных действий.

Кроме того, в расследовании убийства без тела важна судебно-экспертная деятельность. Статья 79 УПК обязывает назначать все необходимые экспертизы для установления обстоятельств дела. Хотя труп отсутствует, эксперт может исследовать «материалы дела» (ст. 10 Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности»), например, показания свидетелей, улики биологического характера, результаты следственных экспериментов. Конституционный Суд РФ подтвердил, что использование материалов дела (в том числе экспертных заключений на их основе) в отсутствие трупа не нарушает права обвиняемого. Вместе с тем Постановление Пленума ВС РФ № 55 от 29.11.2016 «О судебном приговоре» напоминает о высоком стандарте доказывания: обвинительный приговор может быть вынесен лишь при доказанной «вне всяких сомнений» виновности подсудимого, все неустранимые сомнения трактуются в его пользу [5]. Таким образом, законодательно установлено, что при допросе подозреваемого необходимо соблюдать его конституционные права, тщательно фиксировать ход беседы и опираться на совокупность доказательств, а не на догадки.

Особенности допроса при отсутствии тела потерпевшего

В деле об исчезновении человека, предположительно убитого, отсутствуют ключевые свидетельства — прежде всего тела и результатов судебно-медицинской экспертизы. Это требует изменения акцента следственных действий. При недостаточности данных о смерти, следователь должен прежде всего проверить все объяснимые причины исчезновения: выяснить, не находится ли человек живым (есть ли сведения о его задержании полицией, травме на работе, медицинском лечении, командировке и т. п.). Только после тщательной проверки всех возможных версий (вплоть до розыска по фактическому адресам родственников) при отрицательных результатах

появляется основание квалифицировать происшествие как убийство и возбудить дело.

На практике отсутствие трупа заставляет следователя уделять особое внимание косвенным признакам преступления. Например, выясняют обстоятельства конфликта подозреваемого и жертвы, опрашивают свидетелей о последних встречах, проверяют телефонные и транспортные данные. Часто в подобных делах мотив преступления и поведение подозреваемого («лихорадочное» уничтожение улик, угрозы в адрес родных пропавшего) становятся важными уликами. Весьма характерно, что при исчезновении совместно проживавших людей заявители часто не сообщают о возможном убийстве (полагая, что это грубое предположение) [13], а подозрения впервые возникают извне (например, знакомыми или родственниками). Это требует от следователя особой деликатности: допросить свидетелей и родственников необходимо с тактом, чтобы не спугнуть важную информацию.

С точки зрения криминалистики, в делах «без тела» главное доказать сам факт убийства и его виновного, что возможно только на основе совокупности косвенных доказательств. В практической деятельности Верховного Суда отмечено, что отсутствие трупа само по себе не отменяет вывод о виновности, если «вывод суда основан на совокупности исследованных доказательств: протоколе осмотра места происшествия, заключении экспертов, показаниях свидетелей, а также на признательных показаниях подозреваемых на предварительном следствии». Вместе с тем эксперты настаивают: при отсутствии тела приговор основан на неизбежных допущениях и неустраняемых сомнениях, что противоречит требованию ч. 3 ст. 14 УПК об интенсификации презумпции невиновности [7].

Тактические приёмы допроса подозреваемого

Эффективный допрос любого участника процесса, особенно подозреваемого, требует от следователя высокого тактического мастерства. Производство допроса требует «высокой общей и профессиональной культуры, глубокого знания психологии личности и мастерского владения тактико-криминалистическими приёмами». Тактика всегда строится с учётом позиции допрашиваемого и ситуации: каждый подозреваемый может вести себя бесконфликтно или скандально, отрицающим или частично признающим вину. В соответствии с этим «следователь должен выбирать тактически обоснованную линию поведения, направленную на закрепление получаемых сведений или преодоление сопротивления».

Один из базовых приёмов — установление психологического контакта. Следователь сначала строит разговор на общих темах (биография, привычки, возможности) и лишь затем переходит к обстоятельствам преступления. В начале допроса полезно использовать подробные открытые вопросы, чтобы расположить подозреваемого к откровенности, а затем постепенно сужать кон-

текст. Важно формулировать вопросы от общего к частному и так, чтобы подозреваемый не понимал заранее «выгодный» для него ответ. Нельзя задавать наводящие вопросы (по УПК), но следует тщательно планировать очередность тем: после вступительных вопросов последовательно уточняются детали исчезновения потерпевшего (дата, место, обстоятельства последней встречи, мотивы и пр.). Такой подход позволяет выявить логические несоответствия и точки соприкосновения с другими доказательствами.

При допросе следует использовать весь арсенал тактических приёмов криминалистики: создание ситуации неотвратимости наказания (лишь вопрос времени, когда правда всплывёт), «провокация» возражений у подозреваемого (для перехода его в защитную позицию и вынуждения говорить), наведение таких вопросов, ответы на которые могут вывести на интересующую информацию, формирование у обвиняемого впечатления, что следствие владеет чем-то важным (например, установлены какие-то факты, косвенно известные лишь криминалистам). При этом важно сочетать психологические приёмы со строгим контролем протокола: подозреваемый должен видеть объективность процесса (например, фиксируется видеозапись без давления).

Особую роль играют приёмы, связанные с проверкой противоречий. Если подозреваемый частично признаёт факт исчезновения жертвы, но отрицает свою причастность, следователь задаёт встречные вопросы, противопоставляя его показания свидетельским и материальным данным. Полезно заранее подготовить вопросы на основе иных собранных улик: «Если Вы не виновны, то кто?» или «Как объяснить найденные улики?» — такие вопросы могут вывести подозреваемого из позиции отрицания. При допросе лиц, ссылающихся на алиби, следователь действует особенно осторожно и методично. Как отмечалось, «тактика допроса подозреваемого, который отрицает свою причастность и утверждает, что в это время находился в другом месте, является достаточно специфичной. Следователю с целью проверки алиби следует подробно допросить подозреваемого обо всех обстоятельствах, непосредственно связанных с выдвигаемым алиби». Необходимо выяснить, где он находился, с кем, сколько времени провёл, кто его видел, кому он рассказывал о своих планах. После допроса самого подозреваемого следователь незамедлительно опрашивает всех свидетелей, на которых тот сослался, сравнивает их показания с его и с другими данными. Вопросы при этом задаются так, чтобы не подсказывать выгодный ответ, а следователь, при необходимости, организует следственный эксперимент — например, проверяет физическую возможность указанных подозреваемым передвижений [9].

Кроме того, следователь может планировать так называемые совместные следственные действия: например, привлечение эксперта-психолога для оценки правдоподобия показаний, проведение очной ставки с иными подозреваемыми или свидетелями, экспериментальные

проверки версий. Использование тактических приёмов неразрывно связано с фазой подготовки допроса: сбор фактов, анализ материала дела и предвосхищение ответов позволяют «выстроить» допрос как последовательный разговор, при котором каждая новая тема базируется на предыдущих ответах подозреваемого.

Типичные ошибки и трудности при допросе

При всех перечисленных приёмах их практическое применение часто осложняется ошибками следователя. Одной из основных является недостаточная подготовка: отсутствие чёткого плана допроса, поспешное начинание, не учёт специфики личности подозреваемого, игнорирование его психологических особенностей. Как отмечают исследователи, часто «не учитываются психологические особенности, процессуальное положение, возраст допрашиваемого». Например, при допросе пожилого обвиняемого или человека с травмой мозга стандартная методика может не сработать, и это приводит к упущению важных деталей.

Распространённые ошибки включают игнорирование права подозреваемого на адвоката (например, недооценка слов адвоката во время допроса или давление на подозреваемого при его наличии), а также нарушение допросной этики: громкий тон, запугивание или, наоборот, излишнее дружелюбие («флирт» следователя) могут исказить показания или вызвать протест и отказ от дачи показаний. Криминалисты подчёркивают правило: «Твёрдость — без грубости, внимание — без заигрывания». Без соблюдения этого баланса допрос рискует стать непродуктивным — подозреваемый может замкнуться в себе или начать врать.

Особая трудность при расследовании «без тела» — это проверка версий, выдвинутых подозреваемым. Тактика требует полного и всестороннего допроса по всем обстоятельствам дела: при наличии алиби следователь обязан объективно проверить все названные доводы, иначе, как отмечалось, отказ в проверке алиби будет рассматриваться как нарушение конституционных прав подозреваемого.

Другим распространённым промахом является недостаточный анализ противоречий в показаниях. Если улики противоречат словам подозреваемого или его предполагаемому алиби, следователь должен озвучить эти противоречия и настойчиво добиваться разъяснений. Промолчание о расхождениях или «сглаживание» вопросов может оставить в деле «слабые места» и открыть путь для сомнений у суда.

В сумме, ошибки следователя — от неподготовленности и плохого планирования до нарушения прав допрашиваемого — заметно снижают эффективность допроса. Например, отсутствие детального расспроса о состоянии жертвы или сокрытии тела может увести следствие по ложному пути. Криминалисты подчёркивают, что результат допроса во многом зависит от объёма собранной информации и навыков следователя. Поэтому в делах «без

тела» крайне важно не упустить ни один факт, который хотя бы косвенно укажет на убийство: мотив, способ, возможное место нахождения тела.

Тщательный и тактически обоснованный допрос подозреваемого играет ключевую роль в расследовании убийств, связанных с исчезновением человека. С учётом сложностей таких дел следователь должен неукоснительно соблюдать требования закона (презумпцию невиновности, права подозреваемого и т. д.) и при этом применять весь комплекс криминалистических приёмов: от установления контакта до анализа противоречий в показаниях. В практике отмечается, что отсутствие тела не

снимает ответственности с преступника при наличии достоверных доказательств, но требует более изощрённой тактики и кропотливости от следователя. Ошибки на допросе могут дорого обойтись делу, поэтому опытные криминалисты призывают к детальной подготовке: изучению личности подозреваемого, выстраиванию логического плана вопросов и координации действий с экспертами и оперативниками. В конечном счёте именно умение следователя сочетать юридическую строгость с психологической проницательностью обеспечивает максимальную эффективность допроса и правомерность результатов расследования.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 25.12.1993.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (послед. изм. и доп. от 31.07.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре».
4. Андроник Н. А., Виноградова О. П. Следственные ошибки при допросе и способы их преодоления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2 (76). С. 97–106.
5. Кравченко В. В. Тактика проверки алиби подозреваемого: квалификационная работа. — Тольятти: Тольятт. гос. ун-т, 2016. — 53 с.
6. Питерцев С. К., Степанов А. А. Тактические приёмы допроса: учебное пособие. — СПб.: Юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2006.
7. Рубинштейн Е. Дело, которого нет: как в России ведут уголовные дела «без тела» // Юридическая практика «Сфера». С. 12–17.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2019 № 2164-О «По жалобе Батищева М. Я». (официальный комментарий).
9. Филющенко А. Н., Гусаков А. Н. Следственная тактика. — Екатеринбург, 1993. — 284 с.

Типичные ошибки при расследовании убийств, связанных с исчезновением человека

Гамаюнова Ксения Денисовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор использует анализ типичных ошибок, допускаемых при расследовании убийств, связанных с исчезновением человека.

Ключевые слова: убийства, связанные с исчезновением человека, следственные ошибки, труп потерпевшего, тактика следственных действий.

Расследование убийств, связанных с исчезновением человека, относится к числу наиболее сложных видов криминалистической деятельности, что обусловлено высокой степенью информационной неопределенности на первоначальном этапе, отсутствием центрального объекта доказывания – трупа потерпевшего, а также активным противодействием расследованию со стороны заинтересованных лиц. Как справедливо отмечает В. О. Захарова,

сложность расследования преступлений, связанных с известным исчезновением граждан, заключается в том, что следователь вынужден действовать в условиях дефицита исходной информации, что неизбежно порождает риск принятия ошибочных процессуальных и тактических решений [1]. Анализ следственной и судебной практики, а также обобщение доктринальных источников позволяют выделить систему типичных ошибок и недостатков,

допускаемых при расследовании данной категории преступлений, которые могут быть классифицированы на несколько групп:

- ошибки, связанные с несвоевременным или некачественным проведением доследственной проверки;
- ошибки при выдвижении и проверке следственных версий;
- ошибки при производстве отдельных следственных действий;
- ошибки в организации взаимодействия с оперативными подразделениями;
- ошибки, приводящие к судебным ошибкам и необоснованному осуждению.

Первая группа ошибок связана с ненадлежащим проведением доследственной проверки по факту исчезновения человека. Как указывают И. А. Завьялов и Е. Л. Красовская Е. Л., проверка сообщения о безвестном исчезновении должна быть незамедлительной, полной и всесторонней, поскольку каждый час, упущенный в первые дни после исчезновения, может привести к невозможной утрате доказательственной информации [2]. Однако на практике нередки случаи, когда следователи формально подходят к проведению проверочных мероприятий, ограничиваясь опросом заявителя и поверхностным осмотром жилища пропавшего, без использования всего арсенала оперативных и криминалистических средств. Особенно остро эта проблема стоит при исчезновении лиц, ведущих асоциальный образ жизни, либо при исчезновении несовершеннолетних из неблагополучных семей. В. О. Захарова в своем исследовании, посвященном ошибкам при установлении обстоятельств безвестного исчезновения несовершеннолетних, подчеркивает, что следователи нередко недооценивают необходимость немедленного проведения осмотра места жительства пропавшего, а также принятие мер к сохранению и изъятию цифровых следов, которые могут содержать ценнейшую информацию о последних контактах и намерениях пропавшего [1].

К числу типичных недостатков доследственной проверки относится также несвоевременное объявление розыска пропавшего. В соответствии с ведомственными нормативными актами, розыск без вести пропавшего должен начинаться незамедлительно, независимо от того, возбуждено уголовное дело или нет. Однако, как показывает практика, нередко следователи ожидают истечения определенного срока (трех суток) либо появления дополнительных признаков, указывающих на криминальный характер исчезновения, прежде чем дать поручение органу дознания о проведении розыскных мероприятий. Такая тактика является ошибочной, поскольку именно в первые часы и дни после исчезновения вероятность обнаружения пропавшего живым или мертвым максимальна.

Вторая группа типичных ошибок связана с выдвижением и проверкой следственных версий. Несмотря на то что в криминалистике разработаны системы типичных версий при исчезновении человека (убийство, самоубийство, несчастный случай, добровольный уход, по-

хищение), на практике следователи нередко ограничиваются одной-двумя версиями, игнорируя иные возможные объяснения. Особенно часто это происходит, когда заявитель или иные лица активно навязывают следствию определенную версию (например, о добровольном уходе или о похищении неизвестными лицами) [3]. Как обоснованно указывает Е. Е. Центров, следователь не должен поддаваться влиянию заинтересованных лиц и обязан выдвинуть все возможные версии, включая контрверсии, опровергающие основную [4]. Игнорирование принципа множественности версий ведет к одностороннему расследованию, когда проверяется лишь то предположение, которое кажется наиболее вероятным, а иные направления остаются неисследованными.

К этой же группе относится ошибка, связанная с преждевременным отказом от проверки версии об убийстве при отсутствии трупа. В ряде случаев следователи, не обнаружив следов насилия в жилище пропавшего и не получив иных прямых доказательств, склоняются к версии о добровольном уходе или несчастном случае и прекращают активные поисковые мероприятия. Однако, как показывает практика, убийства с сокрытием трупа нередко совершаются без следов борьбы (например, во сне, после употребления алкоголя или наркотиков, путем отравления), и отсутствие видимых следов насилия не исключает криминального характера исчезновения. В связи с этим версия об убийстве должна проверяться до тех пор, пока не будут получены убедительные доказательства, исключающие ее.

Третья группа ошибок связана с производством осмотра места происшествия. Осмотр места происшествия по делам о безвестном исчезновении граждан нередко проводится поверхностно, без использования современных криминалистических средств и методов, что ведет к утрате ценной доказательственной информации. К числу типичных недостатков осмотра относятся: необоснованное сужение границ осматриваемой территории; игнорирование возможности обнаружения замкнутых следов крови (отсутствие использования люминесцентных источников света или химических реактивов); непроведение осмотра сантехники, сифонов и труб на предмет наличия биологических остатков; отсутствие изъятия образцов для сравнительного исследования (волос, крови, слюны, отпечатков пальцев пропавшего); ненадлежащая упаковка и опечатывание изъятых объектов.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что следователи недооценивают значение осмотра мест, где предположительно мог быть сокрыт труп. Как показывает практика, поиск трупа или его фрагментов должен начинаться незамедлительно после возбуждения уголовного дела, с привлечением кинологов со служебно-розыскными собаками, георадаров, металлоискателей и иных технических средств. Однако в ряде случаев следователи ограничиваются формальным поручением органу дознания «провести поисковые мероприятия», не контролируя их исполнение и не участвуя в них лично. Такая пассивность

ведет к тому, что труп либо не обнаруживается вовсе, либо обнаруживается спустя длительное время, когда его исследование уже не позволяет установить все обстоятельства смерти.

Четвертая группа ошибок связана с допросом свидетелей и подозреваемых. При допросе свидетелей из числа близких родственников пропавшего следователи нередко ограничиваются общими вопросами, не детализируя показания и не используя методы активизации памяти. Как следствие, важная информация (например, описание одежды пропавшего, его привычек, круга общения, обстоятельств последнего дня) может быть утрачена. Еще более серьезные ошибки допускаются при допросе подозреваемых. В некоторых случаях следователи, не имея достаточной доказательственной базы, преждевременно предъявляют подозрение и проводят допрос подозреваемого, не подготовившись должным образом. Это позволяет подозреваемому выработать линию защиты и дать ложные, но согласованные с адвокатом показания.

К числу грубых тактических ошибок относится также игнорирование возможности проведения психофизиологического исследования с использованием полиграфа. Хотя результаты такого исследования не являются доказательством по делу, они могут помочь следователю оценить достоверность показаний подозреваемого и выбрать правильную тактику дальнейшего допроса. Однако, как показывает практика, к полиграфу обращаются далеко не всегда, упуская возможность получить ценную ориентирующую информацию.

Пятая группа ошибок связана с назначением и проведением судебных экспертиз. При расследовании убийств, связанных с исчезновением человека, особое значение имеют молекулярно-генетическая, судебно-медицинская, трасологическая, почвоведческая, а в отдельных случаях — ситуационная экспертиза. Однако на практике следователи нередко запаздывают с назначением экспертиз, либо формулируют вопросы перед экспертом таким образом, что получить однозначный ответ не представляется возможным. Н. Е. Борохова в своем исследовании, посвященном установлению причин смерти при отсутствии трупа, высказывает критическое отношение к использованию ситуационных экспертиз, не основанных на исследовании трупа, и отмечает, что обвинительное решение суда по делам данной категории часто содержит предположения. В связи с этим она рекомендует критически оценить достаточность доказательств для вывода о виновности лица и подчеркивает, что обвинительный приговор суда не должен вызывать сомнений в своей обоснованности и предполагать наличие иных версий исследуемого события [5].

Особую проблему представляет собой ситуация, когда труп потерпевшего не обнаружен вовсе, и все доказательства носят косвенный характер. В таких случаях следователи нередко пытаются компенсировать отсутствие прямых доказательств путем проведения многочисленных ситуационных экспертиз, которые, по мнению Н. Е. Бо-

роховой, не могут заменить исследование трупа и не позволяют с достоверностью установить причину смерти. Автор приходит к выводу о невозможности составления единого алгоритма в доказывании по данной категории дел и признает необходимость обобщения судебной практики и выработки рекомендаций для работников следствия и суда [5].

Шестая группа ошибок связана с организацией взаимодействия с оперативными подразделениями. Как уже отмечалось ранее, эффективное взаимодействие следователя и органа дознания является залогом успешного расследования. Однако на практике нередко возникают проблемы, связанные с несвоевременной дачей поручений, отсутствием контроля за их исполнением, а также с недостаточной координацией действий.

Наиболее тяжкими последствиями оборачиваются ошибки, приводящие к судебным ошибкам и необоснованному осуждению. К сожалению, российская судебная практика знает несколько резонансных случаев, когда лица были осуждены за убийство при отсутствии трупа, а затем «убитые» находились живыми. Наиболее ярким примером является дело братьев Данченко, получившее широкую огласку в 2018 году. Как сообщается в публикациях, жителя Читы Евгения Данченко приговорили к пожизненному сроку за убийство пяти человек, включая его гражданскую жену Татьяну, тело которой так и не было найдено [6]. Основанием для обвинения в убийстве Татьяны стали показания свидетелей — сестры осужденного и его брата-подельника, которые утверждали, что видели, как Данченко ударил женщину бутылкой по голове, после чего она упала и не подавала признаков жизни. Судебно-медицинская экспертиза, проведенная по материалам дела с учетом показаний свидетелей, пришла к выводу, что «смерть пострадавшей могла наступить от тупой травмы головы». На основании этих доказательств суд признал Данченко виновным в убийстве Татьяны.

Однако через год после начала отбывания наказания «убитая» Татьяна нашлась живой и здоровой во Владивостоке. Как выяснилось, после ссоры с Данченко она уехала в другой город, где встретила другого мужчину и родила сына. Заместитель Генерального прокурора России обратился в Верховный Суд с заключением о пересмотре уголовного дела «ввиду новых обстоятельств», и приговор в части убийства Татьяны был отменен. Виновной в судебной ошибке признали сестру осужденного Ольгу, которая была приговорена к полутора годам лишения свободы условно за дачу ложных показаний [7]. Этот случай наглядно демонстрирует, насколько опасными могут быть последствия расследования, основанного преимущественно на показаниях свидетелей, при отсутствии объективных доказательств, подтверждающих факт смерти.

Другим резонансным примером является дело Дмитрия Медкова из Ставропольского края, который был необоснованно направлен на принудительное психиатрическое лечение по обвинению в убийстве своей 14-летней сестры Татьяны, чей труп также не был найден. Как со-

общается в публикациях, следователи, вместо того чтобы организовать розыск пропавшей девочки, «почему-то решили, что она мертва, и возбудили уголовное дело по статье «Убийство», в котором обвинили брата Татьяны, 17-летнего Дмитрия». В ходе следствия были допущены многочисленные нарушения: экспертиза, которая могла обнаружить в печи сажу от трупа, не проводилась; на то-поре якобы была обнаружена человеческая кровь, но экс-пертизу на ее принадлежность проводить не стали; по-казания свидетеля были получены под психологическим давлением. В результате Дмитрий Медков был направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу, где провел почти три года, пока его сестра не нашлась живой и здоровой в Дагестане, куда она сбежала после ссоры с родителями [8].

Эти трагические примеры позволяют выделить несколько ключевых ошибок, которые привели к судебным ошибкам по делам об убийствах без трупа. Во-первых, это подмена объективного доказывания субъективными предположениями. В обоих случаях следователи исходили из презумпции виновности подозреваемых, а не из презумпции невиновности. Во-вторых, это некритическое отношение к показаниям свидетелей, особенно тех, кто мог быть заинтересован в исходе дела. В-третьих, это игнорирование версии о том, что пропавший мог быть жив, и прекращение активных поисковых мероприятий после возбуждения уголовного дела. В-четвертых, это недостаточное использование объективных методов доказывания, включая молекулярно-генетические экспертизы, которые могли бы подтвердить или опровергнуть факт смерти.

Анализ статистических данных позволяет оценить масштаб проблемы. По данным МВД, ежегодно в стране пропадает около 180 тысяч человек. Большинство из них впоследствии обнаруживаются живыми, однако значительная часть остается в розыске, и по некоторым из них возбуждаются уголовные дела об убийстве. По некоторым данным, в России вынесено более тысячи приговоров по делам об убийствах без трупа. Это свидетельствует о том, что практика расследования и судебного рассмотрения данной категории дел достаточно распространена, а риск судебной ошибки остается высоким.

В связи с этим возникает вопрос о допустимости и законности вынесения обвинительных приговоров при отсутствии трупа потерпевшего. Как отмечает адвокат Е., в советское время считалось, что невозможно доказать преступление, в результате которого причинена смерть, без установления самого факта смерти, и этот подход был косвенно закреплён в статье 79 УПК РСФСР, которая требовала обязательного назначения судебной экспертизы для установления причин смерти. Однако в 2000-х годах от данного подхода стали отходить, и в последние лет 10 приговоры по делам без тела выносят все увереннее и чаще [7].

Мнения ученых и практиков по этому вопросу расходятся. По мнению адвоката Ю. Шевякова, «нет тела — нет

дела» — это, скорее, стереотип, существовавший многие годы в головах правоприменителей, и «подобный подход к делам «без тел» считаю пагубным и социально опасным. Напротив, партнер адвокатского бюро М. Кириенко занимает более осторожную позицию, отмечая, что вынесение законного приговора при отсутствии трупа — это приговор, построенный на догадках, оставляющий слишком много сомнений, которые сами по себе в силу положений статьи 14 УПК РФ исключают постановление обвинительного приговора [7].

Верховный Суд РФ, в свою очередь, занимает двойственную позицию. С одной стороны, в Постановлении Пленума от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» он напоминает, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана [9]. С другой стороны, в ряде решений по конкретным делам он оставлял в силе приговоры, вынесенные при отсутствии трупа. Например, в 2014 году ВС РФ оставил в силе приговор Иркутского областного суда в отношении трех осужденных по части 2 статьи 105 УК РФ, указав, что факт отсутствия трупа не ставит под сомнение вывод суда о доказанности виновности осужденных в совершении убийства, поскольку данный вывод основан на совокупности исследованных в ходе судебного рассмотрения доказательств: протоколе осмотра места происшествия, заключении экспертов, показаниях свидетелей, а также осужденных на предварительном следствии [10].

Таким образом, анализ типичных ошибок и недостатков, допускаемых при расследовании убийств, связанных с исчезновением человека, позволяет сделать вывод о том, что многие из них имеют системный характер и обусловлены как объективными факторами (сложность доказывания при отсутствии трупа, дефицит времени на первоначальном этапе), так и субъективными (недостаточная квалификация следователей, некритическое отношение к доказательствам, игнорирование версии о том, что пропавший может быть жив). Особую тревогу вызывают случаи судебных ошибок, когда лица необоснованно осуждаются за убийство, которого не было, а «убитые» впоследствии находятся живыми. Эти ошибки наносят непоправимый вред как самим осужденным, так и авторитету правоохранительной и судебной системы в целом. В связи с этим необходима дальнейшая разработка и внедрение в практику рекомендаций, направленных на минимизацию риска судебных ошибок, включая обязательное проведение молекулярно-генетических экспертиз, тщательную проверку показаний свидетелей, активное использование объективных методов доказывания (цифровых следов, данных видеонаблюдения, биллинга), а также повышение квалификации следователей и судей по вопросам расследования и рассмотрения дел об убийствах, связанных с исчезновением человека.

Литература:

1. Захарова В. О. О некоторых ошибках, допускаемых в ходе установления обстоятельств безвестного исчезновения несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 218–221.
2. Завьялов И. А., Красовская Е. Л. Особенности рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц. Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 167–171.
3. Волгин Ю. Г. Информационная основа методик расследования отдельных видов преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 186–193.
4. Центров Е. Е. Особенности версионной деятельности следователя. роль интуитивного познания в процессе раскрытия и расследования преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 2 (59). С. 9–16.
5. Борохова Н. Е. Установление причин смерти судом при отсутствии экспертного заключения в уголовном процессе // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. № 2. С. 86–90.
6. Дело без тела В России сажают за убийства без трупов. Даже если жертвы на самом деле живы (21.11.2018). [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2018/11/21/delobeztela?referrer=longgrid_51
7. Дело, которого нет (08.07.2018) «Сфера»: как в России ведут уголовные дела «без тела» / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/media/delo-kotorogo-net/>
8. Залечили в дурдоме? Умер ошибочно осуждённый за убийство сестры Дима Медков // Еженедельник «Аргументы и факты». Ставрополь. 08.10.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://stav.aif.ru/incidents/chelovek-pogibi-eshche-odin-ranen-v-dtp-s-gruzovikom-i-legkovushkoy-v-ingushetii>
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 (ред. от 09.12.2025) «О судебном приговоре» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/?ysclid=mo615382ko955394789
10. Апелляционное определение от 23 сентября 2014 г. по делу № 2–6/14. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/OCJkDhuovIxc/?ysclid=mo61a63yno720274778>

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 18 (621) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 13.05.2026. Дата выхода в свет: 20.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.